М. Лермонтовъ

1814

1841

М. Ю. Лермонтов.

Портрет работы К. А. Горбунова. 1883 г.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

В ПОРТРЕТАХ И ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

СОСТАВИЛИ
Э. Ф. ГОЛЛЕРБАХ и В. А. МАНУЙЛОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРКОМПРОСА РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ * ЛЕНИНГРАД * 1941

8 (С) р
Л—49

Альбом «М. Ю. Лермонтов в портретах и иллюстрациях» рассчитан на учителя средней школы и должен служить пособием при изучении жизни и творчества Лермонтова в классе.

Он состоит из репродукций с портретов, картин, рисунков, автографов и пр., иллюстрирующих важнейшие моменты жизни и творчества поэта.

Иллюстративный материал сопровождается цитатами из произведений поэта, высказываний о нем, документов и пр.

В альбом входит также статья «Лермонтов, жизнь и творчество».

Настоящий альбом однотипен с альбомами: «А. С. Пушкин в портретах и иллюстрациях», 1937 г., «Н. А. Некрасов в портретах и иллюстрациях», 1938 г., «М. Е. Салтыков-Щедрин в портретах и иллюстрациях», 1939 г., «Т. Г. Шевченко в портретах и иллюстрациях», 1940 г., «В. В. Маяковский в портретах и иллюстрациях», 1940 г.

ЛЕРМОНТОВ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

1

Это было вскоре после победного окончания Отечественной войны. В начале лета 1814 года в Москву из Петербурга приехал капитан в отставке Юрий Петрович Лермонтов вместе с молодой женой Марией Михайловной и поселился у своей тещи Елизаветы Алексеевны Арсеньевой в большом каменном доме напротив Красных ворот. Мария Михайловна ждала ребенка. Из Тархан, Пензенской деревни Арсеньевой, заранее привезли кормилицу. Дворовые девушки готовили детское приданое.

В ночь со второго на третье октября старого стиля (с 14 на 15 октября по новому стилю) 1814 года у Марии Михайловны Лермонтовой родился мальчик. В семье Лермонтовых из поколения в поколение чередовались имена Петр и Юрий. Но Елизавета Алексеевна настояла на том, чтобы мальчик был наречен Михаилом, в честь покойного деда по материнской линии — Михаила Васильевича Арсеньева.

Вскоре Арсеньева с дочерью, зятем и внуком переехала в Тарханы. Там и прошли детские годы Лермонтова.

Семейная жизнь родителей Лермонтова была несчастлива. Нелады между супругами обострялись постоянным вмешательством властолюбивой Елизаветы Алексеевны.

Юрий Петрович Лермонтов принадлежал к захудалому дворянскому роду. Он любил рассказывать о том, что его предки происходили от испанского владетельного герцога Лермы, который во время борьбы с маврами должен был бежать из Испании в Шотландию. Действительно, в старинных шотландских хрониках упоминается некто Лермонт, бывший участник событий, воссозданных Шекспиром в трагедии «Макбет». Этот Лермонт был приверженцем Малькольма, сына Дункана, и бился под его знаменами против узурпатора Макбета. В начале XVII века, во время смут в Шотландии, один из Лермонтов, Георг, покинул родину. Сначала он отправился в Польшу, а затем, в 1613 году, в числе шестидесяти шотландцев и ирландцев, после взятия русскими крепости Белой, перешел служить к московскому царю. От Георга Лермонта пошла русская ветвь Лермонтовых, мелкопоместных служилых дворян.

Е. А. Арсеньева, происходившая из рода Столыпиных, разбогатевших при Екатерине II, была женщиной крутого и гордого нрава. Юрий Петрович, по ее мнению, не заслуживал внимания дочери; не такого зятя хотела бы она видеть в своем доме.

Несчастливая семейная жизнь подорвала слабые силы Марии Михайловны. 24 февраля 1817 года она умерла. Лермонтову шел всего только третий год.

Между Елизаветой Алексеевной Арсеньевой и Юрием Петровичем Лермонтовым разгорелся ожесточенный спор за право воспитывать мальчика. Арсеньева выдала зятю вексель на 25 тысяч рублей и завещала все свое «движимое и недвижимое имение» внуку, но при условии, что мальчик останется на ее попечении. Юрий Петрович согласился и уехал из Тархан в свою деревню Кропотовку. Мальчик остался у бабушки. Впоследствии Лермонтов постоянно возвращался в юношеских стихах и драмах к этой семейной трагедии, задумываясь над вопросом, кто же виноват: отец или бабушка.

Чтобы укрепить здоровье внука, Арсеньева несколько раз возила его в детстве к кавказским минеральным водам, где жила ее сестра Екатерина Алексеевна Хастатова. Природа Кавказа и рассказы старших о кавказской войне произвели на мальчика сильное впечатление.

Летом 1825 года Лермонтов пережил первую детскую влюбленность: «Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду? — Мы были большим семейством на водах Кавказских: бабушка, тетушки, кузины. К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет 9. Я ее видел там. Я не помню, хороша собою была она или нет. Но ее образ и теперь еще хранится в голове моей...»

В Тарханах Лермонтов постоянно играл вместе с дворовыми мальчиками в кавказскую войну. Он слышал от сотоварищей по играм о бескормицах, недородах, о рекрутчине, о беспросветной мужицкой нужде. Деревня была почти рядом с усадьбой, сейчас же за прудом. Лермонтов с детских лет наблюдал крепостные нравы и рано постиг горькую участь народа.

Арсеньева дала внуку хорошее по тогдашнему времени воспитание. К мальчику были приглашены немка и гувернер-француз Капе, который некогда служил сержантом в наполеоновской гвардии, был ранен и остался в России. Маленький Лермонтов с увлечением слушал рассказы Капе о французской революции, о походах Наполеона, о войне 1812 года. Брат бабушки, Александр Алексеевич Столыпин, служил в свое время адъютантом при Суворове. В Тарханах была жива память о восстании Пугачева. Все это рано пробудило в Лермонтове интерес к истории.

Лермонтову было одиннадцать лет, когда в Петербурге 14 декабря 1825 года, а затем и на юге России, произошли вооруженные выступления декабристов. В Тарханах, несомненно, много говорили об этом событии: братья Е. А. Арсеньевой Столыпины были лично знакомы с Пестелем, Рылеевым и некоторыми единомышленниками декабристского движения.

2

Осенью 1827 года Арсеньева переехала с внуком в Москву, чтобы подготовить его к поступлению в Московский университетский пансион. Мальчик занимался языками, рисованием, музыкой. 1 сентября 1828 года Лермонтов поступил полупансионером в четвертый класс Университетского пансиона. Он был хорошо подготовлен, читал и писал на русском, французском и немецком языках, затем овладел английским и немного знал по-латыни. Учился Лермонтов превосходно. Пансион был одним из лучших учебных заведений в России. Особое внимание уделялось истории, литературе, языкам. Среди преподавателей пансиона были поэты А. Ф. Мерзляков и С. Е. Раич, переводчики латинских и итальянских авторов. Под руководством Раича пансионеры образовали «Общество любителей российской словесности». Юные «любители» читали и разбирали свои литературные опыты, издавали рукописные журналы, альманахи и даже печатные сборники. В пансионе в 1828 году Лермонтов начал писать стихи. В собраниях литературного общества и пансионских журналах он принимал самое деятельное участие.

Отроческие произведения Лермонтова, конечно, подражательны, но они свидетельствуют об его исключительной начитанности и литературной памяти. Пушкин был любимым поэтом и неизменным учителем Лермонтова. Его первые поэмы «Кавказский пленник» и «Черкесы» написаны под непосредственным влиянием южных поэм Пушкина. Требовательный к себе, Лермонтов не печатал своих ранних произведений, считая, что это лишь ученические опыты. Позднее, в годы поэтической зрелости, Лермонтов нередко возвращался к ранним замыслам, стремясь по-новому, более углубленно и совершенно, переработать их. Не только для исследователя, но и для каждого внимательного читателя интересны отроческие и юношеские произведения Лермонтова. Это своего рода лирические дневники. По ним можно восстановить, как много передумал и перечувствовал созревающий поэт.

В марте 1830 года Университетский пансион посетил Николай I. Он был предубежден против пансиона, считая это учебное заведение слишком вольным. Как и следовало ожидать, Николай I остался недоволен относительной независимостью воспитанников и либерализмом педагогов. Вскоре, 29 марта, последовал «высочайший указ» о закрытии пансиона. Лермонтову было выдано свидетельство о том, что он «обучался в старшем отделении высшего класса разным языкам, искусствам и преподаваемым в оном нравственным, математическим и словесным наукам, с отличным прилежанием, похвальным поведением и с весьма хорошими успехами».

Зашла было речь о продолжении образования за границей, но затем Лермонтов решил готовиться к экзамену в Московский университет.

3

Лето 1830 года Лермонтов провел вместе с бабушкой в подмосковном имении Средниково, которое принадлежало Екатерине Апраксеевне Столыпиной, вдове Дмитрия Алексеевича. Здесь еще была жива память о просвещенном хозяине, друге декабристов. Сохранилась прекрасная библиотека, в которой Лермонтов нашел, конечно, стихи любимых своих поэтов.

В Средникове жил семинарист Орлов, он давал уроки русской словесности Аркадию Столыпину. Орлов заинтересовался стихами пятнадцатилетнего Лермонтова, поправлял ему ошибки, объясняя основы стихосложения. Их беседы часто оканчивались спорами. Лермонтову не всегда нравились произведения поэтов XVIII века. Зато юноша охотно слушал, как Орлов пел народные песни.

Этим же летом Лермонтов прочел только что вышедшую книгу Томаса Мура о жизни лорда Байрона, в которой были впервые опубликованы письма и дневники английского поэта. В своих юношеских записях Лермонтов не раз отмечает черты своего характера, привычки и события, роднящие его с любимым Байроном. С увлечением он читал Шекспира, Руссо, Шатобриана и Шиллера. Драматургия Лессинга и Шиллера во многом сказалась на первых драматических опытах молодого Лермонтова («Испанцы» и «Menschen und Leidenschaften»).

Лермонтов внимательно следил за всем новым, что появлялось в русской и западной литературе. Он хорошо знал французскую литературу, но уже тогда считал, что в наших народных сказках «больше поэзии, чем во всей французской словесности».

30 июля 1830 года в Париже вспыхнула революция. Французский король Карл X отрекся от престола и бежал в Англию. Лермонтов с большим интересом следил за событиями. Едва ли не единственный из всех русских поэтов он приветствовал июльскую революцию.

Лермонтов обращался к Карлу X:

Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел. — Ты полагал
Народ унизить под ярмом.
Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей.
Провозгласил он твой конец;
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец.
И загорелся страшный бой;
И знамя вольности как дух
Идет пред гордою толпой.
И звук один наполнил слух;
И брызнула в Париже кровь. —
О! чем заплотишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан.

Так писал Лермонтов, когда русская печать, аристократические и дворянские круги выражали свое горячее сочувствие низложенному королю.

И в России было неспокойно. С востока, с Поволжья, шла эпидемия холеры. Многие губернии были охвачены жестоким бедствием. Письма приходили насквозь проколотые и окуренные серой.

В южных портах появилась чума. Вскоре Арсеньева получила известие о том, что в начале июля в Севастополе во время чумного бунта был убит ее брат, военный губернатор Николай Алексеевич Столыпин.

В августе Арсеньева вместе с внуком вернулась в Москву. Лермонтов выдержал экзамен и поступил в Московский университет. Но только начались лекции, холера проникла в Москву. Многие, кто успел, бежали в Смоленск, в Петербург. Город был оцеплен военными кордонами, учреждены карантины. Москва опустела, как в 1812 году. Оставшиеся в городе заперлись в своих домах. Университет был закрыт. Это страшное время Лермонтов пережил с бабушкой в Москве. В его стихах 1830 и 1831 годов часто встречаются раздумья о стихийных бедствиях, народных движениях, о грядущих восстаниях.

Под впечатлением событий 1830 года Лермонтов пишет «Предсказание», где выражает уверенность, что настанет год, «когда царей корона упадет». Он думает о народном вожде, герое революции. В политических стихах Лермонтова — прямое продолжение гражданской лирики молодого Пушкина и поэтов-декабристов, в особенности Рылеева.

В годы жестокой Николаевской реакции, еще безвестный Лермонтов уже осознавал назначение поэта-гражданина. В юношеских стихах он предстает перед нами как деятельный борец против социального зла. Для Лермонтова «жизнь скучна, когда боренья нет». Он говорит о себе:

Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что́ значит отдыхать.

4

В те годы Байрон был властителем дум передовых людей Западной Европы и России. Для декабристов, для Пушкина, Байрон был могучим и неукротимым борцом против торжествующей реакции, «гражданином грядущих поколений». И понятно, что байроническая поэма стала на два десятилетия господствующей формой русской поэзии. Пушкин, Козлов и Рылеев разработали русскую байроническую поэму. Лермонтов, хорошо знавший литературное наследие Байрона и творчество его русских последователей, продолжил и углубил эту линию европейского и русского романтизма.

Байроническая поэма, как одна из наиболее распространенных форм романтической поэмы, родилась в эпоху утверждения прав личности. Это стало возможным только после завоеваний буржуазной французской революции. Молодая буржуазия, пришедшая на смену феодальному обществу, утверждала новые идеалы, новые права и новые нормы поведения. В этих условиях ранний буржуазный индивидуализм имел прогрессивное значение. Байрона и его последователей уже занимали не столько описания внешних событий, сколько раскрытие внутреннего мира героя, его мысли и переживания. Таковы поэмы Байрона лондонского периода (1812—1816) «Гяур», «Абидосская невеста», «Корсар», «Лара», «Осада Коринфа», «Паризина» и др. В байронической поэме все внимание поэт обращал на развернутую характеристику гордого мятежника, ниспровергающего моральные устои дореволюционного феодального общества и утверждающего

новую правду. Число героев в байронической поэме ограничено: один-два, редко три человека. И кто бы ни был этот герой, будь он горец, корсар или ангел смерти, в какие бы экзотические, романтические одеяния ни рядил его автор, — он всегда выражал прежде всего переживания и настроения самого автора. Вот почему байроническая поэма приближается по форме к большому лирическому стихотворению, почти целиком состоящему из исповеди героя или героини. Связность повествования намеренно нарушается. Сюжет несколько ослаблен, не развит. Самый стиль байронической поэмы характеризуется тоном приподнятого, взволнованного повествования или исповеди. Отсюда — постоянные восклицания, вопросы, живая, прерывистая речь.

Романтические поэмы Байрона показывали гордых мятежников на берегах Средиземного моря. Здесь шла борьба за пути на Восток, здесь происходили постоянные столкновения за колониальные рынки. Байрон, связавший свою жизнь с греческим освободительным движением, неслучайно выбирает местом действия для целого ряда своих поэм Средиземное море. Для Пушкина и для Лермонтова таким центром пересечения исторических сил был Кавказ, где тогда разгоралась большая колониальная война. Оба русских поэта знали этот край, с интересом наблюдали жизнь горцев и кавказскую природу. Так, черпая материал из окружающей действительности, расширяли они тематический круг русской поэзии и вводили в литературу описания природы и быта народов Кавказа.

Байрон многое подсказал Лермонтову — автору таких поэм как «Аул Бастунджи», «Каллы», «Азраил», «Ангел смерти», «Литвинка», «Хаджи Абрек», «Измаил-Бей», «Боярин Орша», «Мцыри» и «Демон». Но Лермонтов, еще будучи студентом Московского университета, хорошо осознавал свою самобытность и тесную связь с окружающей русской действительностью:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

5

Вслед за Радищевым, Пушкиным и Рылеевым Лермонтов с молодых лет много думал об участи русского крестьянства, об ужасах крепостничества, о родине, «где стонет человек от рабства и цепей». В автобиографической драме «Странный человек» (1831), Лермонтов не замыкается в узкий круг личных переживаний. Целую сцену посвящает он разговору своих героев с крепостным крестьянином, который прислан от всего села с просьбой выкупить крестьян у жестокой помещицы.

Лермонтов-студент, так же как и молодой Белинский в драме «Дмитрий Калинин», — нашел смелые слова, чтобы правдиво рассказать о жизни оброчных мужиков, о злодействах управителя, о жестокостях помещиков. И Лермонтов понял: «счастье, богатство — все куплено кровавыми слезами».

Лермонтов учился в Московском университете одновременно с Белинским, Герценом, Гончаровым. К кругу Белинского и Герцена Лермонтов не примыкал, но идя своим путем, Лермонтов жил теми же интересами, что и лучшие передовые люди его поколения. Впоследствии Герцен писал: «Он всецело принадлежит к нашему поколению... Мы видели только казни и изгнания. Принужденные к молчанию, сдерживая слезы, мы выучились сосредоточиваться, скрывать свои думы, — и какие думы! То не были уже идеи просвещающего либерализма, идеи прогресса, то были сомнения, отрицания, злобные мысли. Привыкши к этим чувствам, Лермонтов не мог спастись в лиризме, как Пушкин. Он влачил тяжесть скептицизма во всех своих фантазиях и наслаждениях. Мужественная, грустная мысль никогда не покидала его чела, — она пробивается во всех его стихотворениях. То была не отвлеченная мысль, стремившаяся украситься цветами поэзии, нет, размышления Лермонтова это — его поэзия, его мучение, его сила».

6

Эпидемия холеры миновала, и в Московском университете возобновились занятия. Но преподавание в Университете было тогда поставлено плохо. Как раз в 1831 году Пушкин не без основания писал Погодину: «Ученость, деятельность и ум (несносны) чужды Московскому университету».

Профессора читали лекции по чужим руководствам: «Словесность — по Бургию», «Право — по Гейнекцию», «Всеобщую историю — по Пелицу», откровенно сознаваясь, что «умнее не сделаешься, хоть и напишешь свое собственное».

Вполне понятно, что лекции мало подготовленных профессоров не удовлетворяли Лермонтова. Он обычно приходил на лекцию с какой-либо новой иностранной книгой и, усевшись в углу аудитории у окна, углублялся в чтение, не слушая лектора.

Однажды, в конце 1831 года, когда профессора проверяли знания студентов, Лермонтова вызвал профессор Победоносцев, читавший «изящную словесность».

Лермонтов отвечал уверенно и бойко. Победоносцев сначала слушал его, но потом остановил и сказал:

— Я вам этого не читал; я желал бы, чтобы вы мне отвечали именно то, что я проходил. Откуда могли вы почерпнуть эти знания?

— Это правда, господин профессор, того, что я сейчас говорил, вы нам не читали и не могли передавать, потому что это слишком ново и до вас еще не дошло. Я пользуюсь источниками из своей собственной библиотеки, снабженной всем современным.

Этот дерзкий ответ по-существу был справедлив. Почти такой же разговор произошел между Лермонтовым и адъюнкт-профессором Гастевым, читавшим геральдику и нумизматику. Профессора обиделись, и среди университетского начальства установилось к Лермонтову недоброжелательное отношение.

Неудовлетворенный Московским университетом, Лермонтов осенью 1832 года переехал в Петербург, чтобы поступить в университет петербургский. Но ему отказались зачесть два курса, прослушанных в Москве. Начинать все с начала Лермонтов не захотел. Он поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

7

Это была настоящая николаевская казарма. Сам Лермонтов называл время, проведенное в школе, «двумя страшными годами». Большей части юнкеров литературные и философские интересы были совершенно чужды. Чтение художественной литературы в школе было вообще запрещено. Впрочем, школьное начальство разрешало юнкерам выпускать рукописный журнал, где помещались шуточные стихи, поэмы и карикатуры. Журнал назывался «Школьная заря».

Во время пребывания в Школе гвардейских подпрапорщиков Лермонтов много работал над первым опытом исторического повествования в прозе, которое условно получило название по имени героя — «Вадим». Это было начало романа о событиях 1773—1774 годов.

Замечательно, что мысль написать произведение на материале Пугачевского восстания возникла у Лермонтова до выхода в свет «Истории Пугачевского бунта» Пушкина и его «Капитанской дочки».

Исторический роман молодого Лермонтова носит еще все признаки увлечения школой западноевропейского и русского «неистового романтизма». Герой романа, горбач Вадим, — типичный романтический герой, святой злодей, гордый мститель. Но когда Лермонтов переходит к народным сценам, тотчас пробивается живая реалистическая струя, веет подлинной правдой жизни. Здесь уже чувствуется не влияние литературных образцов, но личный опыт поэта, его чутье народного языка и знание народной жизни.

8

22 ноября 1834 года Лермонтов был произведен в офицеры и выпущен в лейб-гвардии гусарский полк, который стоял в Царском селе. Но Лермонтов ездил туда только на парады и дежурства, проводя бóльшую часть времени в столице.

Пустая и пестрая жизнь петербургского светского общества сначала увлекала Лермонтова: балы, маскарады, театры. Однако, вскоре он понял, что в светских гостиных его принимают только благодаря связям бабушки.

В драме «Маскарад» и повести «Княгиня Лиговская» Лермонтов разоблачил пустоту петербургского света. Главное действующее лицо «Маскарада» — Евгений Александрович Арбенин — одна из первых попыток Лермонтова разработать типичный характер героя тридцатых годов в реальной бытовой обстановке николаевского Петербурга.

В «Маскараде» Лермонтов, как драматург, во многом следует традициям французской мелодрамы, но по языку и стилю его пьеса примыкает к комедии Грибоедова «Горе от ума». Тот же разностопный, так называемый «вольный стих», который до Грибоедова был еще разработан Крыловым. «Вольный стих» больше всего приближается к разговорной речи, дает возможность развернуть меткие характеристики и острые эпиграмматические реплики.

Поэту хотелось увидеть «Маскарад» на сцене или хотя бы напечатать пьесу. Три раза переделывал он свою драму, пытаясь приспособить ее к требованиям цензуры. Но цензоры понимали ее сатирическую направленность и отвечали, что пьеса не может быть поставлена «по причине слишком резких страстей и характеров и также потому, что в ней добродетель недостаточно награждена».

Так Лермонтову и не пришлось увидеть «Маскарад» ни на сцене, ни в печати.

9

27 января 1837 года Пушкин был смертельно ранен на дуэли Дантесом. Горестное известие быстро распространилось по Петербургу и в тот же день дошло до Лермонтова, который в это время был болен и лежал в квартире Арсеньевой.

Под впечатлением известий о смертельном ранении Пушкина, Лермонтов написал стихи «Смерть поэта».

Несколькими днями позднее, когда в придворных кругах стали раздаваться голоса в защиту убийцы поэта, Лермонтов приписал последние 16 строк, где точно указал, кто был истинным виновником смерти Пушкина:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Трепещите вы под сенью закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..

Это был прямой вызов придворному, великосветскому Петербургу, затравившему Пушкина. Стихи Лермонтова точно и сильно выражали негодование, охватившее передовую, мыслящую Россию.

Через несколько дней эти стихи распространились по Петербургу, Москве, а затем и по всей стране в тысячах списков. Современники списывали стихи на смерть Пушкина в магазинах, в кондитерских, прямо на улице, заучивали наизусть.

«Смерть Пушкина возвестила России о появлении нового поэта — Лермонтова» — так определил В. А. Соллогуб впечатление, которое произвели стихи Лермонтова. Вся грамотная Россия услышала в ненапечатанных этих стихах выражение своего горя и гнева. Это был голос народа. Современники именно так и расценивали это событие. «Навряд ли когда-нибудь еще в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление» — писал В. В. Стасов.

Лермонтов видел назначение поэта в том, чтобы его стих

...носился над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Стихи на смерть Пушкина прозвучали как набат; они всколыхнули всю Россию.

За сочинение «непозволительных стихов» на смерть Пушкина Лермонтов был переведен в Нижегородский драгунский полк, стоявший тогда на Кавказе, а его друг С. А. Раевский, обвиненный в распространении этих стихов, сослан в Олонецкую губернию.

10

Лермонтов был уже на Кавказе, когда в июньской книжке журнала «Современник» за 1837 год было напечатано его стихотворение «Бородино». В это время, в связи с 25-летием Отечественной войны, в журналах появлялись всевозможные «записки», «рассказы» и воспоминания участников кампании 1812 года. «Бородино» Лермонтова было откликом на славную годовщину. Это были патриотические стихи, но патриотизм их был чужд официальной народности. Лермонтов обратился к славным дням прошлого, чтобы противопоставить их унылому настоящему:

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана.
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Не даром помнит вся Россия
Про день Бородина!»
— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!

Лермонтов был горд за свой народ, победивший в освободительной войне, и Лермонтову было горько и стыдно за настоящее. Именно так определил основную идею этого стихотворения Белинский: «Эта мысль — жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел».

Тема «Бородина» давно занимала Лермонтова. Еще в 1830 году он написал «Поле Бородина». Тогда это был приподнятый, романтический монолог. Через шесть-семь лет Лермонтов заново переработал стихи. Теперь они зазвучали правдиво и просто. Белинский отметил и подлинный реализм «Бородина»: «Это стихотворение отличается простотою, безыскусственностию; в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо-простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии. Ровность и выдержанность тона делают осязаемо-ощутительной основную мысль поэта».

11

Весь 1837 год Лермонтов провел «в беспрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом». Крепостническая Россия прошла перед его глазами от Петербурга до Тифлиса, от Кизляра до Тамани. Лермонтов с интересом всматривался в жизнь своей страны. Новые люди, новые места волновали его. В письме к Раевскому Лермонтов писал: «Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собою порядочную коллекцию... Как перевалился через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко; оттуда видна половина Грузии, как на блюдечке, и право я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух — бальзам; хандра к черту, сердце бьется, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту: так сидел бы да смотрел целую жизнь».

Свои картины и рисунки, изображающие кавказские виды, Лермонтов, пользуясь всякой удобной оказией, пересылал друзьям в Петербург. Многие из этих рисунков Лермонтова сохранились до наших дней. Лермонтов не был художником-профессионалом, как Тарас Шевченко. Но он был талантливым любителем-рисовальщиком и, как многие современники (Пушкин, Жуковский,

Гоголь), с детских лет с увлечением рисовал «для себя» — карандашом и акварелью, писал маслом, а также владел техникой литографии. Известно, что Лермонтов брал уроки рисования и живописи у художника А. С. Солоницкого, а позднее у И. Е. Заболотского. Графика и живопись 20-х и 30-х годов была хорошо знакома Лермонтову. В его картинах и рисунках заметно воздействие работ А. О. Орловского, Г. Г. Гагарина, с которым Лермонтов был знаком лично, О. А. Кипренского и К. П. Брюллова.

1837 год на Кавказе имел для творческого развития Лермонтова громадное значение. Как возмужавший гражданин и зрелый художник, Лермонтов заинтересовался людьми и природой этого удивительного края. С большим вниманием знакомился он с восточной литературой, искусством, философией. Сказания и песни кавказских народов обогащают его творчество, горные пейзажи подсказывают реальную обстановку для поэм «Мцыри» и «Демон» (в последних редакциях) и книги «Герой нашего времени».

Лермонтов даже начал учиться татарскому языку, который, по его замечанию, «в Азии необходим, как французский в Европе».

Тем временем Арсеньева хлопотала о прощении внука. В октябре 1837 года Николай I делал в Тифлисе смотр четырем эскадронам Нижегородского драгунского полка, нашел их в хорошем состоянии, и это, косвенно, повлияло на судьбу поэта. Он получил в виде прощения перевод в Гродненский гусарский полк, который стоял в Новгороде. Лермонтову не хотелось уезжать с Кавказа. Здесь он себя чувствовал свободнее... По дороге на север поэт задержался в Ставрополе, где познакомился с сосланными на Кавказ декабристами.

В Новгороде Лермонтов прослужил недолго. Вскоре Арсеньевой удалось выхлопотать перевод внука в Лейб-гвардии гусарский полк. Поэт вернулся в Петербург.

12

Два года, проведенные Лермонтовым в Петербурге между первой и второй ссылками на Кавказ, — период расцвета его творчества. В 1838 году в «Литературных прибавлениях к русскому инвалиду» была напечатана «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» — произведение, в котором сказалось глубокое понимание Лермонтовым духа русского народного творчества.

Цензура не разрешила подписать это произведение полным именем опального поэта. Вместо подписи было обозначено только «— въ». Появление в свет «Песни» произвело большое впечатление на современников. Здесь, по словам Белинского, «поэт от настоящего мира неудовлетворяющей его русской жизни перенесся в ее историческое прошедшее, подслушал биение его пульса, проник в сокровеннейшие и глубочайшие тайники его духа, сроднился и слился с ним всем существом своим, обвеялся его звуками, усвоил себе склад его старинной речи, простодушную суровость его нравов, богатырскую силу и широкий размет его чувства и, как будто современник этой эпохи, принял условия ее грубой и дикой общественности, со всеми их оттенками, как будто бы никогда и не знавал о других, — и вынес из нее вымышленную быль, которая достовернее всякой действительности, несомненнее всякой истории... Наш поэт вошел в царство народности как ее полный властелин и, проникнувшись ее духом, слившись с нею, он показал только свое родство с нею, а не тождество... Он показал этим только богатство элементов своей поэзии, кровное родство своего духа с духом народности своего отечества».

Это было в годы, когда в русской филологической и исторической науке и в только что зарождавшейся этнографии начиналось глубокое и плодотворное изучение народной старины и народного быта. Русских писателей, ученых начинали интересовать народная поэзия, предания, легенды, поверья, обычаи; им начали открываться необыкновенные богатства духовной жизни народа. Достаточно вспомнить, каким событием в истории русской литературы было опубликование в самом начале XIX века «Слова о полку Игореве» (1800), а затем «Древних российских стихотворений, собранных Киршею Даниловым» (1804).

В 1831 году П. В. Киреевский и П. М. Языков начинают собирать русские народные песни. Пушкин и Жуковский вводят в русскую художественную литературу русские сказки, затем в «Библиотеке для чтения» появляются первые отрывки из сказки П. Ершова «Конек-Горбунок».

Лермонтов не мог не знать всех этих произведений, как и песен и романсов Мерзлякова и Дельвига, а также народных баллад Катенина.

Прекрасное знание подлинных русских былин и исторических песен подсказало Лермонтову поэтику его «Песни».

«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» вложена в уста «гусляров молодых, ребят удалых», начинается «заневкой» и кончается «славой». И гусляры, и поэтическая рамка, в которую вставлена «Песня», и ее отдельные части подсказаны духом народной поэзии, любящей заневы, причевы, всякую «причеть».

Правильную оценку «Песни» дают следующие слова А. В. Луначарского: «Форма «купца Калашникова» поражает своей зрелостью. В смысле классической законченности это произведение стоит на равной высоте с лучшими произведениями Пушкина».

13

В 1839 году Лермонтов примыкает к наиболее радикальному журналу «Отечественные записки» и часто бывает у издателя журнала А. А. Краевского. Участвуя в журнале, бывая на вечерах у писателя В. Ф. Одоевского и в семье покойного Н. М. Карамзина, Лермонтов вошел в тогдашний петербургский литературный круг, ближе познакомился с Жуковским, В. А. Соллогубом, П. И. Панаевым и др.

Тогда же в Петербурге образовался «кружок шестнадцати», названный так по числу участников. В этот кружок входил и Лермонтов. Один из членов кружка писал: «Это общество составлялось частью из университетской молодежи, частью из кавказских офицеров. Каждую ночь, возвращаясь из театра или с бала, они собирались то у одного, то у другого. Там после скромного ужина, куря свои сигары, они рассказывали друг другу о событиях дня, болтали обо всем и все обсуждали с полнейшей непринужденностью и свободой...» Друзей Лермонтова объединяли общие интересы политики, философии, литературы, искусства, театра. Это не было революционное тайное общество, но для тех лет «Кружок шестнадцати» был передовой, прогрессивной группой.

Теперь Лермонтов был известным поэтом. Одно за другим появлялись в «Отечественных записках» его стихотворения и повести, которые впоследствии вошли в книгу «Герой нашего времени».

14

В творчестве Лермонтова запечатлена трагедия передового молодого человека 30-х годов XIX столетия. Еще в стихотворении 1829 года «Монолог» намечена эта важнейшая лермонтовская тема:

К чему глубокие познанья, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем...

В таких стихотворениях как «Дума», «И скучно и грустно», в раздумьях Печорина выражена не только личная скорбь поэта, но и тоска целого поколения. Лучшие люди страшной эпохи николаевской реакции 30-х годов, так же как Лермонтов, осознавали безнадежность и трагичность своего существования. Была большая культура и могучие силы, но даже лучшие люди не видели, куда итти и какому делу отдать свои дарования. Так, Белинский писал: «действительность разбудила нас и открыла нам глаза: но для чего? Лучше бы она закрыла нам их навсегда, чтобы тревожные стремления жадного жизни сердца утолить сном ничтожества». Те же настроения звучат в «Дневнике» Герцена: «поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? поймут ли они, отчего мы лентяи, отчего мы ищем всяких наслаждений, пьем вино и прочее? Отчего в минуту восторга не забываем тоски?... О, пусть они остановятся с мыслью и грустью перед камнями, под которыми мы уснем, — мы заслужили их грусть!»

Но Лермонтов не смиряется. Исповедь «Мцыри» прозвучала для современников как слово протеста, как зов к борьбе за свободу. Белинский писал: «что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого мцыри! Это любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности. Во всем, что ни говорит мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственною мощью».

В «Мцыри» не было и не могло быть открыто выраженного политического протеста. Но порыв Мцыри к родным горам, его стремление вырваться из душной кельи воспринимались несколькими поколениями русских читателей как символ свободолюбия и революционных стремлений. Белинский и Герцен, Чернышевский и Добролюбов видели революционную сущность, мятежную силу поэмы Лермонтова.

Теми же мятежными настроениями, «с небом гордой враждой», проникнута поэма Лермонтова «Демон», над которой поэт работал всю жизнь.

Несколько раз перерабатывая поэму «Демон», Лермонтов не считал ее законченной и не решался печатать. Впрочем полностью эту поэму напечатать было невозможно. Цензура потребовала бы значительных переделок. Поэма распространялась в списках.

15

С годами романтические элементы в творчестве Лермонтова заметно преодолеваются. Уже в последних редакциях «Демона» и в поэме «Мцыри» Лермонтов реалистически описывает природу Кавказа.

Зрелость Лермонтова, переход его на позиции реализма и стремление к художественной ясности и простоте осознаны и запечатлены самим поэтом:

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.

Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.

Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор...

Теперь Лермонтова не могли удовлетворить даже удавшиеся попытки воплощения образа

героя своего времени в романтической манере. В творческом сознании поэта отпала необходимость маскировать своего героя, облачая его в крылатое одеяние падшего ангела или преображая его в мятежного инока. Созревший художник, уже разоблачивший светское общество в «Маскараде» и «Княгине Лиговской», подошел к труднейшей задаче: показать в реальной обстановке, среди других представителей светского круга, характерного героя своего времени, человека одаренного и мыслящего, но искалеченного светским воспитанием и оторванного от жизни своей страны и своего народа. Так возникает образ Печорина и весь замысел книги «Герой нашего времени».

Первоначально задуманная как путевые записки, книга эта приобрела значение художественного документа эпохи, она охарактеризовала целое поколение. Это сознавал и сам Лермонтов. В предисловии ко второму изданию книги, в 1841 году, он писал: «Герой нашего времени»... портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии».

Печальные раздумья о своем поколении, выраженные в лирике Лермонтова, воплотились в этой книге в живой и типичный образ. Печорин — закономерное развитие образа молодого человека XIX столетия. Восторженный и несколько наивный пыл героя первой половины двадцатых годов Чацкого («Горе от ума») охладился в разочарованном скептике Онегине. Онегин был умен и начитан, но ленив и бездеятелен. При всем этом Онегина могло еще захватить большое чувство к Татьяне. Опустошенность Печорина так глубока, что его не может по-настоящему увлечь даже любовь. Он умнее и деятельнее Чацкого и Онегина. Это едва ли не самый умный и образованный герой в русской литературе начала XIX века. Но Печорин тяготится своим аналитическим умом и вынужденным бездействием. Трагедия «Горе от ума» здесь углублена по-новому.

Печорин путешествует, похищает Бэлу, вязывается в историю с контрабандистами, держит с Вуличем бессмысленное пари, чтобы забыть самого себя, чтобы бежать от безысходной скуки, и в этом смысле трагедия Печорина тягостнее горя Чацкого и тоски Онегина.

Кавказские впечатления 1837 года в значительной степени сказались в работе над «Героем нашего времени». В отличие от Грибоедова и Пушкина, Лермонтов переносит своего героя из столичных гостиных и дворянского провинциального быта на Кавказ. На фоне правдиво нарисованных кавказских и черноморских пейзажей, окруженный кавказским обществом на Минеральных водах, рядом с армейским офицером, добрейшим Максимом Максимовичем, среди казаков терских станиц, в столкновении с контрабандистами — Печорин живет реальной человеческой жизнью со всеми житейскими мелочами и противоречиями.

Было бы ошибочно проблему Печорина сводить к старому спору: положительный он или отрицательный герой. Печорин ни то, ни другое. Это человек критически мыслящий и передовой, но искалеченный воспитанием и своим кругом. В образе Печорина Лермонтов, по собственному его признанию, рисовал современного ему человека. Печорин — болезнь века. Лермонтов указал на это болезненное явление, но как излечить общество от печоринского разочарования и рефлексии, ни Лермонтов, ни другие лучшие люди того времени не знали и не могли еще знать.

Глубоко несчастному эгоисту Печорину Лермонтов противопоставил человечного и в каждом своем поступке прямого и открытого Максима Максимовича. Это прекрасный тип русского человека, старого кавказца, видавшего виды, прошедшего трудную боевую школу.

Из второстепенных действующих лиц «Героя нашего времени» особенно удались Лермонтову доктор Вернер — умный скептик и материалист, во многом напоминающий кавказского знакомца Лермонтова и друга декабристов доктора Мейера, а также Грушницкий — жестокая карикатура на восторженных романтиков, начитавшихся модных повестей Марлинского и отправившихся на Кавказ, чтобы хвастаться потом выдуманными подвигами и невероятными происшествиями.

Если держаться последовательности событий, развивающихся в пяти повестях «Героя нашего времени», то они должны быть примерно расположены так: Печорин за дуэль выслан из Петербурга на Кавказ. По дороге к месту новой службы он задержался в Тамани, где происходит случайное столкновение с контрабандистами («Тамань»). Затем, после какой-то военной экспедиции, ему разрешают пользоваться водами в Пятигорске, но за дуэль с Грушницким («Княжна Мери») отправляют под начальство Максима Максимовича в крепость. Отлучившись на две недели в казачью станицу, Печорин переживает историю с фаталистом Вуличем («Фаталист»), а по возвращении в крепость происходит роман с Бэлой («Бэла»). Из крепости Печорина переводят в Грузию, затем его возвращают в Петербург. Вновь очутившись на Кавказе, по дороге в Персию, Печорин встречается с Максимом Максимовичем и офицером-автором путевых записок («Максим Максимыч»). Наконец, на обратном пути из Персии Печорин умирает («Предисловие к «Журналу Печорина»).

Однако Лермонтов сознательно ломает порядок этих событий и располагает их так, что мы сначала узнаем наиболее типичную для Печорина историю Бэлы, рассказанную Максимом Максимовичем. Читатель, таким образом, получает характеристику Печорина как бы от третьего лица. Затем дана непосредственная встреча

с самим Печориным и его внешняя характеристика. Читатель уже с интересом всматривается в этого человека, с которым произошла только что рассказанная Максимом Максимовичем история. Охарактеризовав своего героя в рассказе Максима Максимовича и показав его в личной встрече, Лермонтов предлагает читателю записки Печорина, в которых герой книги раскрывается уже в первом лице. Так последовательно меняются точки зрения, но вся книга в целом объединяется одним героем — Печориным.

Книга «Герой нашего времени» произвела на современников большое впечатление. «Вышли повести Лермонтова, — писал В. Г. Белинский своему приятелю В. П. Боткину. — Дьявольский талант! Молодо-зелено, но художественный элемент так и пробивается сквозь пену молодой поэзии, сквозь ограниченность субъективно-салонного взгляда на жизнь».

В истории русской прозы «Герою нашего времени» принадлежит значительное место. Лермонтов подготовил психологический реализм Тургенева, Льва Толстого, Достоевского, Чехова.

Гоголь ценил прозу Лермонтова даже выше, чем его поэзию. Он сказал о Лермонтове: «Никто еще не писал у нас такою правильною, прекрасною и благоуханною прозою. Тут видно больше углубления в действительность жизни — готовился будущий великий живописец русского быта». Отзыв Гоголя повторил Лев Толстой, а Чехов говорил о «Тамани»: «Я не знаю языка лучше чем у Лермонтова. Я бы так сделал: взял его рассказ и разбирал бы, как разбирают в школах, по предложениям, по частям предложения. Так бы и учился писать».

16

В феврале 1840 года светские враги Лермонтова передали сыну французского посланника де-Баранту эпиграмму, якобы сочиненную на него Лермонтовым. На самом деле была использована подошедшая к случаю эпиграмма, написанная поэтом еще в военной школе. Состоялась дуэль, обошедшаяся благополучно, но власти воспользовались этим поводом, и Лермонтов был арестован; началось «военно-судное дело».

Когда Лермонтов находился под арестом, В. Г. Белинский выхлопотал разрешение посетить его. Через несколько дней Белинский писал Боткину: «Недавно я был у Лермонтова в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто-непосредственный вкус изящного! О, это будет поэт с Ивана Великого! Чудная натура...»

Речь шла о литературе, о романах Вальтер Скотта, о Ф. Купере, которого Лермонтов и Белинский ставили выше В. Скотта. Лермонтов поделился с Белинским новыми замыслами, сказал, что собирается написать ряд романов из нескольких эпох русской жизни.

Весной военно-судное дело было закончено. Лермонтов опять был сослан на Кавказ. Теперь последовало строжайшее предписание, чтобы Лермонтов не уклонялся от линии фронта. Он был исправным боевым офицером, отличался бесстрашием, начальство несколько раз представляло его к награде, но Николай I приказывал вычеркнуть Лермонтова из числа представленных к награде.

Лермонтов, с детских лет знавший Кавказ, относился к происходящей войне двойственно. Он знал, что победа рано или поздно будет на стороне России. Еще в поэме «Измаил-Бей» Лермонтов писал:

Какие страны, горы и моря
Оружию славян сопротивлялись?
И где веленью русского царя
Измена и вражда не покорялись?
Смирись, черкес!.. и т. д.

Но вместе с тем, понимая историческую необходимость присоединения Кавказа к России, поэт любил «сынов Кавказа» «воинственные нравы» и сочувствовал им.

Даже передовая дворянская интеллигенция, не исключая и декабристов, в большей своей части считала исторически неизбежным присоединение Кавказа к России. Многие декабристы, осуждая русскую реакционную политику на Западе, противопоставляли ей идею о движении на восток, полагая, что миссия России заключается в том, чтобы проложить пути «просвещению» среди горских народов. Не случайно еще в «Русской правде» Пестеля, этом систематическом изложении политической программы Южного общества, среди земель, которые «необходимо надобно к России присоединить», были названы «те земли горских, кавказских народов, России не подвластных, которые лежат к северу от границ с Персией и Турцией, а в том числе и Западную приморскую часть Кавказа, Турции ныне принадлежащую».

Предвосхищая кавказские повести и «Севастопольские рассказы» Льва Толстого, Лермонтов первый в русской литературе дал простое и правдивое описание героизма русских солдат в стихотворении о Валерикском бое и в «Завещании» («Наедине с тобою, брат...»). В условиях николаевского времени эти стихи были явлением передовым. Они разоблачали колониальный, хищнический характер кавказской войны, вместе с тем они вводили в русскую литературу образы армейских офицеров и солдат.

17

В самом начале 1841 года поэту с большим трудом удалось получить кратковременный отпуск. Лермонтов в последний раз приехал в Петербург. Попытки выйти в отставку и целиком посвятить

себя литературе ни к чему не привели. Вскоре поэт получил приказание в 48 часов оставить Петербург. Повидимому, в эти дни им было написано стихотворение:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.
Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Так прощался Лермонтов с николаевской Россией. Но была другая Россия — крестьянская. Эту Россию Лермонтов любил, признавал своей отчизной. Он любил «встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге, дрожащие огни печальных деревень» («Родина»).

И как радовали Лермонтова редкие в ту пору признаки довольства в крестьянском быту!

С отрадой многим незнакомой
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Так мог писать только поэт, ощутивший кровную связь с народом. Неслучайно Добролюбов говорил: «Умевши рано постичь недостатки современного общества [Лермонтов] умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит его удивительное стихотворение «Родина», в котором он становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно».

Как все лучшие люди своей страны, Лермонтов верил в ее светлое будущее. Однажды он записал: «У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем. Сказывается и сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21-м году проснулся от тяжкого сна и встал и пошел... и встретил он тридцать семь королей и семьдесят богатырей и побил их и сел над ними царствовать... Такова Россия».

18

В мае 1841 года, по дороге в полк, Лермонтов заехал в Пятигорск и выхлопотал разрешение задержаться там для лечения минеральными водами. В это время в Пятигорске находился отставной майор Мартынов, который был знаком с Лермонтовым еще по Школе гвардейских подпрапорщиков. Внешние отношения между Лермонтовым и Мартыновым были приятельские, но втайне Мартынов завидовал Лермонтову и относился к нему недоброжелательно. Лермонтов остроумно вышучивал заносчивого и обидчивого Мартынова. 13 июля старого стиля 1841 года в доме Верзилиных в Пятигорске между Лермонтовым и Мартыновым произошло столкновение. Задетый эпиграммами и карикатурами Лермонтова, Мартынов вызвал его на дуэль.

В это время в Пятигорске жили приехавшие из Петербурга князь В. С. Голицын, князь А. И. Васильчиков, юнкер Бенкендорф и др. Эти люди знали, как не любят Лермонтова при дворе. Есть основания, позволяющие предполагать, что при ближайшем участии генеральши Мерлини объединилась группа светских врагов Лермонтова, которая сначала пыталась спровоцировать дуэль между Лермонтовым и молодым офицером Лисаневичем, а затем, когда это не удалось, воспользовалась ссорой Мартынова с Лермонтовым.

15 июля 1841 года вечером у подножия Машука состоялась дуэль. Секундантами были А. И. Васильчиков, А. А. Столыпин, М. И. Глебов и С. В. Трубецкой. На месте поединка присутствовало еще несколько зрителей. Но врача не было. Секунданты отмерили барьер. Противники стали на крайних точках. По условию дуэли каждый имел право стрелять, стоя на месте или подходя к барьеру. Мартынов подошел первый. Лермонтов не целился и не собирался стрелять. Мартынов выстрелил, Лермонтов был убит наповал. В это время разразилась жестокая гроза. Тело поэта до поздней ночи лежало под дождем.

Мартынова судили военным судом. При всей строгости закона, запрещающего дуэли, Николай I определил: «Майора Мартынова посадить в крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию, а титулярного советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого по вниманию к заслугам отца, а второго по уважению полученной им в сражении тяжелой раны».

Известие о смерти Лермонтова было встречено при дворе с чувством глубокого удовлетворения. Николай I сказал: «Туда ему и дорога!» Но лучшие, передовые люди того времени понимали, как велика утрата. Герцен в своем дневнике записал: «Все, выходящее из обыкновенного порядка, гибнет: Пушкин, Лермонтов, а потом... многое множество оттого, что они не дома в мире мертвых душ».

19

Лермонтов был убит, когда ему не исполнилось 27 лет. Он далеко не достиг полного расцвета своих творческих сил, «но содержание, добытое со дна глубочайшей и могущественной натуры, исполинский взмах, демонский полет, с небом гордая вражда — все это заставляет думать, — писал Белинский, — что мы лишились в Лермонтове поэта, который по содержанию шагнул бы дальше Пушкина».

И тот же Белинский с уверенностью предсказывал, что недалеко то время, когда имя

Лермонтова сделается в литературе «народным именем, и гармонические звуки его поэзии будут слышимы в повседневном разговоре толпы, между толками ее о житейских заботах».

Несмотря на цензурный гнет, творческое наследие Лермонтова продолжало жить в памяти народа. Стихотворения и баллады его входят в песенники, распеваются как народные песни. Даже тогда, когда Российская империя была тюрьмой народов, творчество Лермонтова вызывало многочисленные отклики в среде передовых деятелей национальных культур Закавказья и Средней Азии. Очень большое влияние Лермонтов оказал на развитие грузинской и армянской поэзии. Лермонтова ценили такие грузинские поэты как Гр. Орбелиани, И. Бараташвили, Раф. Эристави, Илья Чавчавадзе и др. В 1858 году в журнале «Цискари» («Заря») появляется первый перевод «Ветки Палестины», сделанный Акакием Церетели, затем с целым рядом переводов выступает И. Чавчавадзе («Мцыри», «Хаджи Абрек», «Сон», «Утес» и др.). Основоположник новой казахской литературы и создатель казахского литературного языка Абай Кунанбаев дал превосходные переводы многих стихотворений Лермонтова, которые и в наши дни распеваются в Казахской степи.

В 1889 году в Пятигорске был открыт памятник Лермонтову. В этом торжестве принимал участие выдающийся революционный осетинский поэт Коста Хетагуров. Испытавший на себе преследования царизма, Хетагуров выразил уверенность, что наступит пора, когда Осетия забудет «вековые невзгоды» и настанет желанная свобода. Обращаясь к своему народу, он указывал, что Лермонтов учит горцев быть готовыми биться «за великое, честное дело».

Чрезвычайно интересен рассказ М. Горького о том впечатлении, которое производило на него в юности чтение стихов Лермонтова:

«Однажды пожарный брандмейстер дал мне том Лермонтова, и вот я почувствовал силу поэзии, ее могучее влияние на людей. Помню, уже с первых строк «Демона» Ситанов заглянул в книгу, потом — в лицо мне, положил кисть на стол и, сунув длинные руки в колени, закачался, улыбаясь. Под ним заскрипел стул.

— Тише, братцы, — сказал Ларионыч и, тоже бросив работу, подошел к столу Ситанова, за которым я читал. Поэма волновала меня мучительно и сладко, у меня срывался голос, я плохо видел строки стихов, слезы навертывались на глаза. Но еще более волновало глухое, осторожное движение в мастерской, вся она тяжело ворочалась, и точно магнит тянул людей ко мне. Когда я кончил первую часть, почти все стояли вокруг стола, тесно прислонившись друг к другу, обнявшись, хмурясь и улыбаясь». («В людях», гл. XIV).

К цитатам из произведений Лермонтова не раз обращался В. И. Ленин. Так, выступая против кадетов в одной из статей 1906 года, В. И. Ленин использовал заключительные строки «Думы»: «Смотрите, господа кадеты... придет день и не далекий день, когда народ помянет вас «насмешкой горькою обманутого сына, над изболтавшимся отцом» (т. IX, стр. 247). Ленин сознательно изменил текст — у Лермонтова «над промотавшимся отцом».

Высоко ценил творчество Лермонтова С. М. Киров. В 1911—1912 гг. он писал М. Л. Маркус-Кировой из Томской тюрьмы: «Случайно взял Лермонтова и почему-то он совершенно иным стал в моих глазах — его поэзия, конечно. Удивительно своеобразно! Много помогло в его усвоении, очевидно, мое знакомство, хотя и слабое, с Кавказом. Какова должна была быть сила воображения, наблюдательность и проникновенность у человека так высоко, художественно и образно описавшего Кавказ. Что если бы перед его взорами раскинулась подавляющая своим величием, божественно-спокойная, необъятная панорама, которую приходилось видеть немногим счастливцам, достигавшим вершины царствующего над горами Кавказа гиганта! Какие звуки услышал бы художник-гений среди этой мертвой тишины? Какие тайны природы открыл бы его проникновенный взор».

В наши дни, когда учение Ленина о критическом усвоении культурного наследия прошлого стало заветом широких трудящихся масс, творчество Лермонтова, одного из величайших поэтов русской классической литературы, так же как и литературное наследие Пушкина, — действительно всенародное достояние.

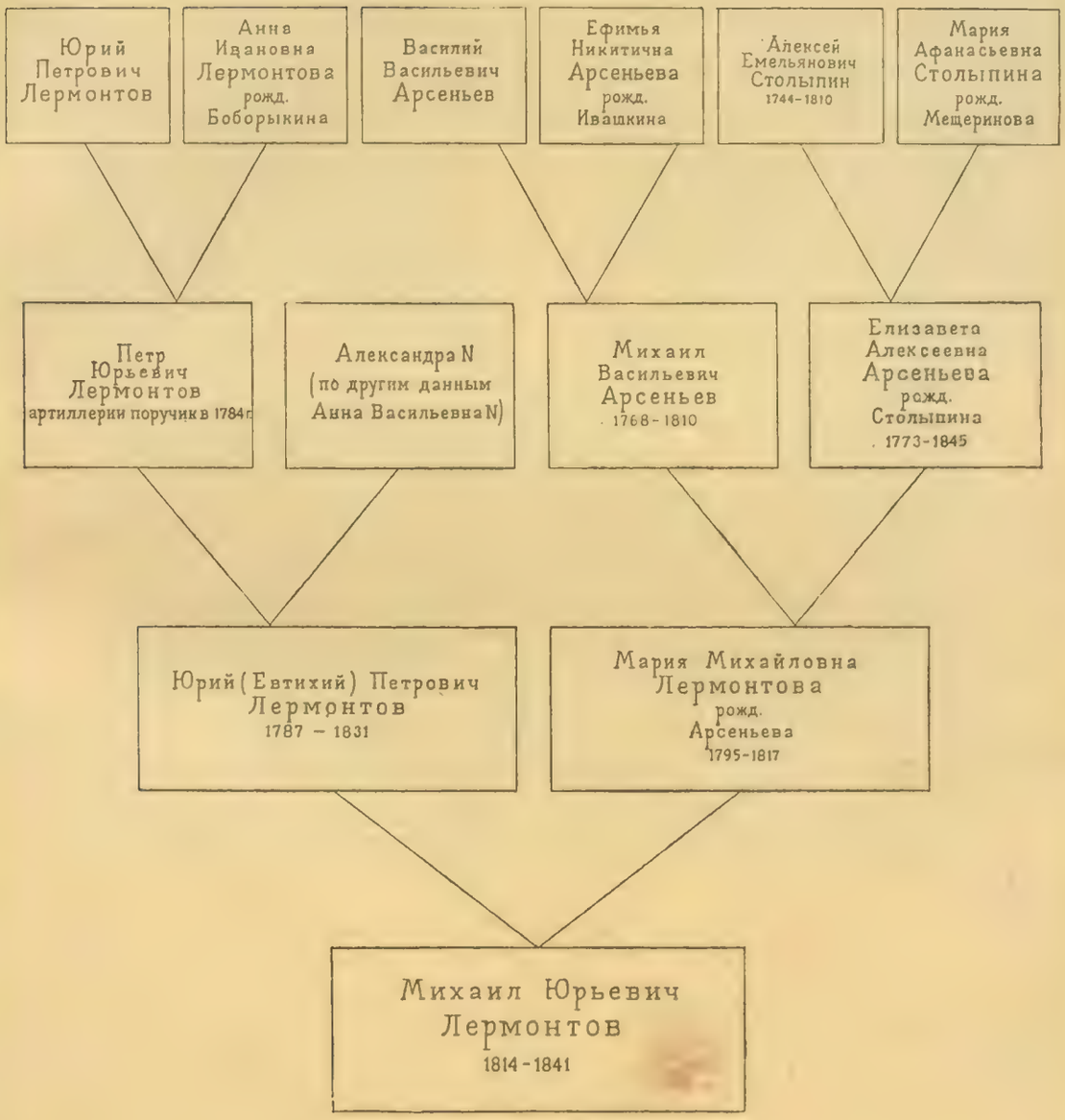
После Великой Октябрьской социалистической революции русский язык и русская литература приобрели небывалое до сих пор, подлинно мировое значение. Понятен интерес к творениям лучших русских писателей, в том числе Лермонтова, даже среди самых малых народов братской семьи Советского Союза, народов, которые до социалистической революции не все знали письменность. Сейчас Лермонтов издается более чем на 30 языках народов Советского Союза, а на русском языке только за годы с 1923 по 1939 сочинений Лермонтова по числу оттисков издано почти в десять раз больше, чем за все предыдущие годы (с 1840 по 1917). Советские композиторы пишут романсы и оперы на произведения Лермонтова, художники иллюстрируют многочисленные издания. Лермонтов, как и Пушкин, продолжает жить в советском искусстве и обогащать нашу социалистическую культуру.

Нас не могут не волновать стихи Лермонтова. Это не музейная ценность, это живое творческое слово поэта, гражданина и борца, доходящее через столетие до строителей нового социалистического общества.

В. Мануйлов

ДЕТСТВО
ОТРОЧЕСТВО
ЮНОСТЬ

герб рода Лермонтовых



Лермонтов и его предки.
Схема.

Юрий Петрович Лермонтов — прадед поэта.
Портрет работы неизвестного художника.

Петр Юрьевич Лермонтов — дед поэта.
Портрет работы неизвестного художника.

Предок фамилии Лермонтовых, Юрий Андреевич Лермонт выехал из Шкотские земли в Польшу, а оттуда в 7141/1633 году в Москву. Потомки сего Юрья Андреевича Лермонтова многие Россійскому престолу служили стольниками, воеводами и в иных чинах и жалованы были от государей поместьями. Все сие доказывается справкою разрядного архива и родословною Лермонтовых.

Общий гербовник дворянских родов Всероссійской имперіи.
1799 г., ч. IV.

Юрья Лермонтов, вступил в корпус 1740 года, майя 27 дня, а в 1745 году за болезнью отставлен из капралов подпоручиком, с таковым аттестатом: геометрию, практику, регулярную и иррегулярную фортификацию окончал учиться с атакою, чертит хорошо чертежи, рисует ландшафты красками и миниатюрою, разумеет и говорит несколько по-немецки, начал переводить с россійского на немецкий язык, учится танцовать.

«Именной список всем бывшим и ныне находящимся в сухопутном Шляхетном Кадетском Корпусе штаб-офицерам и кадетам». СПб., 1761.

Юрий Петрович Лермонтов — отец поэта (1787 — 1831).
Портрет работы неизвестного художника.

Если сопоставить немногосложные известия о Юрии Петровиче, то это был человек добрый, мягкий, но вспыльчивый, самодур, и эта вспыльчивость, при легко воспламенявшейся натуре, могла доводить его до суровости и подавала повод к весьма грубым и диким проявлениям, несовместным даже с условиями порядочности... Немногие помнящие Юрия Петровича называют его красавцем, блондином, сильно нравившимся женщинам, привлекательным в обществе, веселым собеседником...

П. А. Висковатов. «М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество».

Елизавета Алексеевна Арсеньева,
рожденная Столыпина — бабушка поэта (1773—1845).
Портрет работы неизвестного художника.

Е. А. Арсеньева была женщина деспотического непреклонного характера, привыкшая повелевать; она отличалась замечательной красотой, происходила из старинного дворянского рода и представляла из себя типичную личность помещицы старого закала, любившей притом высказывать всякому в лицо правду, хотя бы самую горькую.

М. Е. Меликов. «Заметки и воспоминания художника-живописца».

Мария Михайловна Лермонтова,
рожденная Арсеньева — мать поэта (1795 — 1817).
Портрет работы неизвестного художника.

Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услыхал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать.

Лермонтов. Запись в юношеской тетради 1830 года.

Москва. Красная площадь в начале XIX века.
Гравюра.

Каждый ее камень хранит надпись, начертанную временем и роком, надпись, для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта!..

Лермонтов. «Панорама Москвы», 1832 г.

Москва — моя родина, и такою будет для меня всегда: там я родился, там много страдал, и там же был слишком счастлив!

Лермонтов. Письмо М. А. Лопухиной, 2 сентября 1832 г.

Москва. Площадь у Красных ворот в первой половине XIX века.
Гравюра.

В Москве, в метрической книге церкви Трех святителей, что у Красных ворот, за 1814 год в I части о родившихся под № 25 записано:

«Октября 2-го. В доме господина покойного генерал-майора и кавалера Федора Николаевича Толя, у живущего капитана Юрия Петровича Лермонтова родился сын Михаил. Молитвовал протоиерей Николай Петров с дьячком Яковом Федоровым. Крещен того ж октября 11 дня. Восприемник был господин коллежский асессор Фома Васильевич Хотяинцов, восприемницею была вдовствующая госпожа гвардии поручица Елисавета Алексеевна Арсеньева. Оное крещение отправляли протоиерей Николай Петров, дьякон Петр Федоров, дьячок Яков Федоров, пономарь Алексей Никифоров».

«Русская старина», 1873, т. VIII.

Москва, Москва!.. Люблю тебя как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и — обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул — он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.
Ты жив!.. Ты жив, и каждый камень твой —
Заветное преданье поколений.

«Сашка».

Лермонтов в раннем детстве.
Портрет работы неизвестного художника.

Дом в Тарханах со стороны сада.
Отстроен по старым чертежам в 1907 году внучкой А. А. Столыпина М. В. Катковой.
Здесь теперь музей-усадьба «Лермонтово». Фото. 1934 г.

Из Москвы Лермонтовы с бабушкою и грудным ребенком вернулись в Тарханы, и Юрий Петрович выезжал из них лишь иногда, по хозяйственным делам, то в Москву, то в тульское имение.

П. И. Журавлев в передаче Висковатова.

Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.
И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листы
Шумят под робкими шагами.

«Как часто, пестрою толпою окружен...» 1840 г.

Горячеводск в 1825 году.
Рисунок Лермонтова.

Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас, да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи!...

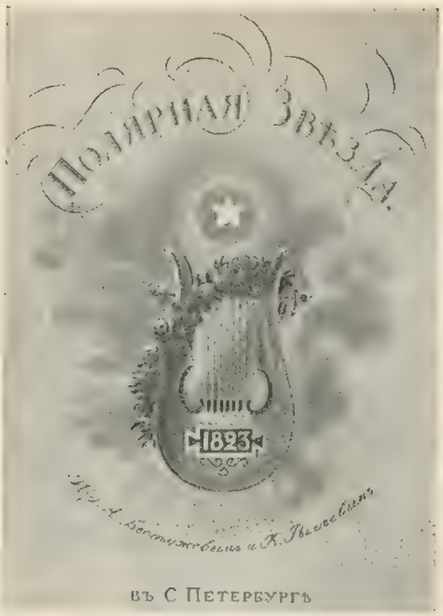
«Синие горы Кавказа...» 1832 г.

Горячеводск в 1825 году.
Гравюра.

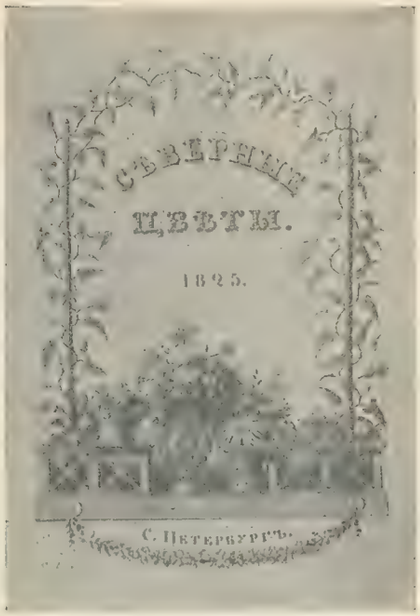
Лермонтов в детстве.
Портрет работы неизвестного художника.

В детстве наружность его невольно обращала на себя внимание; приземистый, маленький ростом, с большой головой и бледным лицом, он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остается для меня загадкой. Глаза эти с умными, черными ресницами, делавшими их еще глубже, производили чарующее впечатление на того, кто бывал симпатичен Лермонтову.

М. Е. Меликов. «Заметки и воспоминания художника-живописца».



Альманах «Полярная звезда»
на 1823 год.
Титульный лист.



Альманах «Северные цветы»
на 1825 год.
Титульный лист.

Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена.

В. И. Ленин. «Памяти Герцена».

14 декабря 1825 года в Петербурге.
Акварель К. Кольмана. Первая половина XIX в.

Пушки Исаакиевской площади разбудили целое поколение.

А. И. Герцен. «Русский заговор 1825 года».

Московский Кремль.
Литография начала XIX в.

Москва не есть обыкновенный город, каких тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... Нет! У нее есть своя душа, своя жизнь.

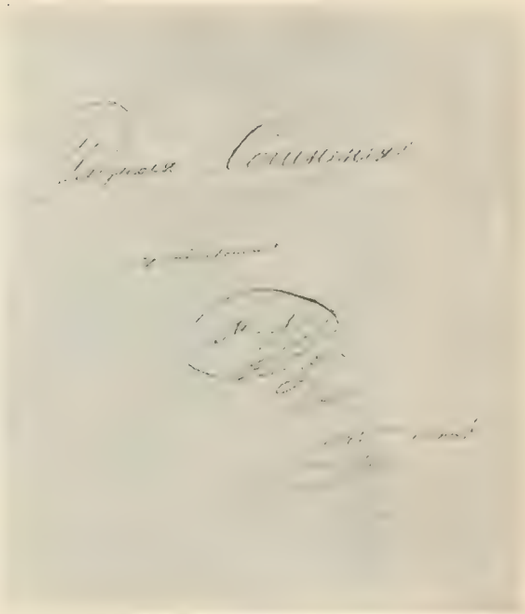
Лермонтов. «Панорама Москвы». 1832 г.

Большой Петровский театр в Москве.
Гравюра. 1829 г.

Я еще ни в каких садах не был; но я был в театре, где я видел оперу «Невидимку», ту самую, что я видел в Москве 8 лет назад; мы сами делаем театр, который довольно хорошо выходит, и будут восковые фигуры играть.

Лермонтов. Письмо М. А. Шан-Гирей. 1827 г.

Тетрадь Лермонтова 1826 года
с выписками из Пушкина, Жуковского и др.
Обложка.



Тетрадь Лермонтова 1827 года.
Титульный лист.

Я думаю, что вам приятно будет узнать, что я в русской грамматике учу синтаксис, и что мне дают сочинять; я к вам это пишу не для похвальбы, но собственно оттого, что вам это будет приятно: в географии я учу математическую; по небесному глобусу градусы, планеты, ход их и пр.; прежнее учение истории мне очень помогло.

Лермонтов. Письмо М. А. Шан-Гирей. 1827 г.

Ведомость о поведении и успехах
Университетского благородного пансиона воспитанника 4-го класса М. Лермонтова.

Поведение	Прилежание	Закон Божий	Математика	Русский язык	Латинский язык	История	География	Немецкий язык	Французский язык	Заключение
Весьма похвально		3	4[1]	4	3	4	4	4	4	30 За 24 балла перевод в 5 класс

Инспектор *Павлов.*

[1] 4 означает высшую отметку.

Московский Университетский благородный пансион.
С гравюры на дереве 1810-х годов.

Лучшие профессора того времени преподавали у нас в пансионе, и я еще живо помню, как на лекциях русской словесности заслуженный профессор Мерзляков принес к нам в класс только что вышедшее стихотворение Пушкина

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя, и проч.

и как он, древний классик, разбирая это стихотворение, критиковал его, находя уподобления невозможными, неестественными, и как все это бесило тогда Лермонтова.

А. М. Миклашевский. «М. Ю. Лермонтов, заметки его товарища».

Преобладающею стороною наших учебных занятий была русская словесность. Московский университетский пансион сохранил с прежних времен направление так сказать литературное. Начальство поощряло занятия воспитанников сочинениями и переводами вне обязательных классных работ. В высших классах ученики много читали и были довольно знакомы с тогдашнею русскою литературой — тогда еще очень необширною. Мы зачитывались переводами исторических романов Вальтер Скотта, новыми романами Загоскина, бредили романтическою школою того времени, знали наизусть многие из лучших произведений наших поэтов. Например, я знал твердо целые поэмы Пушкина, Жуковского, Козлова, Рылеева (Войнаровский). В известные сроки происходили по вечерам литературные собрания, на которых читались сочинения воспитанников в присутствии начальства и преподавателей. Некоторыми из учеников старших классов составлялись, с ведома начальства, рукописные сборники статей, в виде альманахов (бывших в большом ходу в ту эпоху), или даже ежемесячных журналов, ходивших по рукам между товарищами, родителями и знакомыми. Так и я был одно время «редактором» рукописного журнала «Улей», в котором помещались некоторые из первых стихотворений Лермонтова (вышедшего из пансиона годом раньше меня); один из моих товарищей издавал другой журнал: «Маяк» и т. д. Мы щеголяли изящною внешностью рукописного издания.

Д. А. Милютин. «Из воспоминаний».

КАВКАЗСКІЙ

ПЛѢННИКЪ,

ПОВѢСТЬ.

Соч. А. Пушкина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи И. Гнѣча.

1822.

Поэма Пушкина «Кавказский пленник».
Титульный лист первого издания.

КАВКАЗКОЙ.

ПЛѢННИКЪ.

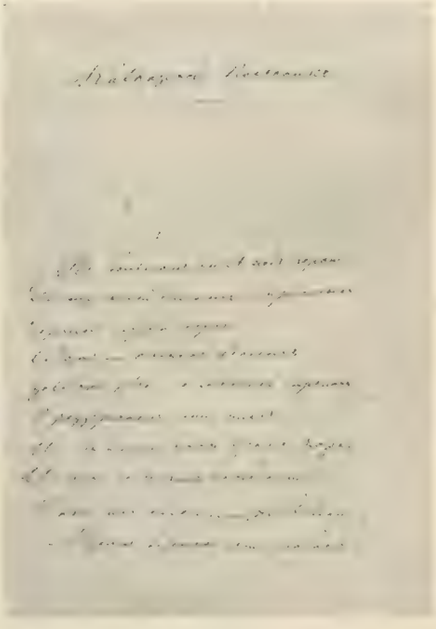
сочиненіе

М. ЛЕРМАНТОВА.

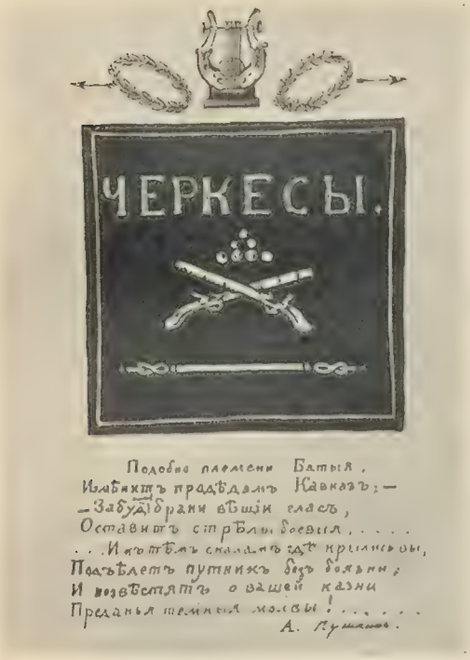
МОСКВА.

1828.

Рукопись поэмы Лермонтова «Кавказский пленник».
Титульный лист.



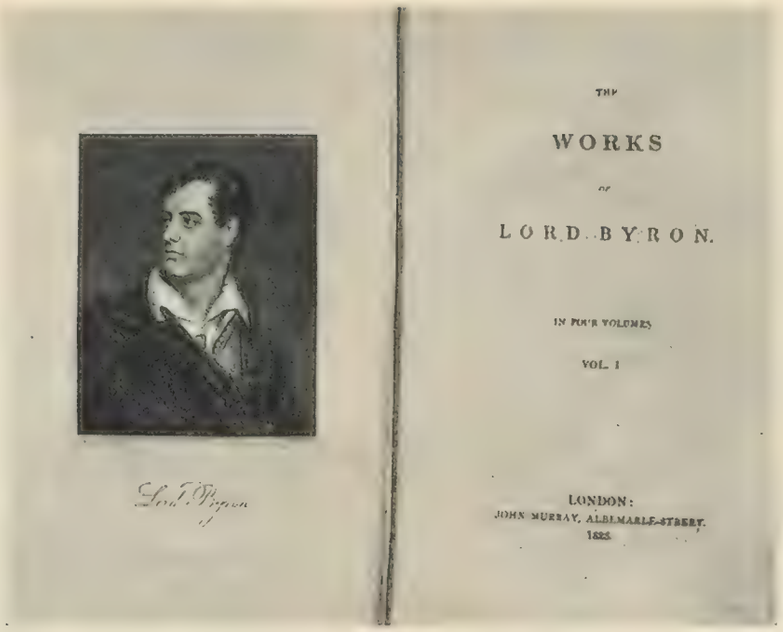
Рукопись поэмы Лермонтова «Кавказский пленник».
Фронтиспис и первая страница.



Рукопись поэмы «Черкесы».
Титульный лист с эпиграфом
из «Кавказского пленника» Пушкина.

«Черкес».
Рисунок В. А. Серова. 1891 г.

«Черкес и линейный казак».
Лубок первой половины XIX в.



THE

WORKS

OF

LORD BYRON.

IN FOUR VOLUMES.

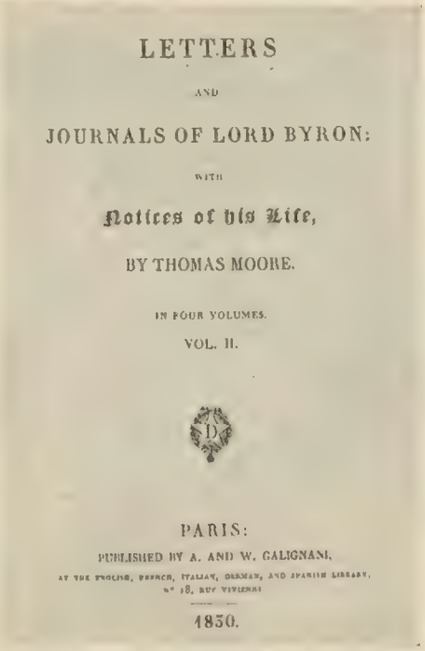
VOL. I.

LONDON:
JOHN MURRAY, ALBEMARLE-STREET.
1823.

«Сочинения» Байрона издания 1823 года.
Фронтиспис и титульный лист.

Мишель начал учиться английскому языку по Байрону и через несколько месяцев стал свободно понимать его; читал Мура и поэтические произведения Вальтер-Скотта...

А. П. Шан-Гирей. «М. Ю. Лермонтов».



LETTERS

AND

JOURNALS OF LORD BYRON:

WITH

Notices of his Life,

BY THOMAS MOORE.

IN FOUR VOLUMES.

VOL. II.

PARIS:

PUBLISHED BY A. AND W. GALIGNANI,

1830.

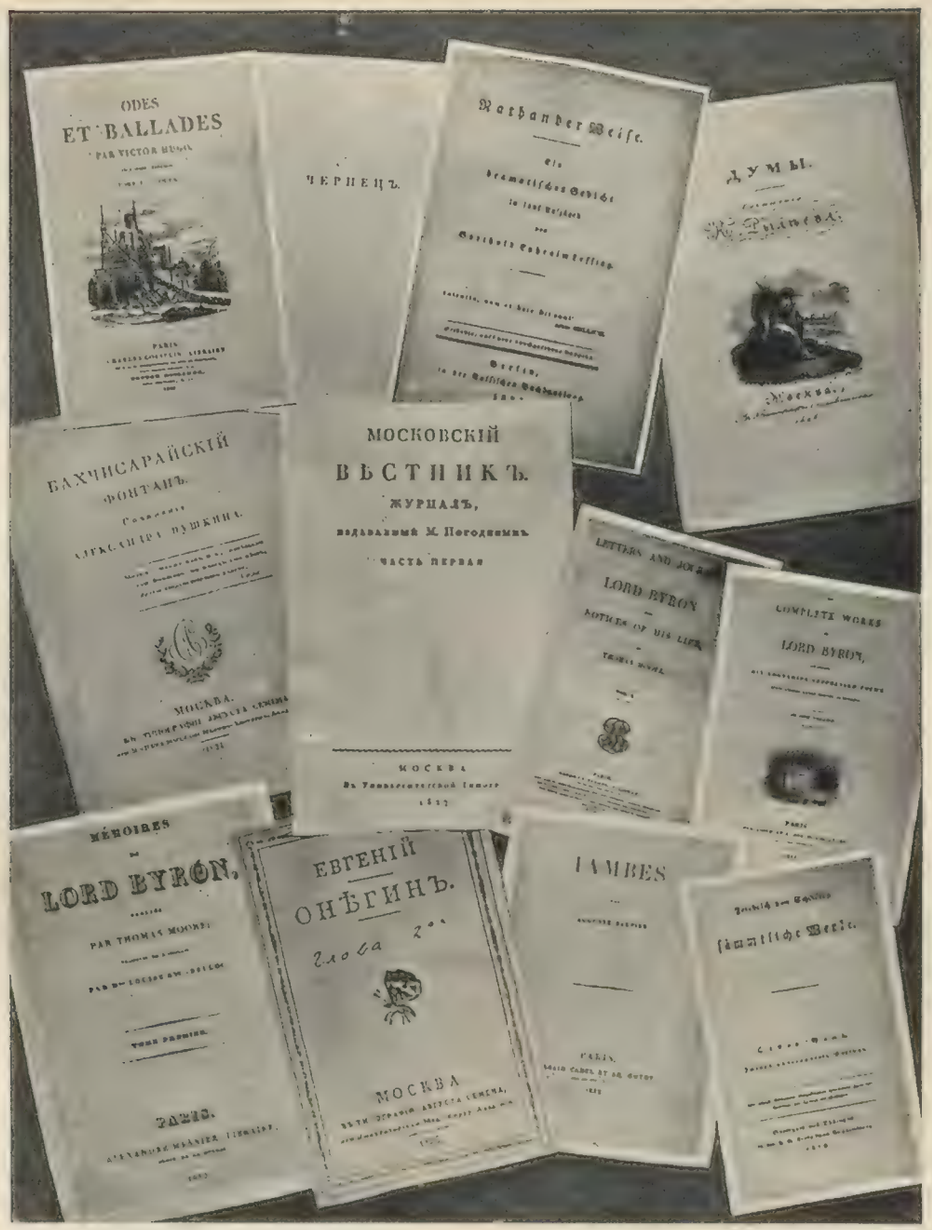
Книга Т. Мура «Письма и дневники Байрона», которую читал Лермонтов в 1830 году.
Титульный лист.

Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел:
У нас одна душа, одни и те же муки; —
О если б одинаков был удел!..

«К ***».

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В душе моей как в океане
Надежд разбитых груз лежит.

1832 г.



Круг чтения юного Лермонтова.

В 1827 году [Арсеньева] поехала с Мишелем в Москву для его воспитания, а через год и меня привезли к ним. В Мишеле нашел я большую перемену, он был уже не дитя, ему минуло 14 лет; он учился прилежно. М-г Gindrot, гувернер, почтенный и добрый старик, был однако строг и взыскателен, и держал нас в руках; к нам ходили разные учители, как водится. Тут я в первый раз увидел русские стихи у Мишеля, — Ломоносова, Державина, Дмитриева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковского, Козлова и Пушкина.

А. П. Шан-Гирей. «М. Ю. Лермонтов».

Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837).
Портрет работы В. А. Тропинина. 1827 г.

Василий Андреевич Жуковский (1783—1852).
Гравюра с портрета работы О. Кипренского. 1817 г.

Кондратий Федорович Рылеев (1795—1826).
Миниатюра 1820-х годов.

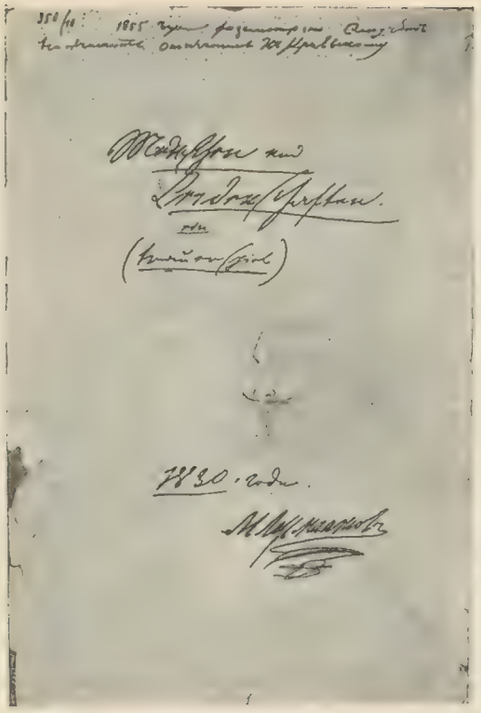
Иван Иванович Козлов (1779—1840).
Литография 1830-х годов.

Жан Жак Руссо (1712—1778).
Гравюра XVIII в.

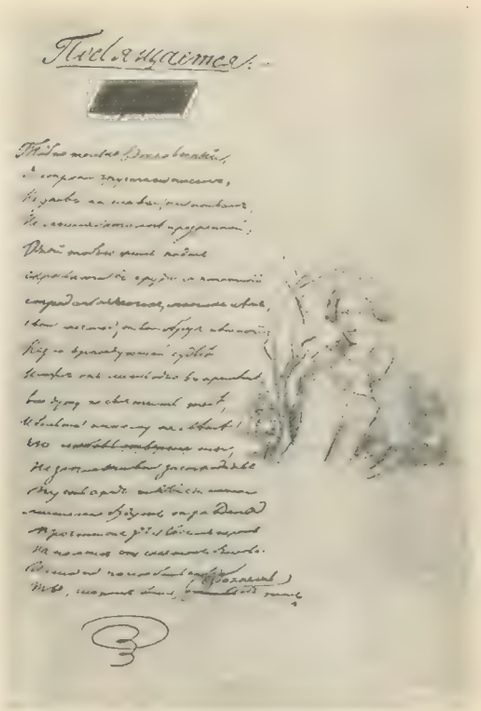
Готтольд Эфраим Лессинг (1729—1781).
Гравюра Лейна.

Рене Шатобриан (1768—1848).
Гравюра начала XIX в.

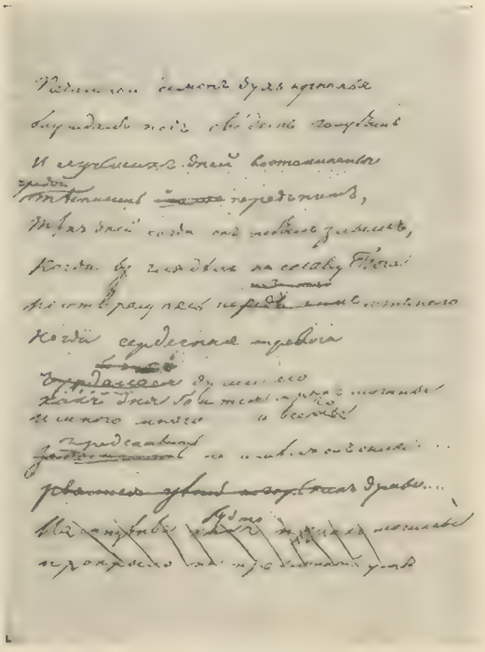
Фридрих Шиллер (1759—1805).
Портрет начала XIX в.



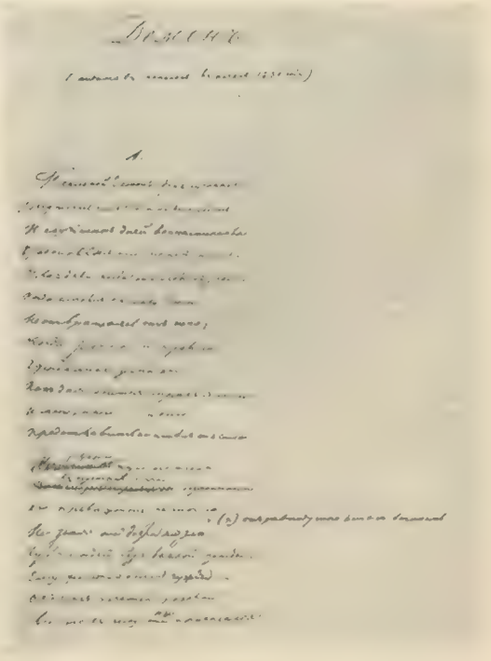
«Menschen und Leidenschaften».
Обложка рукописи.



«Menschen und Leidenschaften».
Автограф посвящения к драме.

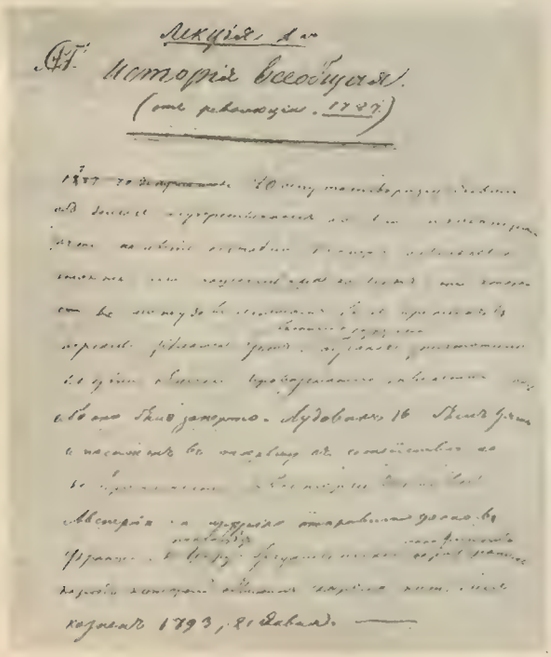


«Демон».
Черновик первой страницы.
(Первая редакция.)

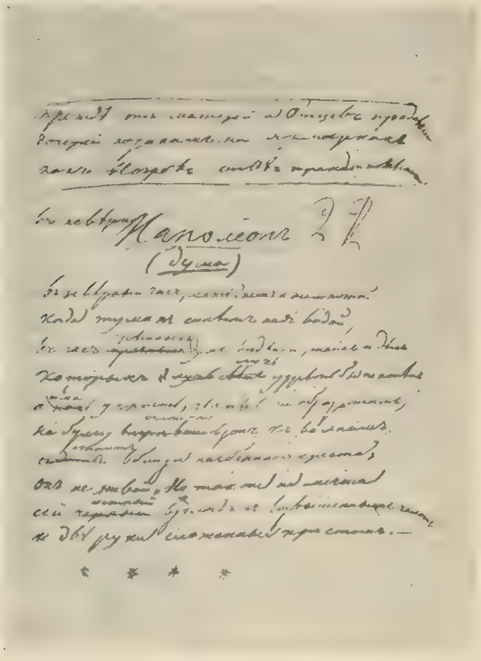


«Демон».
Черновик первой страницы.
(Вторая редакция.)

Наполеон I Бонапарт (1769—1821).
Гравюра с портрета работы Давида.



Запись лекций по всеобщей истории.
Автограф. 1829 г.



«Наполеон».
Черновик стихотворения. 1830 г.

Средниково. Садовый фасад главного дома.
Фото. 1939 г.

Средниково. Пандус с видом на пруд.
Фото. 1939 г.

Столыпина жила от нас в трех верстах, в прекрасном своем Средникове; у нее гостила Елизавета Алексеевна Арсеньева с внуком своим Лермонтовым... По воскресеньям мы езжали к обедне в Средниково и оставались там на целый день... Старушка Арсеньева боготворила внука своего Лермонтова; бедная, она пережила всех своих, и один Мишель остался ей утешением и подпорою на старость; она жила им одним и для исполнения его прихотей; не нахвалится, бывало, им, не налюбуется на него; бабушка (мы все ее так звали) любила очень меня, я предсказывала ей великого человека в косолапом и умном мальчике.

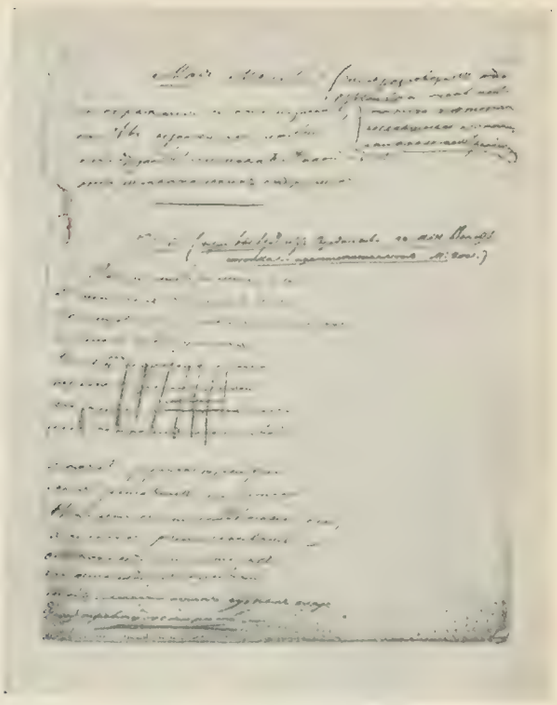
Е. А. Сушкова. «Записки».

Средниково. Мост в парке.
Фото. 1939 г.

В рано созревшем уме Миши было, однако, много детского: будучи в старших классах университетского пансиона и много и серьезно читая, он в то же время находил забаву в том, чтобы клеить с Аркадием [Столыпиным] из папки латы и, вооружась самодельными мечами и копьями, ходить с ним в глухие места воевать с воображаемыми духами. Особенно привлекали их воображение развалины старой бани, кладбище и, так называемый, «Чортов мост». Товарищем ночных посещений кладбищ, или уединенного, страх возбуждающего места бывал некто Лаптев, сын семьи, жившей по близости в имении...

А. Д. Столыпин в передаче П. А. Висковатова.

Е. А. Сушкова (1812—1868).
Миниатюра. 1830-е годы.



«К С〈ушковой〉».
Черновик стихотворения.

Сашенька [Верещагина] и я, точно, мы обращались с Лермонтовым как с мальчиком, хотя и отдавали полную справедливость его уму. Такое обращение бесило его до крайности, он домогался попасть в юноши в наших глазах, декламировал нам Пушкина, Ламартина и был неразлучен с огромным Байроном. Бродит, бывало, по тенистым аллеям и притворяется углубленным в размышления, хотя ни малейшее наше движение не ускользало от его зоркого взгляда.

Е. А. Сушкова. «Записки».

Вблизи тебя до этих пор
Я не слыхал в груди огня.
Встречал ли твой прелестный взор —
Не билось сердце у меня.
И что ж? — разлуки первый звук
Меня заставил трепетать;
Нет, нет, он не предвестник мук;
Я не люблю — зачем скрывать! —
Однако же хоть день, хоть час
Еще желал бы здесь пробыть,
Чтоб блеском этих чудных глаз
Души тревоги усмирить.

«К С.». 1830 г.

Лермонтов в юности.
Копия с неизвестного портрета работы П. Е. Заболотского. 1840 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВО.

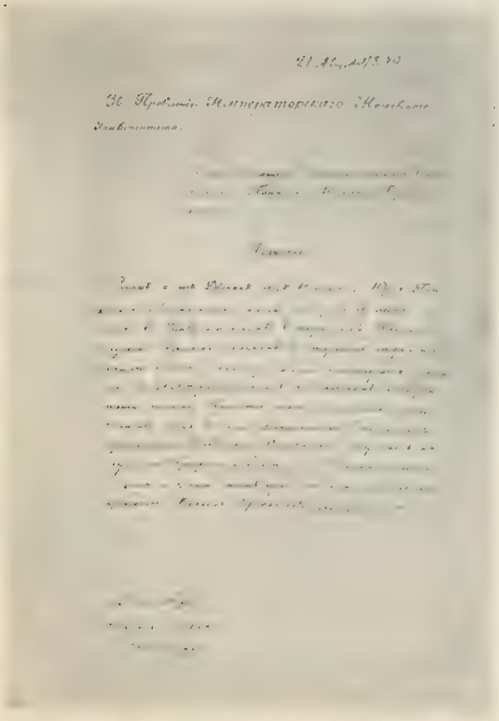
Из Благороднаго Пансиона императорского Московского Университета, пансионеру Михаилу Лермонтову в том, что он в 1828 году быв принят в Пансион, обучался в старшем отделении высшего класса разным языкам, искусствам и преподаваемым в оном нравственным, математическим и словесным наукам, с отличным прилежанием, с похвальным поведением и с весьма хорошими успехами; ныне же по прошению его от Пансиона с сим уволен.

Дано в Москве за подписанием Директора оного Пансиона, статского советника и кавалера, с приложением пансионской печати.

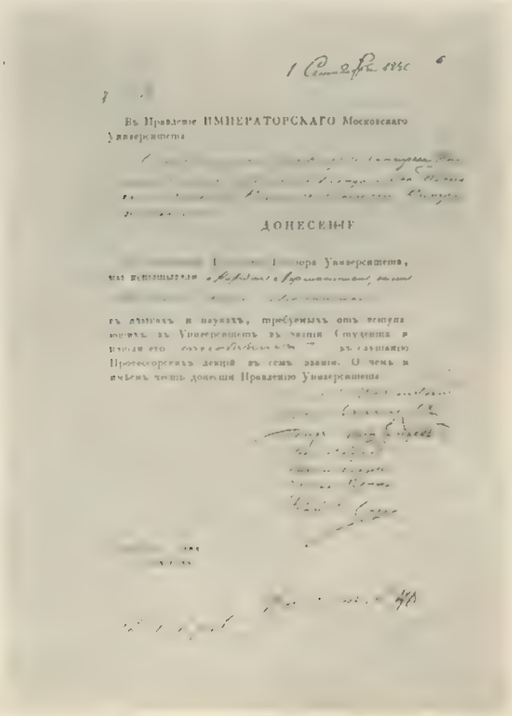
Петр Курбатов.

Апрель 16-го дня
1830 года.

Московский Университет.
Гравюра. 1829 г.



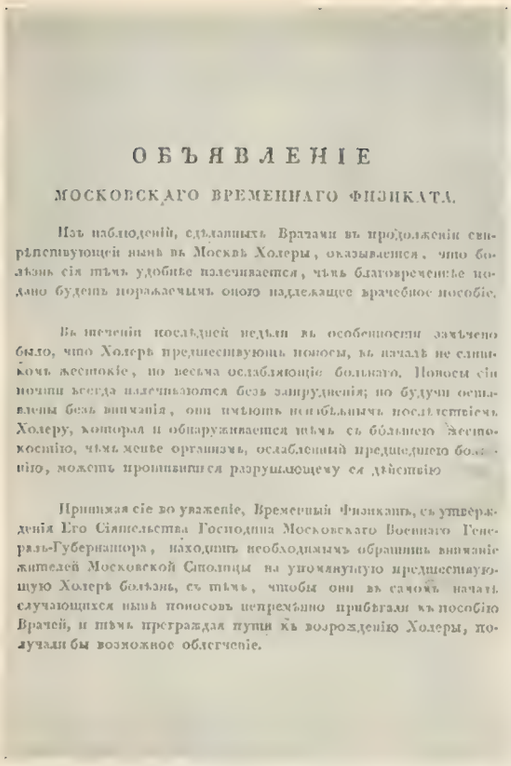
Прошение Лермонтова о принятии его в Московский Университет.



В Правление ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета

ДОНЕСЕНІЕ

Донесение профессоров Московского Университета, экзаменовавших Лермонтова.



ОБЪЯВЛЕНІЕ

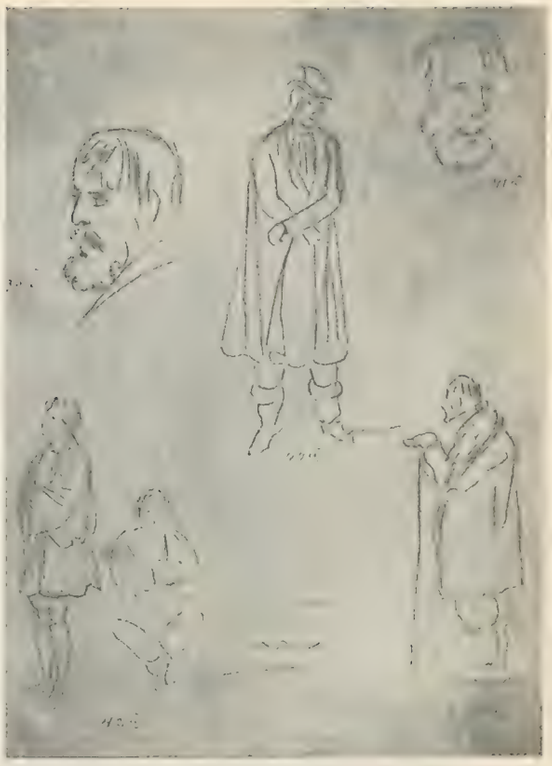
МОСКОВСКАГО ВРЕМЕННАГО ФИЗИКАТА.

Изъ наблюденій, сдѣланныхъ Врачами въ продолженіи свирѣпствующей нынѣ въ Москвѣ Холеры, оказывается, что болѣзнь сія тѣмъ удобнѣе излечивается, чѣмъ благовременнѣе подано будетъ пораженнымъ оною надлежащее врачебное пособіе.

Въ теченіи послѣдней недѣли въ особенности замѣчено было, что Холерѣ предшествуютъ поносы, въ началѣ не слишкомъ жестокіе, но весьма ослабляющіе больнаго. Поносы сіи почти всегда излечиваются безъ затрудненія; но будучи оставлены безъ вниманія, они имѣютъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ Холеру, которая и обнаруживается тѣмъ съ большею жестокостію, чѣмъ менѣе организмъ, ослабленный предшедшею болѣзнію, можетъ противиться разрушающему ея дѣйствію.

Принимая сіе во уваженіе, Временный Физикатъ, съ утвержденія Его Сіятельства Господина Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, находитъ необходимымъ обратить вниманіе жителей Московской Столицы на упомянутую предшествующую Холерѣ болѣзнь, съ тѣмъ, чтобы они въ самомъ началѣ случающихся нынѣ поносовъ непремѣнно прибѣгали къ пособію Врачей, и тѣмъ преграждая пути къ возрожденію Холеры, получали бы возможное облегченіе.

Объявление о мерах борьбы с холерой в Москве.



Лица и фигуры крестьян.

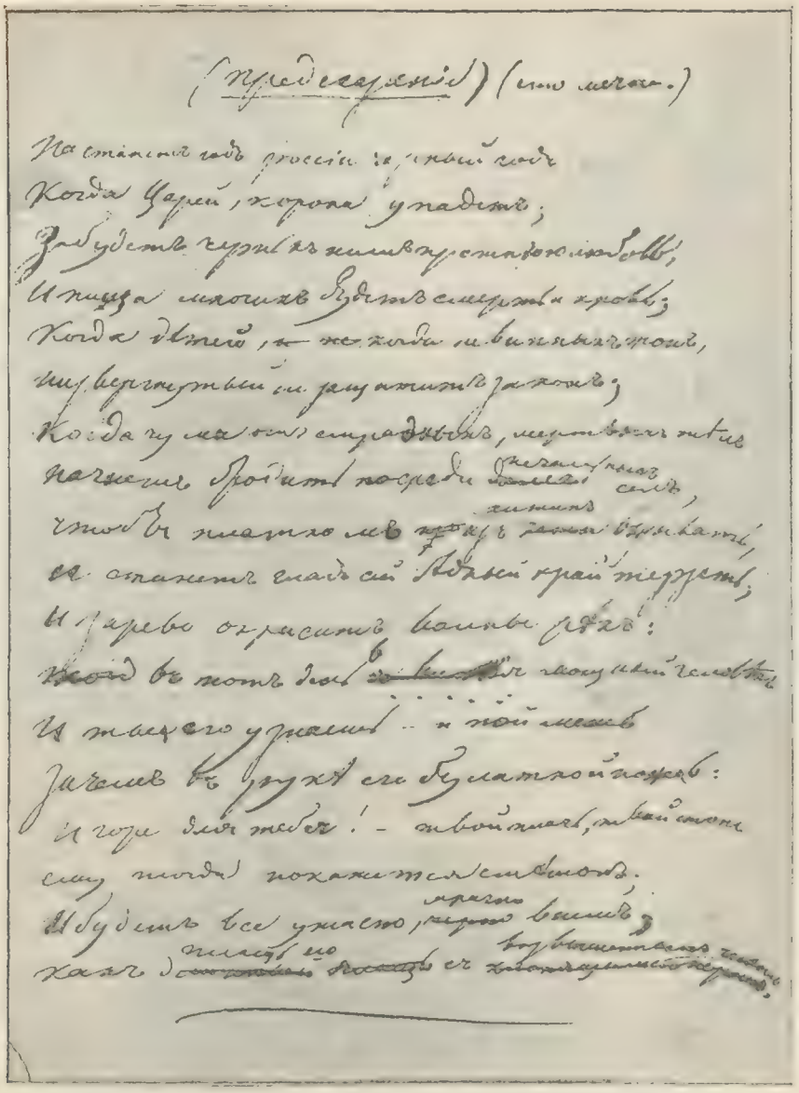
Рисунки карандашом. Правая фигура несомненно принадлежит карандашу Лермонтова.

В первых числах сентября над Москвой разразилась губительная холера. Паника была всеобщая. Массы жертв гибли мгновенно. Зараза приняла чудовищные размеры. Университет, все учебные заведения, присутственные места были закрыты, публичные увеселения запрещены, торговля остановилась. Москва была оцеплена строгим военным кордоном и учрежден карантин. Кто мог и успел, бежал из города. С болью в душе вспоминаешь теперь тогдашнее грустное и тягостное существование наше. Из шумной веселой столицы Москва внезапно превратилась в пустынный, безлюдный город. Полиция силой вытаскивала из лавок и лабазов арбузы, дыни, ягоды, фрукты, и валила их в нарочно вырытые (за городом) глубокие, наполненные известью ямы. Оставшиеся жители заперлись в своих домах. Никто без крайней необходимости не выходил на улицу, избегая сообщения между собой. Это могильное, удручающее безмолвие московских улиц по временам нарушалось тяжелым, глухим стуком колес больших четырехместных карет, запряженных парою тощих лошадей, тянувшихся небольшой рысью по направлению к одному из временно устроенных холерных лазаретов. Внутри карет или мучился умирающий, или уже лежал обезображенный труп.

П. Ф. Вистенгоф. «Из моих воспоминаний».

Бюллетени о болезни печатались два раза в день. Город был оцеплен, как в военное время, и солдаты пристрелили какого-то бедного дьячка, пробиравшегося через реку. Все это сильно занимало умы; страх перед болезнью отнял страх перед властями, жители роптали...

А. И. Герцен. «Былое и Думы».



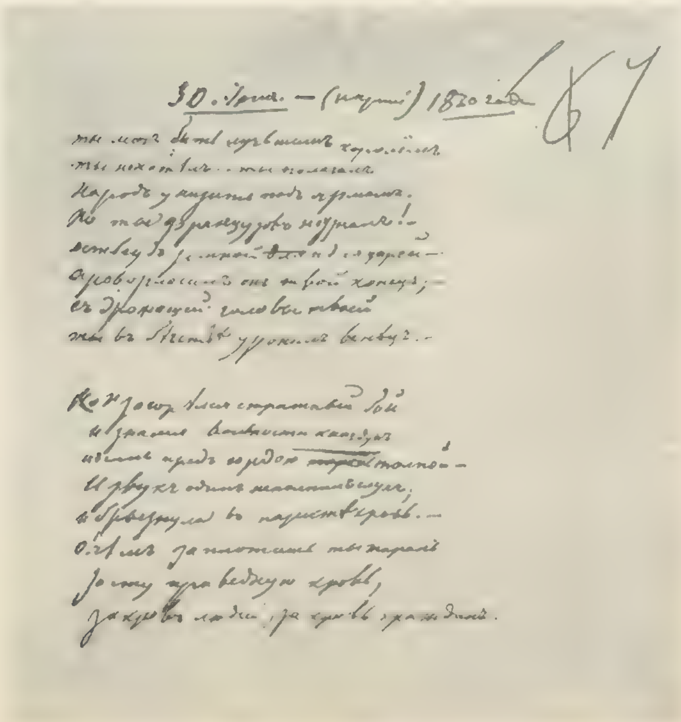
«Предсказание».
Автограф.

Вскоре после стихотворения «Новгород», включавшего в себя несколько резких и рискованных строк против Аракчеева, Лермонтов пишет свое замечательное «Предсказание» со страшной пометкой в скобках: «Это мечта».

Грядущая великая российская революция, которая описана в этом удивительном стихотворении, берется Лермонтовым не как буря в стакане воды, вроде происшествия на Сенатской площади; в зловещих, но широчайших картинах этой маленькой поэмы мы узнаем поражающее предчувствие всего трагизма, всего скорбного величия гигантского потрясения, пережитого нами в 1917–1918 годах... Каким чутьем должен был обладать мальчик (Лермонтову было тогда всего шестнадцать лет), чтобы почувствовать эту таящуюся в недрах русского народа ужасную грозу чуть ли не за столетие до ее наступления.

А. В. Луначарский. «Лермонтов, как революционер».

Восстание в Париже 30 июля 1830 года.
Литография 1830-х годов.

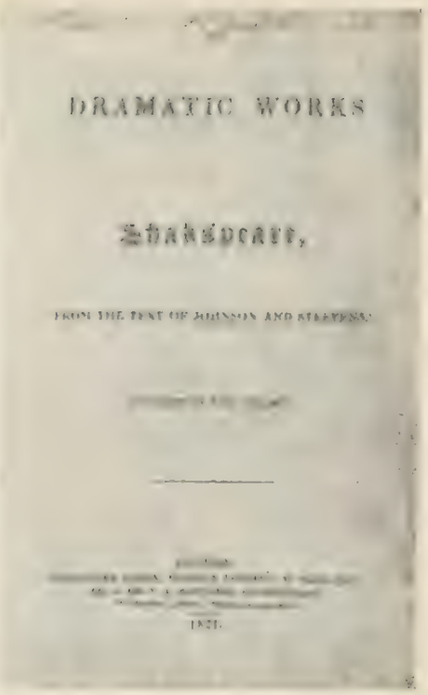

30 Июля. — (Париж) 1830 года
67

Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел. — Ты полагал
Народ унизить под ярмом.
Но ты французов не узнал! —
Есть суд земной и для царей —
Провозгласил он твой конец; —
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец. —

И загорелся страшный бой
И знамя вольности как дух
Идет пред гордою толпой —
И звук один наполнил слух;
И брызнула в Париже кровь. —
О! чем заплатишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан.

«30 июля (Париж) 1830 года».
Автограф.

Вильям Шекспир.
Гравюра М. Друсхоута. 1623 г.



«Драматические сочинения» Шекспира издания 1821 года.
Обложка.

Вступаюсь за честь Шекспира. Если он велик, то это в Гамлете, если он истинно Шекспир, этот гений необъемлемый, проникающий в сердце человека, в законы судьбы, оригинальный, то-есть неподражаемый Шекспир — то это в Гамлете.

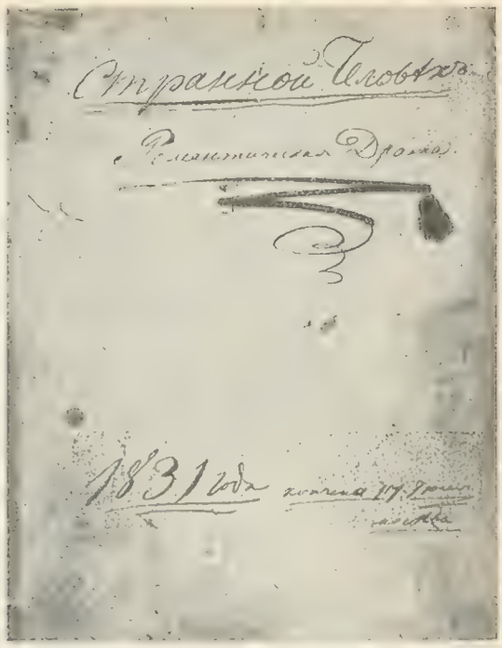
Лермонтов. Письмо М. А. Шан-Гирей. 1831 г.

П. С. Мочалов (1800—1848).
Литография Г. Митрейтера.

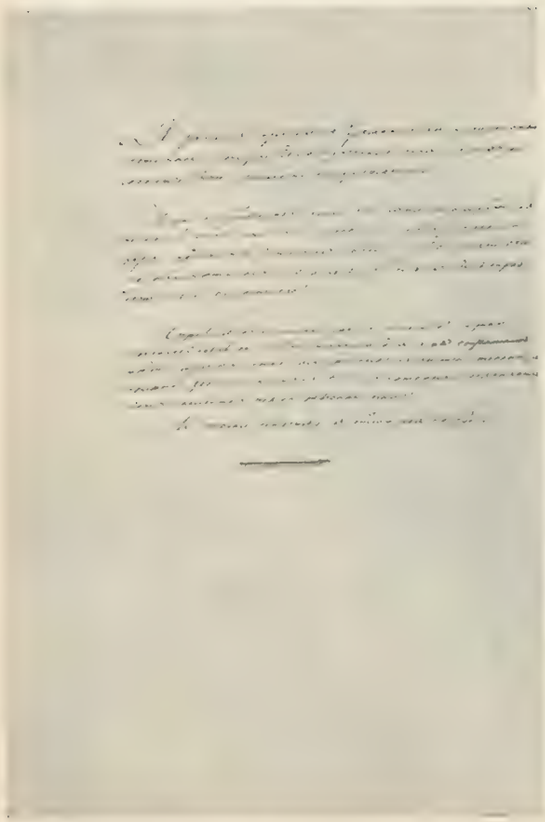
Мочалов во многих местах превосходит Каратыгина.

Лермонтов. Письмо М. А. Шан-Гирей. 1829 г.

Мужик... Где защитники у бедных людей? — У барыни же все судьи подкуплены нашим же оброком. — Тяжко, барин! Тяжко стало нам! — Посмотришь в другое село... сердце кровью обливается!



«Странный человек».
Обложка рукописи.



«Странный человек».
Автограф предисловия.

Я решился изложить драматически происшествие истинное, которое долго беспокоило меня, и всю жизнь, может быть, занимать не перестанет.

Лица, изображенные мною, все взяты с природы; и я желал бы, чтоб они были узнаны, — тогда раскаяние, верно, посетит души тех людей... Но пускай они не обвиняют меня: я хотел, я должен был оправдать тень несчастного!..

Справедливо ли описано у меня общество? — не знаю! По крайней мере оно всегда останется для меня собранием людей — бесчувственных, самолюбивых в высшей степени, и полных зависти к тем, в душе которых сохраняется хотя малейшая искра небесного огня!..

И этому обществу я отдаю себя на суд.

Предисловие к драме «Странный человек». 1831 г.

Н. Ф. Иванова.
Портрет работы В. Биземана. 1830-е годы.

Михаил Юрьевич Лермонтов был влюблен в Наталию Федоровну Обрезкову, урожденную Иванову... У нас в семье известно, что у Наталии Федоровны хранилась шкатулка с письмами М. Ю. Лермонтова и его, посвященными ей, стихами и что все это было сожжено из ревности ее мужем Н. М. Обрезковым... Драма Лермонтова «Странный человек» относится к его знакомству с Н. Ф. Ивановой.

Н. С. Маклакова в передаче
И. Л. Андроникова.

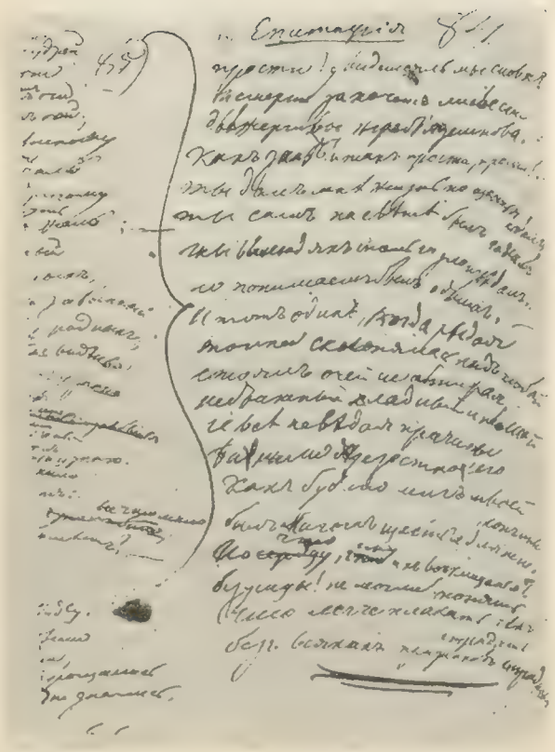
Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Боясь, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;
Счастливцы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.
Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страстями;
Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумленный.
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослепленный.
Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился,
К тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,
К тому, что обещал нам бог,
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.
Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели...
И в жизни зло лишь испытав,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум печальной цели.

«Н. Ф. И⟨вано⟩вой».
Автограф.

Хотя ты еще и в юных летах, но я вижу, что ты одарен способностями ума, — не пренебрегай ими и всего более страшись употреблять оные на что либо вредное или бесполезное: это талант, в котором ты должен будешь некогда дать отчет...

Из завещания Ю. П. Лермонтова сыну от 28 января 1831 года.

Юрий Петрович Лермонтов в последние годы жизни (умер 1 октября 1831 г.).
Портрет работы неизвестного художника.



«Эпитафия».
Автограф.

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! итак, прости, прости!..
Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведал...
Но понимаем был одним.
И тот один, когда рыдая
Толпа склонялась над тобой,
Стоял, очей не обтирая,
Недвижный, хладный и немой.
И все, не ведая причины,
Винили дерзостно его,
Как будто миг твоей кончины
Был мигом счастья для него.
Но что ему их восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чем страдать
Без всяких признаков страданья.

«Эпитафия». 1832 г.

Лерма, легендарный предок поэта.
Портрет работы Лермонтова. 1832 г.

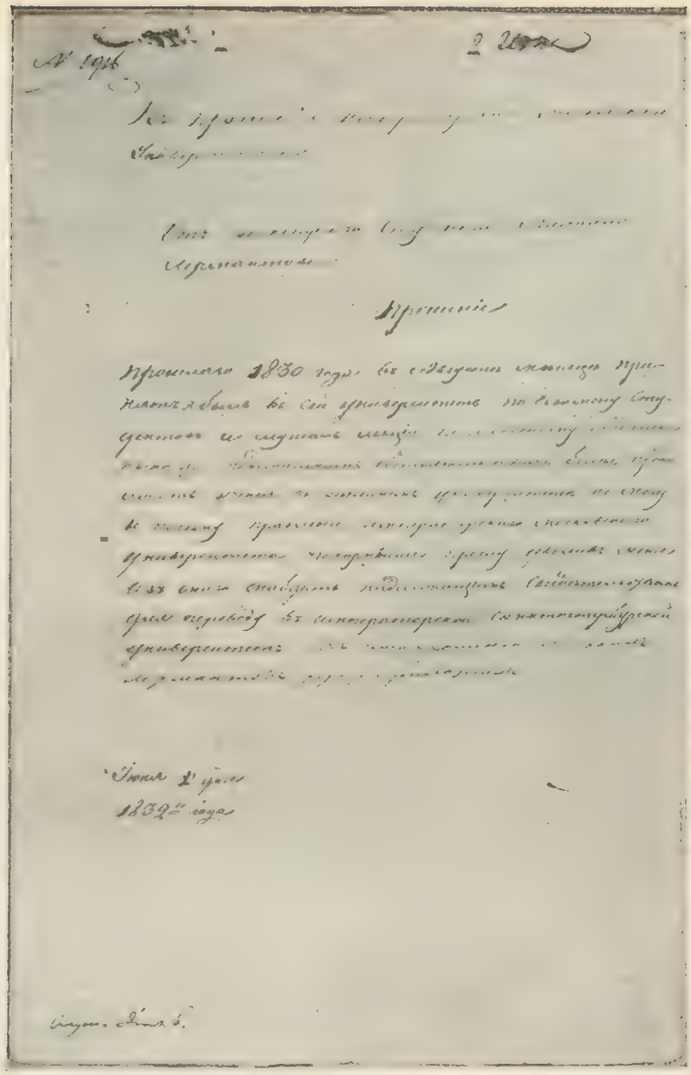
Существовало предание о том, что фамилия Лермонтовых происходила от испанского владетельного герцога Лермы, который, во время борьбы с маврами, должен был бежать из Испании в Шотландию. Это предание было известно Михаилу Юрьевичу и долго ласкало его воображение. Оно как бы утешало его и вознаграждало за обиды отцу... Долгое время Михаил Юрьевич и подписывался под письмами и стихотворениями: «Лерма». Недаром и в сильно влиявшем на него Шиллере он встречался с именем графа Лермы в драме «Дон Карлос». В 1830 или 31 году Лермонтов в доме Лопухиных, на углу Поварской и Молчановки, начертил на стене углем голову (поясной портрет) вероятно воображаемого предка. Он был изображен в средневековом испанском костюме, с испанскою бородкой, широким кружевным воротником и с цепью ордена Золотого Руна вокруг шеи. В глазах и, пожалуй, во всей верхней части лица не трудно заметить фамильное сходство с самим нашим поэтом. Голова эта, нарисованная al fresco, была затерта при поправлении штукатурки, и приятель поэта Алексей Александрович Лопухин был этим очень опечален, потому что с рисунком связывалось много воспоминаний о дружеских беседах и мечтаниях. Тогда Лермонтов нарисовал такую же голову на холсте...

Е. Д. Лопухина в передаче
П. А. Висковатова.

Взгляни на этот лик; искусством он
Небрежно на холсте изображен,
Как отголосок мысли неземной,
Не вовсе мертвый, не совсем живой;
Холодный взор не видит, но глядит
И всякого не правясь удивит;
В устах нет слов, но быть они должны:
Для слов уста такие рождены;
Смотри: лицо как будто отошло
От полотна, — и бледное чело
Лишь потому не страшно для очей,
Что нам известно: не гроза страстей
Ему дала болезненный тот цвет,
И что в груди сей чувств и сердца нет.
О боже, сколько я видал людей,
Ничтожных — пред картиною моей,
Душа которых менее жила,
Чем обещает вид сего чела.

«Портрет». 1831 г.

Испанец с фонарем.
Рисунок Лермонтова. 1831 г.



Прошение Лермонтова об увольнении его из Московского Университета.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 2480.

По указу его императорского величества, из Правления императорского Московского Университета. Своекоштному студенту Михайлу Лермантову, сыну капитана Юрия Лермантова, в том, что он в прошлом в 1828 году был принят в бывший Университетский благородный пансион, обучался в старшем отделении высшего класса разным языкам, искусствам и преподаваемым в оном нравственным, математическим и словесным наукам с отличным прилежанием, с похвальным поведением и с весьма хорошими успехами, а 1830 года, сентября 1-го дня, принят в сей Университет по экзамену студентом и слушал лекции по словесному отделению; ныне же по прошению его от Университета сим уволен; и как он Лермантов полного курса учения не окончил, то и не распространяется на него сила Указа 1809 года, августа 6-го дня и 26-ая статья Предварительных правил Народного Просвещения. Дано в Москве июня 18-го дня 1832 года. Подлинное подписали: ректор Иван Двигубский, непременный заседатель Иван Давыдов, декан Михайла Качеповский, секретарь Кондратьев и титулярный советник Щеглов.

Подлинный аттестат получил своекоштный студент Михайло Лермантов.

В ПЕТЕРБУРГЕ

Петербург. Вид на Петропавловскую крепость.
Гравюра С. Галактионова по рисунку П. П. Свиньина. 1818 г.

Петербург. Марсово поле.
Литография 1820-х годов.

Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот
Как шиш торчит перед тобой;
Нет милых сплетен — всё сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Всё удивительно и ново —
А нет не пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..

Лермонтов. Письмо С. А. Бахметевой. Август 1832 г.

Невский проспект в начале 1830-х годов.
Литография по рисунку В. Садовникова.

Сырое ноябрьское утро лежало над Петербургом. Мокрый снег падал хлопьями, дома казались грязны и темны, лица прохожих были зелены; извозчики на биржах дремали под рыжими полостями своих саней; мокрая длинная шерсть их бедных кляч завивалась барашком; туман придавал отдаленным предметам какой-то серолиловый цвет. По тротуарам лишь изредка хлопали калоши чиновника, — да иногда раздавался шум и хохот в подземной полпивной лавочке, когда оттуда выталкивали пьяного молодца в зеленой фризовой шинели и клеенчатой фуражке.

«У граф. В... был музыкальный вечер».

У канала ночью.
Рисунок Е. Е. Лансере. 1910 г.

Вчера, в 10 часов вечера, было небольшое наводнение, и даже трижды сделано по два пушечных выстрела, по мере того, как вода опускалась и подымалась. Ночь была лунная, я был у своего окна, которое выходит на канал.
Вот что я написал:

Для чего я не родился
Этой синею волной? —
Как бы шумно я катился
Под серебряной луной...

Лермонтов. Письмо М. А. Лопухиной. 28 августа 1832 г.

Бал в дворянском доме в первой половине XIX века.
Рисунок Я. де-Бальмена.

По приезде я навещал довольно часто родных, с которыми мне следовало познакомиться; но в конце концов нашел, что лучший мой родственник — это я сам. Видел я образчики здешнего общества: дам очень любезных, молодых людей очень воспитанных; все они вместе производят на меня впечатление французского сада, очень тесного и простого, но в котором с первого разу можно заблудиться, потому что хозяйские ножницы уничтожили всякое различие между деревьями.

Лермонтов. Письмо М. А. Лопухиной. 28 августа 1832 г.

Исключительно танцующие кавалеры могли разделиться на два разряда; одни добросовестно не жалели ни ног, ни языка, танцовали без устали, садились на край стула, обратившись лицом к своей даме, улыбались и кидали значительные взгляды при каждом слове, — короче, исполняли свою обязанность как нельзя лучше; — другие, люди средних лет, чиновные, заслуженные ветераны общества, с важною осанкой и гордым выражением лица, скользили небрежно по паркету, как бы из милости или снисхождения к хозяйке; и говорили только с дамою своего vis-à-vis, когда встречались с нею, делая фигуру.

Но зато дамы... о! дамы были истинным украшением этого бала, как и всех возможных балов!.. сколько блестящих глаз и бриллиантов, сколько розовых уст и розовых лент... чудеса природы и чудеса модной лавки... волшебные маленькие ножки и чудно узкие башмаки, беломраморные плечи и лучшие французские белилы, звучные фразы, заимствованные из модного романа, бриллианты, взятые на прокат из лавки...

«Княгиня Лиговская».

Строевые занятия в Школе гвардейских подпрапорщиков.
Рисунок А. П. Шан-Гирея 1830-е годы.

Ноября 10 дня [1832 года].

Заведывающий Школою Гвардейских подпрапорщиков и юнкеров г. генерал-адъютант Нейгардт отношением своим от 5 числа сего ноября дал мне знать: дабы недорослей из дворян, просящихся на службу в полки лейб-гвардии... Михаила Столыпина... в Конный, Михайла Лермонтова в Гусарский зачислить во вверенную мне школу кандидатами коих и числить на лицо.

Генерал-майор барон *Шлиппенбах.*

До сих пор я жил для литературной карьеры, принес столько жертв своему неблагодарному кумиру и вот теперь я — воин. Быть может, это особенная воля провидения; быть может этот путь кратчайший, и если он не ведет меня к моей первой цели, может быть, приведет к последней цели всего существующего: умереть с пулею в груди — это стоит медленной агонии старика. Итак, если начнется война, клянусь вам, что всегда буду впереди.

Лермонтов. Письмо М. А. Лопухиной. 1832 г.

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алёхин глас
Как можно реже
Тревожит нас.
Еще моленье
Прошу принять —
В то воскресенье
Дай разрешенье
Мне опоздать.
Я, царь всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем.

«Юнкерская молитва». 1833—1834 гг.

Юнкер Н. С. Мартынов, впоследствии убийца Лермонтова.

Портрет неизвестного.
Рисунок Лермонтова.

Юнкер Л. Н. Хомутов.
Рисунок Лермонтова.

Портрет неизвестного.
Рисунок Лермонтова.

Рисунок Лермонтова к повести Марлинского «Аммалат-бек».

Штаб-ротмистр В. И. Кноринг,
преподаватель Школы гвардейских подпрапорщиков.
Рисунок Лермонтова.

Прогулка верхом.
Рисунок Лермонтова.

Всадник.
Рисунок Лермонтова.

Сцена из жизни юнкеров.
Рисунок из лермонтовской тетради 1834 г.

Сцена из жизни юнкеров.
Рисунок Н. И. Поливанова.

В Школу мы поступали не моложе 17 лет, а доходило и до 26; все из богатого дома, все лентяи, один Лермонтов учился отлично. У нас издавался журнал: «Школьная заря», главное участие в ней принимали двое: Лермонтов и Мартынов, который впоследствии так трагически разыграл жизнь Лермонтова.

А. Ф. Тиран. «Записки».

Перед карцером. Сцена из жизни юнкеров.
Рисунок А. И. Шан-Гирея.

Лермонтов среди юнкеров на ученье.
Карикатурный рисунок Н. Н. Поливанова. 1834 г.

В Школе он носил прозвание Маешки от «Мг. Мауеих», горбатого и остроумного героя давно забытого шутовского французского романа.

А. И. Шан-Гирей. «М. Ю. Лермонтов».

Лермонтов в палатке в час отдыха.
Акварель Н. И. Поливанова. 1834 г.

Я не писал вам с тех пор, как мы перешли в лагерь, да и не мог решительно, при всем желании. Представьте себе палатку, которая имеет по 3 аршина в длину и ширину и $2^1/_2$ аршина в вышину; в ней живут трое, и тут же вся поклажа и доспехи, как-то: сабли, карабины, кивера и проч. и проч. Погода была ужасная: дождь лил без конца, так что часто дня два подряд нам не удавалось просушить платье.

Лермонтов. Письмо М. А. Лопухиной. 4 августа 1833 г.

В юнкерской школе Лермонтов был хорош со всеми товарищами, хотя некоторые из них не очень любили его за то, что он преследовал их своими остротами и насмешками за все ложное, натянутое и неестественное, чего никак не мог переносить. Впоследствии и в свете он не оставил этой привычки, хотя имел за то много неприятностей и врагов.

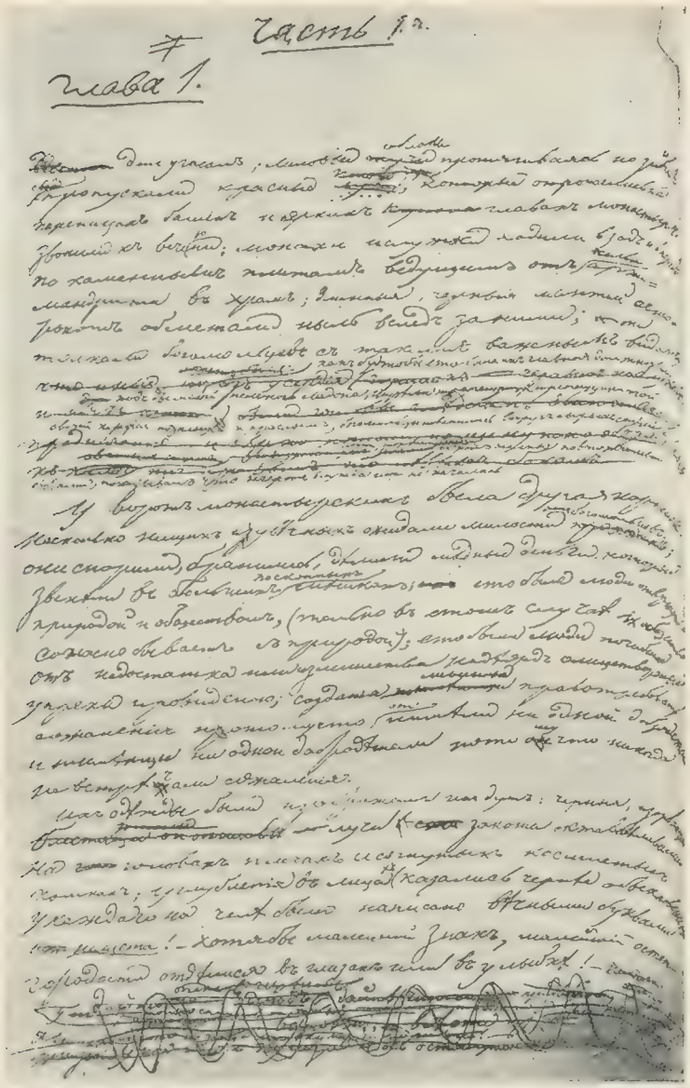
А. Меринский. «Воспоминание о Лермонтове».

Маневры в Красном селе.
Рисунок Лермонтова.

Умственное развитие его было настолько выше других товарищей, что и параллели между ними провести невозможно. Он поступил в школу уже человеком, много читал, много передумал, тогда как другие еще вглядывались в жизнь, он уже изучил ее со всех сторон. Годами он был не старше других, но опытом и воззрением на людей оставлял их за собой... Из наук Лермонтов с особенным рвением занимался русской словесностью и историей. Вообще он имел способности весьма хорошие.

П. С. Мартынов. Отрывки его автобиографических записок.

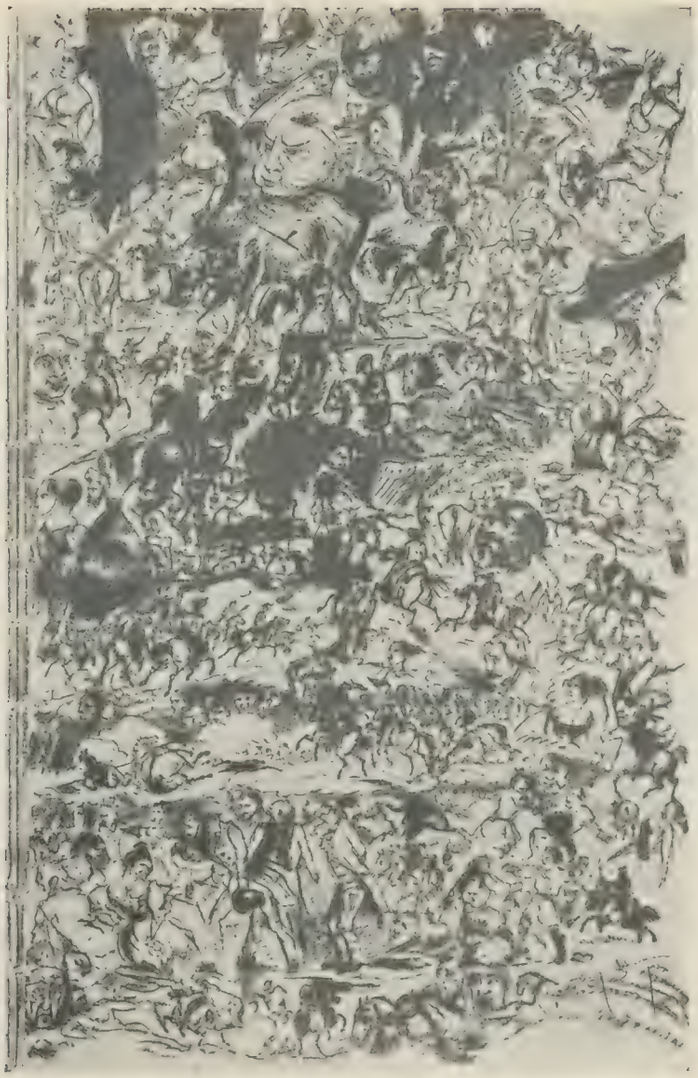
Юнкера на рекогносцировке.
Рисунок И. И. Поливанова.



«Вадим».
Первая страница черновой рукописи.

Пишу мало, читаю не больше; мой роман — сплошное отчаяние: я перерыл всю свою душу, чтоб добыть из нее все что только способно обратиться в ненависть, и в беспорядке излил все это на бумагу. Читая вы бы пожалели меня!

Лермонтов. Письмо М. А. Лопухиной. 28 августа 1832 г.



«Вадим».
Обложка рукописи с рисунками Лермонтова.

В то время Лермонтов писал не одни шаловливые стихотворения; но только немногим и немногое показывал из написанного. Раз, в откровенном разговоре со мной, он мне рассказал план романа, который задумал писать прозой и три главы которого были тогда уже написаны. Роман этот был из времен Екатерины II, основанный на истинном происшествии по рассказам его бабушки. Не помню хорошо всего сюжета, помню только, что какой-то нищий играл значительную роль в этом романе; в нем также описывалась первая любовь, не вполне разделенная, и встреча одного из лиц романа с женщиной с сильным характером, что раз случилось и с самим поэтом в его ранней юности, как он мне сам о том рассказывал.

А. Меринский. «Воспоминание о Лермонтове».

«Измаил-Бей».
Акварель Т. А. Мавриной. 1939 г.

Сегодня дома лишь один
Его любимый старший сын.
Но слов хозяина не слышит
Пришелец! он почти не дышит,
Остановился быстрый взор,
Как в миг паденья метеор:
Пред ним, под видом девы гор,
Создание земли и рая,
Стояла пери молодая!

«Измаил-Бей».
Акварель Т. А. Мавриной. 1939 г.

Души волненьем утомлен,
Опять на землю князь ложится;
Трещит огонь и дым клубится, —
И что же? — призрак видит он!
Перед огнем стоит спокоен,
На саблю опершись рукой,
В фуражке белой, русский воин,
Печальный, бледный и худой.
Спросить хотелось Измаилу,
Зачем оставил он могилу!
И свет дрожащего огня,
Упав на смуглые ланиты,
Черкесу придал вид сердитый:
«Чего ты хочешь от меня?» —
«Гостеприимства и защиты! —
Пришлец бесстрашно отвечал:
Свой путь в горах я потерял,
Черкесы вслед за мной спешили
И казаков моих убили,
И верный конь под мною пал!
Спасти, убить врага ночного
Равно ты можешь! не боюсь
Я смерти: грудь моя готова.
Твоей я чести предаюсь!» —
«Ты прав; на честь мою надейся!..
Вот мой огонь: садись и грейся».

«Измаил-Бей».
Акварель Т. А. Мавриной. 1939 г.

Горят аулы; нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты,
И зарево, как вечный метеор,
Играя в облаках, пугает взор. —
Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель;
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей
Ласкает он кровавою рукою,
Но жены гор не с женскою душою!
За поцелуем вслед звучит кинжал, —
Отпрянул русский, — захрипел, — и пал!
«Отмсти, товарищ!» и в одно мгновенье
(Достойное за смерть убийцы мщенье!)
Простая сакля, веселя их взор,
Горит, — черкесской вольности костер!..

«Измаил-Бей».
Акварель Т. А. Мавриной. 1939 г.

Кто этот русский? — с саблею в руке,
В фуражке белой? Страха он не знает!
Он между всех отличен вдалеке
И казаков примером ободряет;
Он ищет Измаила — и нашел,
И вынул пистолет свой, и навел,
И выстрелил! — напрасно! — обманулся
Его свинец! — но выстрел роковой
Услышал князь, и мигом обернулся, —
И задрожал: «Ты вновь передо мной!
Свидетель бог: не я тому виной!..» —
Воскликнул он, и шашка зазвенела, —
И, отделясь от трепетного тела,
Как зрелый плод от ветки молодой,
Скатилась голова; — и конь ретивой,
Встав на дыбы, заржал, мотая гривой,
И скоро обезглавленный седок
Свалился на растоптанный песок.
Не долго это сердце увядало,
И мир ему! — в единый миг оно
Любить и ненавидеть перестало:
Не всем такое счастье суждено!

Лермонтов в конце 1834 года.
Гравюра на стали. 1865 г. С портрета работы Ф. Будкина.

Наконец в исходе 1834 года Лермонтов был произведен в корнеты, в Лейб-гвардии Гусарский полк, и оставил юнкерскую школу. По производстве в офицеры он начал вести рассеянную и веселую жизнь, проводя время: зимой — в высшем кругу петербургского общества и в Царском селе, в дружеских пирушках гусарских; летом — на ученьях и в лагере под Красным селом.

А. Меринский. «Воспоминание о Лермонтове».

Я теперь бываю в свете, для того, чтобы меня узнали, для того, чтобы доказать, что я способен находить удовольствие в хорошем обществе... Ах!.. я ухаживаю и, вслед за объяснением в любви, говорю дерзости.

Лермонтов. Письмо М. А. Лопухиной. 23 декабря 1834 г.

Алексей Аркадьевич Столыпин (1816—1858).
Акварель работы А. Клюндера. 1838—1839 гг.

Это был совершеннейший красавец... Назвать Монго Столыпина значит для людей нашего времени то же, что выразить понятие о воплощенной чести, образце благородства, безграничной доброте, великодушии, беззаветной готовности на услугу словом и делом. Его не избаловали блистательнейшие из светских успехов...

М. И. Лонгинов. «Заметки о Лермонтове и о некоторых его современниках».

Но прежде нужно вам, читатель,
Героев показать портрет:
Монго — повеса и корнет,
Актрис коварных обожатель,
Был молод сердцем и душой,
Беспечно женским ласкам верил
И на аршин предлинный свой
Людскую честь и совесть мерил.
Породы английской он был —
Флегматик с бурыми усами,
Собак и портер он любил,
Не занимался он чинами,
Ходил немытый целый день,
Носил фуражку на-бекрень;
Имел он гадкую посадку:
Неловко гнулся наперед
И не тянул ноги он в пятку,
Как должен каждый патриот.
Но если, милый, вы езжали
Смотреть российский наш балет,
То верно в креслах замечали
Его внимательный лорнет.

«*Монго*». *1836 г.*

Екатерининский парк в Царском селе.
Литография 1830-х годов.

Он жил постоянно в Петербурге, а в Царское село, где стояли гусары, езжал на ученья и дежурства. В том же полку служил родственник его Алексей Аркадьевич Столыпин, известный в школе, а потом и в свете под именем Монго.

А. П. Шан-Гирей. «М. Ю. Лермонтов».

Мне суждено было еще раз с ним [Лермонтовым] неожиданно встретиться в Царскосельском саду...

Живо помню, как, отдохнув в одной из беседок сада и отыскивая новую точку для наброска, я вышел из беседки и встретился лицом к лицу с Лермонтовым... Он был одет в гусарскую форму. В наружности его я нашел значительную перемену. Я видел уже перед собой не ребенка и юношу, а мужчину во цвете лет, с пламенными, но грустными по выражению глазами, смотрящими на меня приветливо с душевной теплотой. Казалось мне в тот миг, что прония, скользившая в прежнее время на губах поэта, исчезла. Михаил Юрьевич сейчас же узнал меня, обменялся со мною несколькими вопросами, бегло рассмотрел мои рисунки, с особенной торопливостью пожал мне руку и сказал последнее прости... Заметно было, что он спешил куда-то, как спешил всегда, во всю свою короткую жизнь. Более мы с ним не виделись.

М. Меликов. «Заметки и воспоминания художника-живописца».

Н. И. Бухаров, сослуживец Лермонтова по Лейб-гвардии гусарскому полку.
Портрет неизвестного художника.

Мы ждем тебя, спеши, Бухаров,
Брось царскосельских соловьев,
В кругу товарищей гусаров
Обычный кубок твой готов.
Для нас в беседе голосистой
Твой крик приятней соловья,
Нам мил и ус твой серебристый
И трубка плоская твоя.
Нам дорога твоя отвага,
Огнем душа твоя полна,
Как вновь раскупоренная влага
В бутылке старого вина.
Столетья прошлого обломок,
Меж нас остался ты один,
Гусар прославленных потомок,
Пиров и битвы гражданин.

(«К Н. И. Бухарову».)

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

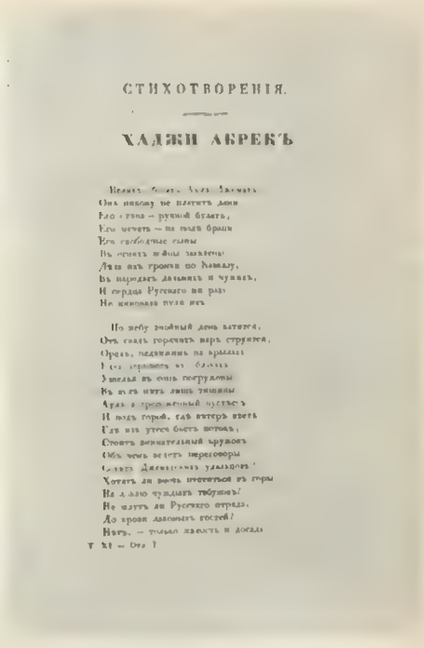
ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

ИЗДАНІЕ
книгопродавца Александра Смирдина

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Журнал «Библиотека для чтения», где была опубликована поэма Лермонтова «Хаджи Абрек». Титульный лист.



СТИХОТВОРЕНІЯ.

ХАДЖИ АБРЕКЪ

«Хаджи Абрек». Первая страница первопечатного текста.

В юнкерской школе он написал стихотворную повесть «Хаджи Абрек». Осенью 1834 года его родственник и товарищ, тоже наш юнкер, И. Д. Юрьев, тайком от Лермонтова отнес эту повесть к Смирдину, в журнал «Библиотека для чтения», где она и была помещена в следующем 1835 году. Это, если не ошибаюсь, было первое появившееся в печати стихотворение Лермонтова, по крайней мере, с подписью его имени.

А. Меринский. «Воспоминание о Лермонтове».

С нами жил в то время дальний родственник и товарищ Мишеля по школе Николай Дмитриевич Юрьев, который после тщетных стараний уговорить Мишеля печатать свои стихи, передал тихонько от него поэму «Хаджи Абрек» Сенковскому, и она, к нашему немалому удивлению, в одно прекрасное утро, появилась напечатанною в «Библиотеке для чтения». Лермонтов был взбешен, но по счастью поэму никто не разбранил, напротив, она имела некоторый успех.

А. П. Шан-Гирей. «М. Ю. Лермонтов».

Стихи твои, мой друг, я читала — бесподобные, а всего лучше меня утешило, что тут нет помышлений модной нежной любви... Ты не пишешь, какую ты пиесу сочинил, комедия или трагедия, все, что до тебя касается, я неравнодушна.

Письмо Е. А. Арсеньевой Лермонтову.
18 октября 1835 г.

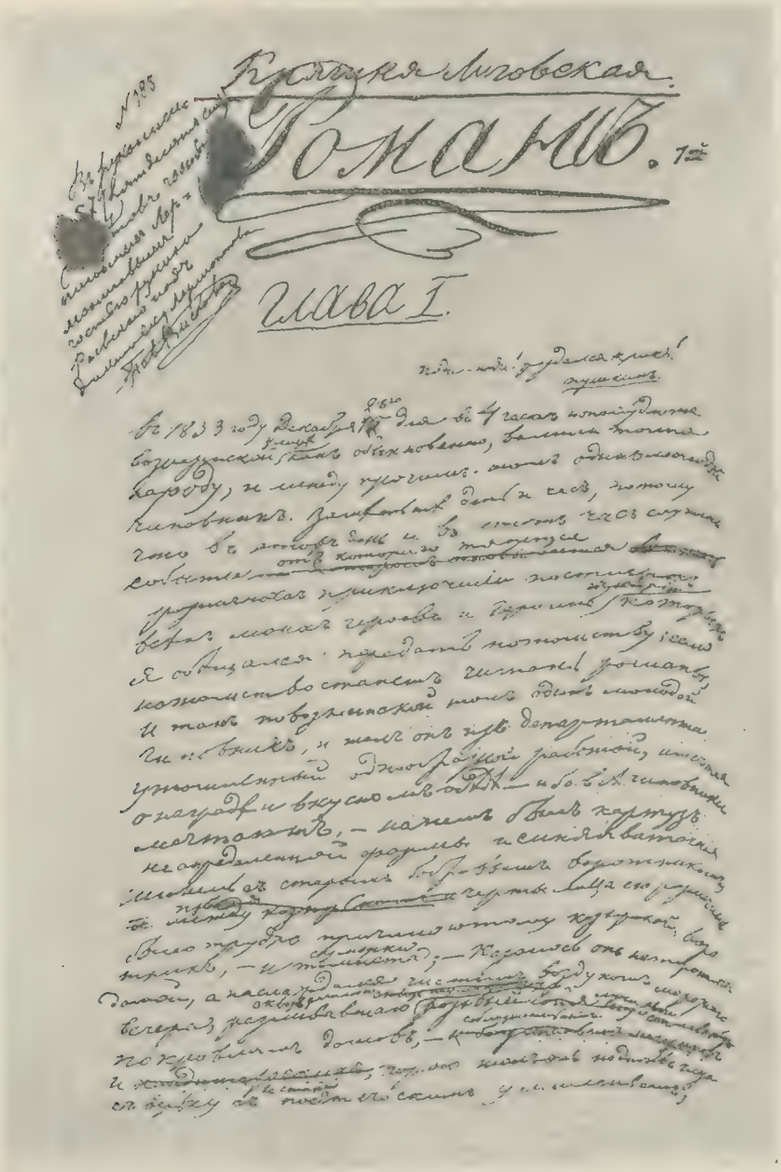
«Хаджи Абрек».
Рисунок Л. О. Пастернака. 1891 г.

Сидит пришелец за столом.
Чихирь с серебряным пшеном
Пред ним не тронуты доселе
Стоят! Он странен, в самом деле!
Как на челе его крутом
Блуждают, движутся морщины!
Рукою лет или кручины
Проведены они по нем?
Развеселить его желая,
Лечла бубен свой берет;
В него перстами ударяя,
Лезгинку пляшет и поет.
Ее глаза как звезды блещут,
И груди полные трепещут;
Восторгом детским, но живым
Душа невинная объята:
Она кружится перед ним
Как мотылек в лучах заката.
И вдруг звенящий бубен свой
Подъемлет белыми руками;
Вертит его над головой,
И тихо черными очами
Поводит, — и, без слов, уста
Хотят сказать улыбкой милой —
«Развеселись, мой гость унылый!
Судьба и горе — всё мечта!»

Рисунок Лермонтова.
(Предположительно—портрет Варвары Александровны Лопухиной.)

Я имел случай убедиться, что первая страсть Мишеля не исчезла. Мы играли в шахматы, человек подал письмо; Мишель начал его читать, но вдруг изменился в лице и побледнел; я испугался и хотел спросить, что такое, но он, подавая мне письмо, сказал: «вот новость — прочти», и вышел из комнаты. Это было известие о предстоящем замужестве В. А. Лопухиной.

А. И. Шан-Гирей. «М. Ю. Лермонтов».


Княгиня Лиговская.
Роман.
Глава I.

«Княгиня Лиговская».
Первая страница черновика романа.

В 1833 году, декабря 21-го дня в 4 часа пополудни по Вознесенской улице, как обыкновенно, валила толпа народу, и между прочим шел один молодой чиновник; заметьте день и час, потому что в этот день и в этот час случилось событие, от которого тянется цепь различных приключений, постигших всех моих героев и героинь, историю которых я обещался передать потомству, если потомство станет читать романы, — итак, по Вознесенской шел один молодой чиновник, и шел он из департамента, утомленный однообразной работой, и мечтал о награде и вкусном обеде — ибо все чиновники мечтают! — на нем был картуз неопределенной формы и синяя ваточная шинель с старым бобровым воротником, черты лица его различить было трудно: причиною тому козырек, воротник, — и сумерки; — казалось, он не торопился домой, а наслаждался чистым воздухом морозного вечера, разливавшего сквозь зимнюю мглу розовые лучи свои по кровлям домов, — соблазнительным блистаньем магазинов и кондитерских; порою подняв глаза кверху с истинно-поэтическим умиленьем...

«Княгиня Лиговская».
Рисунок Д. Н. Кардовского. 1914 г.

Печорину пришлось сидеть наискось противу княгини Веры Дмитревны, сосед его по левую руку был какой-то рыжий господин, увешанный крестами, который сдал к ним в дом только на званые обеды, по правую же сторону Печорина сидела дама лет 30-ти, чрезвычайно свежая и моложавая, в малиновом токе, с перьями, и с гордым видом, потому что она слыла неприступною добродетелью. Из этого мы видим, что Печорин как хозяин избрал самое дурное место за столом.

Возле Веры Дмитревны сидела по одну сторону старушка, разряженная как кукла, с седыми бровями и черными пуклями, по другую дипломат, длинный и бледный, причесанный à la Russe и говоривший по-русски хуже всякого француза. После 2-го блюда разговор начал оживляться...

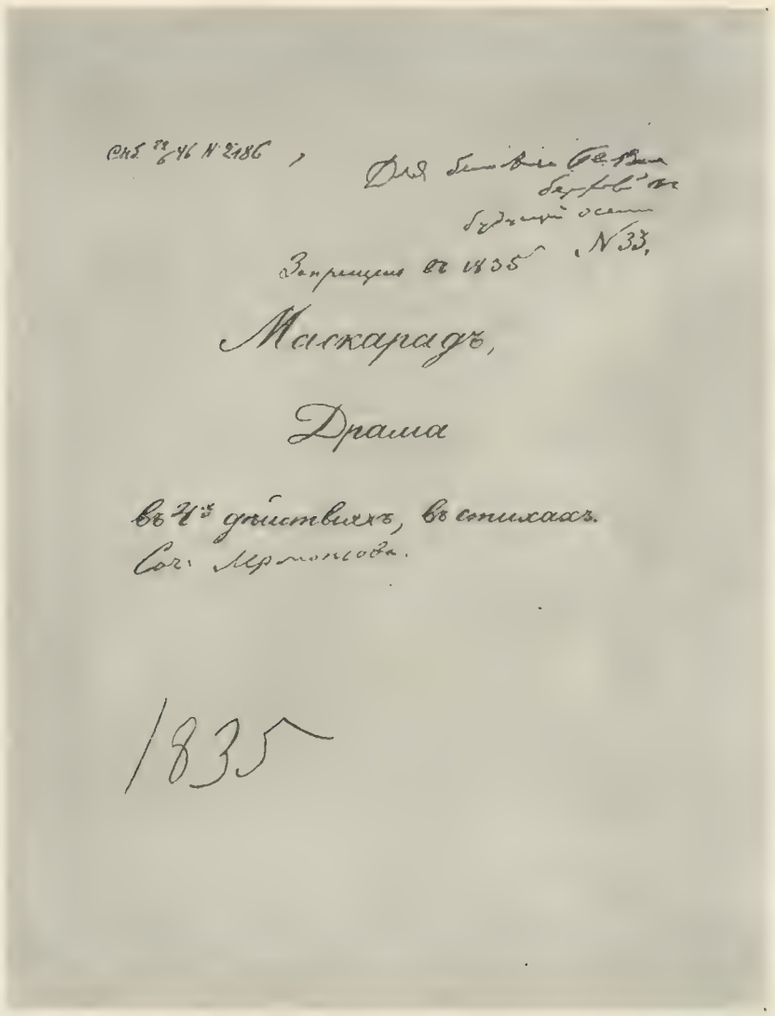
«Княгиня Лиговская».
Рисунок Д. Н. Кардовского. 1914 г.

— Мне препоручил, — отвечал Печорин, — князь Лиговской попросить вашего сына, чтобы он сделал одолжение заехал к нему, у князя есть тяжба, которая теперь должна рассматриваться в столе у г. Красинского. Я вас попрошу передать ему адрес князя. Вы меня очень одолжите, если уговорите вашего сына к нему заехать хоть завтра вечером, я там буду.

Написав адрес, Печорин раскланялся и подошел к двери. В эту минуту дверь отворилась, и он вдруг столкнулся с человеком высокого роста; они взглянули друг на друга, глаза их встретились, и каждый сделал шаг назад. Враждебные чувства изобразились на обоих лицах, удивление сковало их уста; наконец Печорин, чтобы выйти из этого странного положения, сказал почти шопотом:

— Милостивый государь, вспомните что я не знал, что вы г. Красинский, иначе бы я не имел счастия встретиться с вами здесь. Ваша матушка объяснит вам причину моего посещения.

Они разошлись — не поклонившись. Печорин уехал. Эта случайная игра судьбы сильно его потревожила, потому что он в Красинском узнал того самого чиновника, которого несколько дней назад едва не задавил и с которым имел в театре историю.



«Маскарад».
Обложка списка с цензурной пометкой о запрещении.

Пришло ему на мысль написать комедию, вроде «Горя от ума», резкую критику на современные нравы, хотя и далеко не в уровень с бессмертным творением Грибоедова. Лермонтову хотелось видеть ее на сцене, но строгая цензура III Отделения не могла ее пропустить. Автор с негодованием прибежал ко мне и просил убедить начальника сего Отделения, моего двоюродного брата Мордвинова, быть снисходительным к его творению; но Мордвинов оставался неумолим; даже цензура получила неблагоприятное мнение о заносчивом писателе, что ему вскоре отозвалось неприятным образом.

А. И. Муравьев. «Знакомство с русскими поэтами».

Драма «Маскарад», в стихах, отданная мною на театр, не могла быть представлена по причине (как мне сказали) слишком резких страстей и характеров и также потому, что в ней добродетель недостаточно награждена.

Лермонтов. Объяснения по делу «О непозволительных стихах на смерть Пушкина». 1837 г.

«Маскарад».
Рисунок Л. О. Пастернака. 1890 г.

«Маскарад». Арбенин и Нина.
Силуэт работы В. В. Гельмерсена. Около 1920 г.

«Маскарад». Нина Арбенина.
Рисунок Л. О. Пастернака. 1890 г.

Как новый вальс хорош! В каком-то упоеньи
Кружилась я быстрей — и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало вдаль,
И сердце сжалося; не то, чтобы печаль,
Не то, чтоб радость...

«Маскарад», действие III, сцена II.

«Маскарад». Эскиз главного занавеса для постановки в Александрийском театре. Работа А. Я. Головина. 1916 г.

Я здесь давно знаком; и часто здесь, бывало,
Смотрел с волнением немым,
Как колесо вертелось счастья.
Один был вознесен, другой раздавлен им,
Я не завидовал, но и не знал участья:
Видал я много юношей, надежд
И чувства полных, счастливых невежд
В науке жизни... пламенных душою,
Которых прежде цель была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною
И вот мне суждено увидеть это вновь.

«Маскарад», действие I, сцена I.

«Маскарад». Эскиз декорации III действия.
Работа А. Я. Головина. 1916 г.

«Маскарад». Эскиз костюма Арбенина.
Работа А. Я. Головина. 1916 г.

«Маскарад». Эскиз костюма Нины.
Работа А. Я. Головина. 1916 г.

«Маскарад». Эскиз костюма Неизвестного.
Работа А. Я. Головина. 1916 г.

«Маскарад». Эскиз костюма Шприха.
Работа А. Я. Головина. 1916 г.

«Маскарад». Эскиз декорации IV действия.
Работа А. Я. Головина. 1916 г.

П. Я. Чаадаев (1794—1856).
Рисунок неизвестного художника. 1820-е годы.

ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

КЪ ГЖЪ ***.

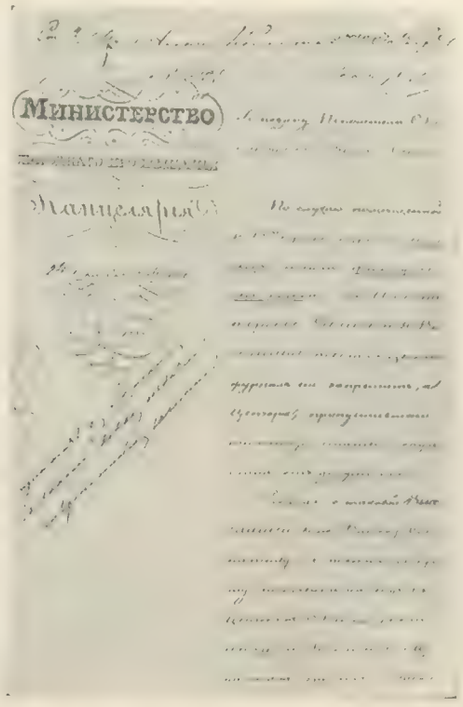
ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Я упражняю, и люблю въ васъ, болѣе всего, наше чистосердечіе, нашу искренность. Эти прелестныя качества очаровали меня съ первыхъ минутъ нашего знакомства и извели

* Письма эти писаны однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ. Ряду ихъ составляющихъ цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, развивающее одну главную мысль. Возвышенность предмета, глубина и общирность взглядовъ, строгая послѣдовательность выводовъ и энергическая живописность выраженія, дѣлаютъ ихъ особеннымъ правомъ на вниманіе мыслящихъ читателей. Въ подлинникѣ они писаны на французскомъ языкѣ. Предлагаемый переводъ не имѣетъ всѣхъ достоинствъ оригинала относительно наружной отдѣлки. Мы съ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей, что авторъ дозволилъ украсить нашъ журналъ и другими изъ этого ряда писемъ. *Ред.*

Телеск. XXXIV. 18

«Философические письма» Чаадаева.
«Телескоп». 1836 г.



Сообщение министра просвещения
Уварова о запрещении «Телескопа».

«Боярин Орша».
Рисунок С. Иванова. 1891 г.

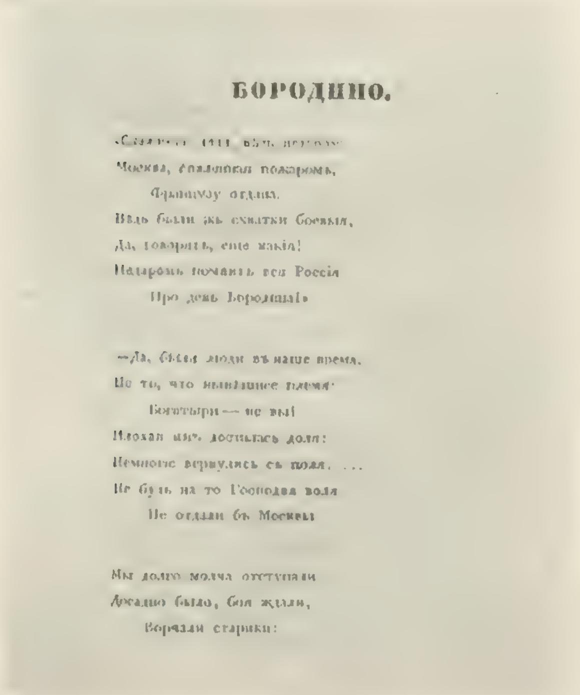
Среди долины был курган.
Корнистый дуб как великан
Его пятою попирал
И горделиво расстилал
Над ним по прихоти своей
Шатер чернеющих ветвей.
Тут бой ужасный закипел,
Тут и затих. Громада тел,
Обезображенных мечом,
Нестрела на кургане том,
И снег, окрашенный в крови,
Кой-где протаял до земли;
Кора на дубе вековом
Была изрублена кругом,
И кровь на ней видна была,
Как будто бы она текла
Из глубины сих новых ран...
И всадник въехал на курган,
Потом с коня он соскочил
И так в раздумье говорил:

«Вот место — мертвый иль живой
Он здесь... вот дуб — к нему спиной
Прижавшись, бешеный старик
Рубился — видел я хоть миг,
Как окружен со всех сторон
С пятью рабами бился он,
И дорого тебе, Литва,
Досталась эта голова!..
Здесь, сквозь толпу, издалека
Я видел, как его рука
Три раза с саблей поднялась
И опустилась — каждый раз,
Когда она являлась вновь,
Но ней ручьем бежала кровь...
Четвертый взмах я долго ждал!
Но с поля он не побежал,
Не мог бежать, хотя б желал!..»
И вдруг он внемлет слабый стон,
Подходит, смотрит: «это он!»

Сражение при Бородине 26 августа 1812 года.
Гравюра С. Федорова по рисунку Д. Скотти. 1814 г.

Это стихотворение отличается простотою, безыскусственностию: в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо-простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии. Ровность и выдержанность тона делают осязаемо-ощутительною основную мысль поэта.

В. Г. Белинский.



БОРОДИНО.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана.
Вѣдь были жъ схватки боевыя,
Да, говорятъ, еще какія!
Недаромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля. . . .
Не будь на то Господня воля
Не отдали бъ Москвы!

Мы долго молча отступали
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:

«Бородино».
Первая страница первопечатного текста.
«Современник». 1837 г.

Эта мысль — жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел.

В. Г. Белинский.

Солдаты у костра.
Литография 1830-х годов.

Дух народа... выказывается вполне только в критические минуты, по которым одним можно безошибочно судить не только о его силе, но и о молодости и свежести сил. Бородинская битва, самим Наполеоном названная битвой гигантов, была самым торжественным, самым трагическим актом великой драмы 12-го года.

В. Г. Белинский.

«Умирающий гладиатор».
Рисунок Л. О. Пастернака. 1891 г.

Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена:
А он — пронзенный в грудь — безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...
И молит жалости напрасно мутный взор:
Надменный временщик и льстец его сенатор
Венчают похвалой победу и позор...
Что знатным и толпе сраженный гладиатор?
Он презрен и забыт... освистанный актер.
И кровь его течет — последние мгновенья
Мелькают, — близок час... вот луч воображенья
Сверкнул в его душе... пред ним шумит Дунай...
И родина цветет... свободный жизни край;
Он видит круг семьи, оставленный для брани,
Отца, простершего немеющие длани,
Зовущего к себе опору дряхлых дней...
Детей играющих — возлюбленных детей.
Все ждут его назад с добычею и славой...

Напрасно — жалкий раб,— он пал, как зверь лесной,
Бесчувственной толпы минутною забавой...
Прости, развратный Рим, — прости, о край родной...
Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир,
К могиле клонишься бесславной головою,
Измученный в борьбе сомнений и страстей,
Без веры, без надежд — игралище детей,
Осмеянный ликующей толпою!
И пред кончиною ты взоры обратил
С глубоким вздохом сожаленья
На юность светлую, исполненную сил,
Которую давно для язвы просвещенья,
Для гордой роскоши беспечно ты забыл:
Стараясь заглушить последние страданья,
Ты жадно слушаешь и песни старины,
И рыцарских времен волшебные преданья —
Насмешливых льстецов несбыточные сны.

ПЕРВАЯ ССЫЛКА

Домъ, в которомъ умеръ Пушкинъ.
Гравюра на дереве.

Солнце нашей поэзии закатилось. Пушкин скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща... Более говорить о нем не имеем силы, да и не нужно: всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин, наш поэт, наша гордость, наша народная слава. Неужели в самом деле нет у нас Пушкина... К этой мысли нельзя привыкнуть!

29 января 2 ч. 45 мин. пополудни.

Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», 30 января 1837 г.

Наталья Николаевна Пушкина, съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщая о кончинѣ супруга ея, Двора Е. И. В. Камеръ-Юнкера Александра Сергѣевича Пушкина, послѣдовавшей въ 29-й день сего Января, покорнѣйше проситъ пожаловать къ отпѣванію тѣла его въ Исакіевскій Соборъ, состоящій въ Адмиралтействѣ, 1-го числа Февраля въ 11 часовъ до полудня.

Извѣщеніе о смерти Пушкина.

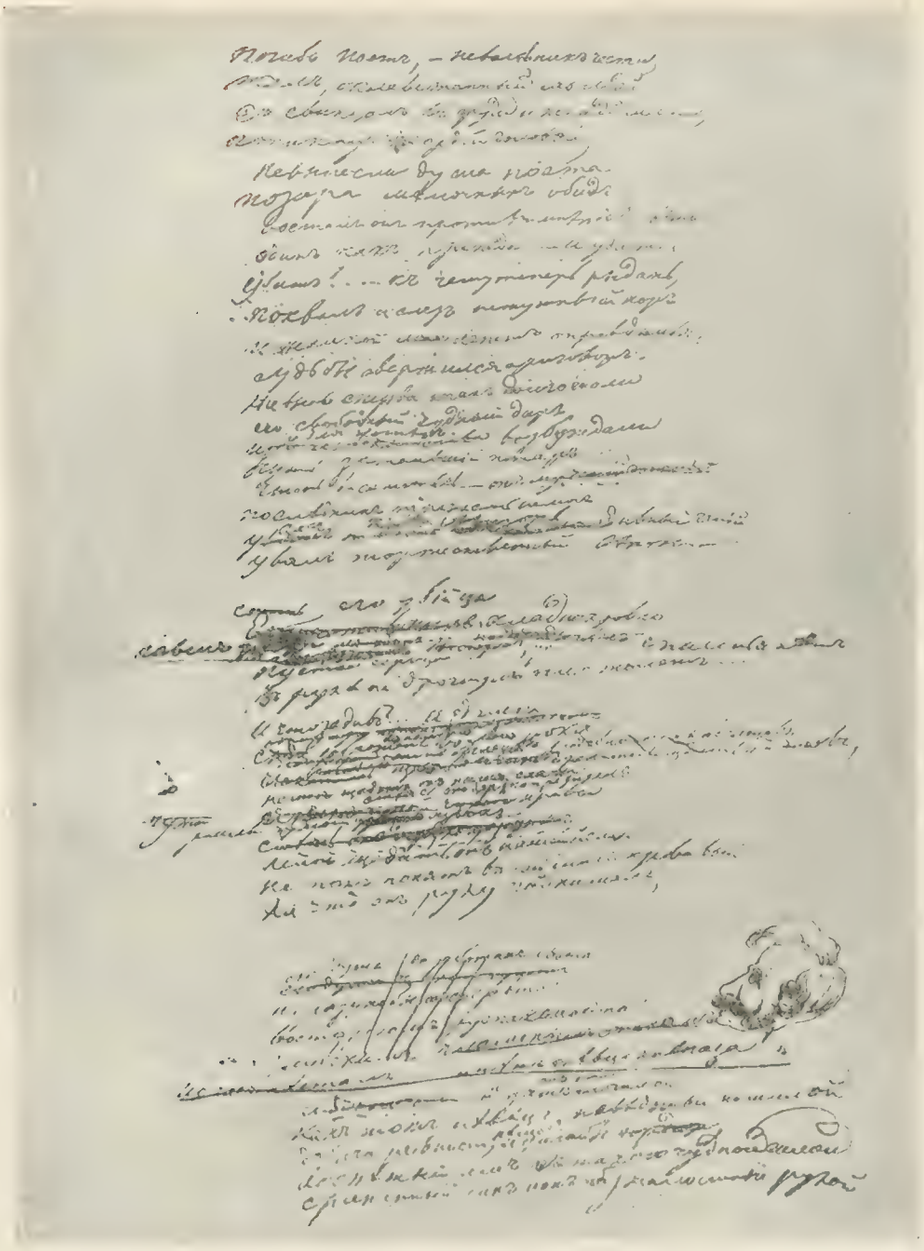
Пушкин в гробу.
Рисунок А. Ф. Брюн. 1837 г.

Пистолетный выстрел, убивший Пушкина, разбудил душу Лермонтова. Он написал выразительную оду, в которой, клеймя низкие интриги, предшествовавшие дуэли, — интриги, затеянные министрами-писателями и журналистами-шпионами, — с юношеским негодованием воскликнул: «Отмщенье, государь, отмщенье!».

А. И. Герцен. «О развитии революционных идей в России».

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..
И прежний сняв венок — они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шопотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен
И на устах его печать.

«Смерть поэта». 1837 г.



«Смерть поэта».

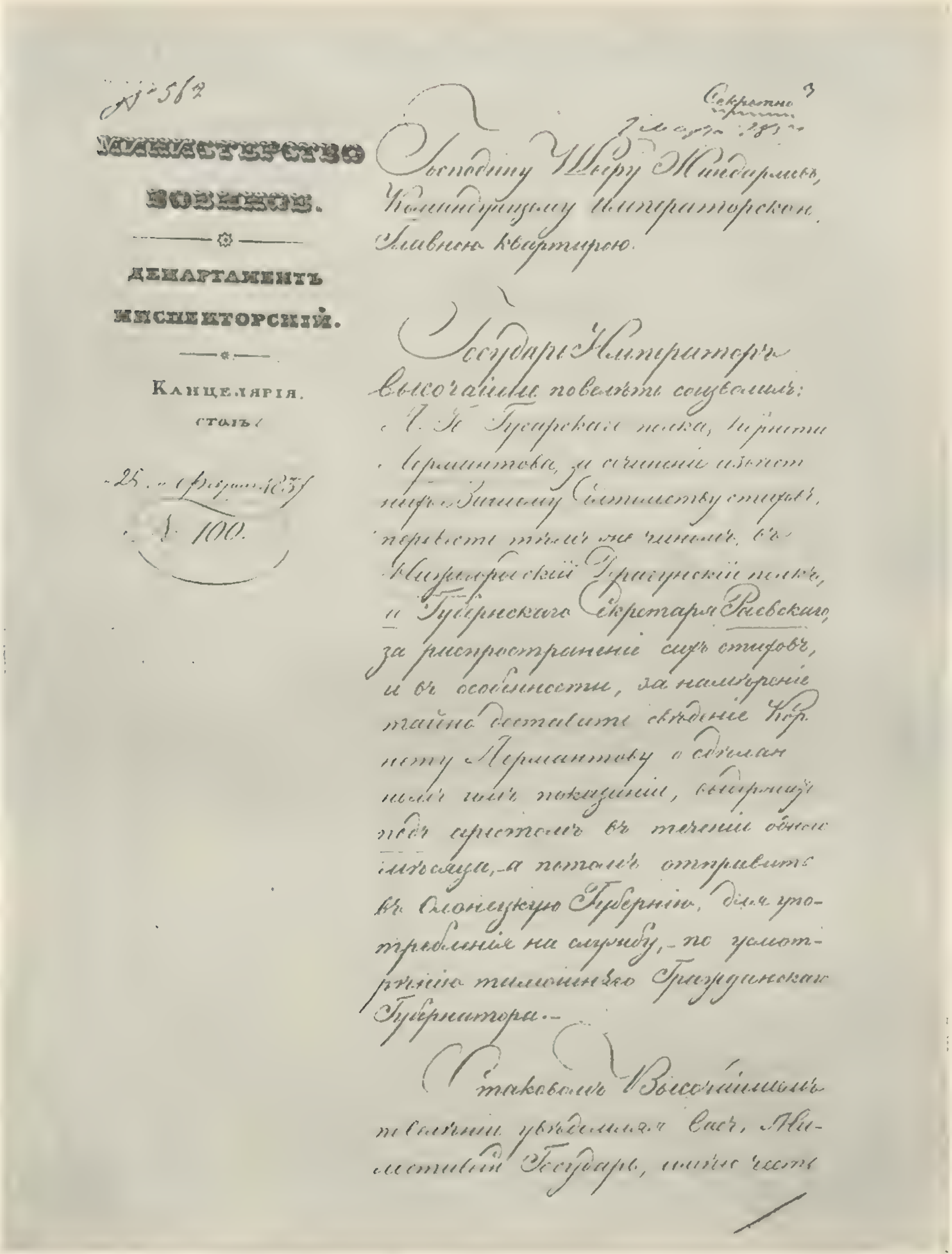
Первая страница черновика. Справа рисунок Лермонтова, изображающий Л. В. Дубельта, начальника штаба корпуса жандармов, ближайшего помощника Бенкендорфа и Николая I.

Смерть Пушкина возвестила России о появлении нового поэта — Лермонтова.

В. А. Соллогуб. «Воспоминания».

Нас поднимала сила лермонтовских стихов, так заразителен был жар, пламеневший в этих стихах. Навряд ли когда-нибудь еще в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление.

В. В. Стасов. «Русская старина», 1881, кн. 2.


№ 567

Секретно

7 марта 1837

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ.

ДЕПАРТАМЕНТЪ ИНСПЕКТОРСКІЙ.

Канцелярія. столъ 1

25 февраля 1837

№ 100.

Господину Шефу Жандармовъ, Командующему Императорскою Главною Квартирою.

Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: Л. Гв. Гусарскаго полка, корнета Лермантова, за сочиненіе извѣстныхъ Вашему Сіятельству стиховъ, перевесть тѣмъ же чиномъ въ Нижегородскій Драгунскій полкъ, а Губернскаго Секретаря Раевскаго, за распространеніе сихъ стиховъ, и въ особенности, за намѣреніе тайно доставить свѣдѣніе Корнету Лермантову о сдѣланномъ имъ показаніи, выдержать подъ арестомъ въ теченіи одного мѣсяца, а потомъ отправить въ Олонецкую Губернію, для употребленія на службу, по усмотрѣнію тамошняго Гражданскаго Губернатора.—

Съ таковымъ Высочайшимъ повелѣніемъ увѣдомляя Васъ, Милостивый Государь, имѣю честь

Отношение военного министра шефу жандармов о переводе Лермонтова из Лейб-гвардии гусарского полка в Нижегородский драгунский полк.

С тех пор как выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в беспрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом.

Лермонтов. Письмо С. А. Раевскому. 1837 г.

В дороге.
Рисунок Лермонтова.

Городская застава.
Гравюра середины XIX в.

Кавказский пейзаж.
Картина Лермонтова.

Вид Пятигорска.
Картина Лермонтова.

Каждое утро из своего окна смотрю на всю цепь снежных гор и на Эльбрус, вот и теперь, сидя за письмом к вам, я по временам кладу перо, чтобы взглянуть на этих великанов: так они прекрасны и величественны.

Лермонтов. Письмо М. А. Лопухиной. 31 мая 1837 г.

Военно-Грузинская дорога.
Рисунок Лермонтова.

Воспоминание о Кавказе.
Рисунок Лермонтова.

Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собою порядочную коллекцию; одним словом, я вояжировал.

Лермонтов. Письмо С. А. Раевскому. 1837 г.

Главная квартира Нижегородского драгунского полка.
Акварель Г. Г. Гагарина. 1840-е годы.

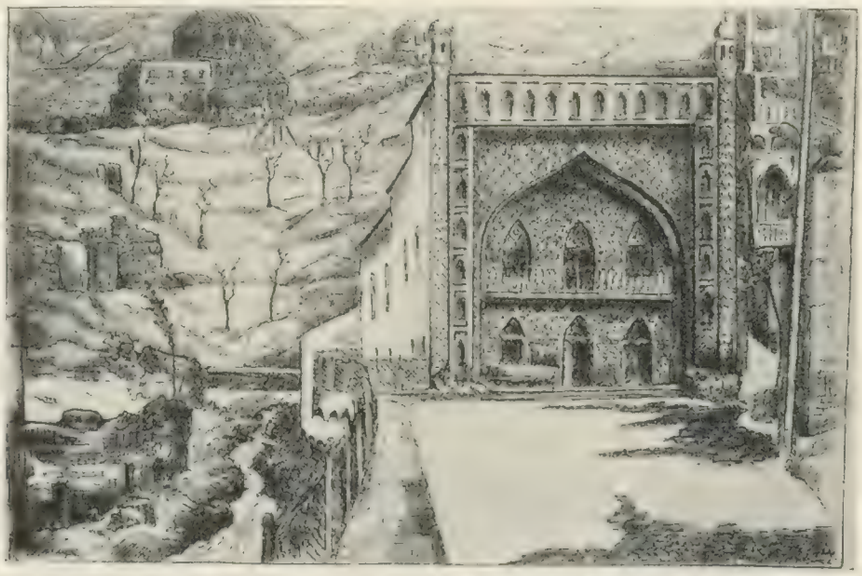
На Тифлисских террасах.
Акварель Г. Г. Гагарина. 1840-е годы.

Лезгинка.
Акварель Г. Г. Гагарина. 1840-е годы.

Панорама Тифлиса.
Гравюра середины XIX в.

Старый Тифлис.
Рисунок В. Бебутовой-Габуния. 1929 г.

Старый Тифлис.
Рисунок В. Бебутовой-Габуния. 1929 г.



Старый Тифлис. Серные бани кн. Орбелиани.
Рисунок В. Бебутовой-Габуния. 1929 г.

Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе.

Лермонтов. Письмо С. А. Раевскому. 1837 г.

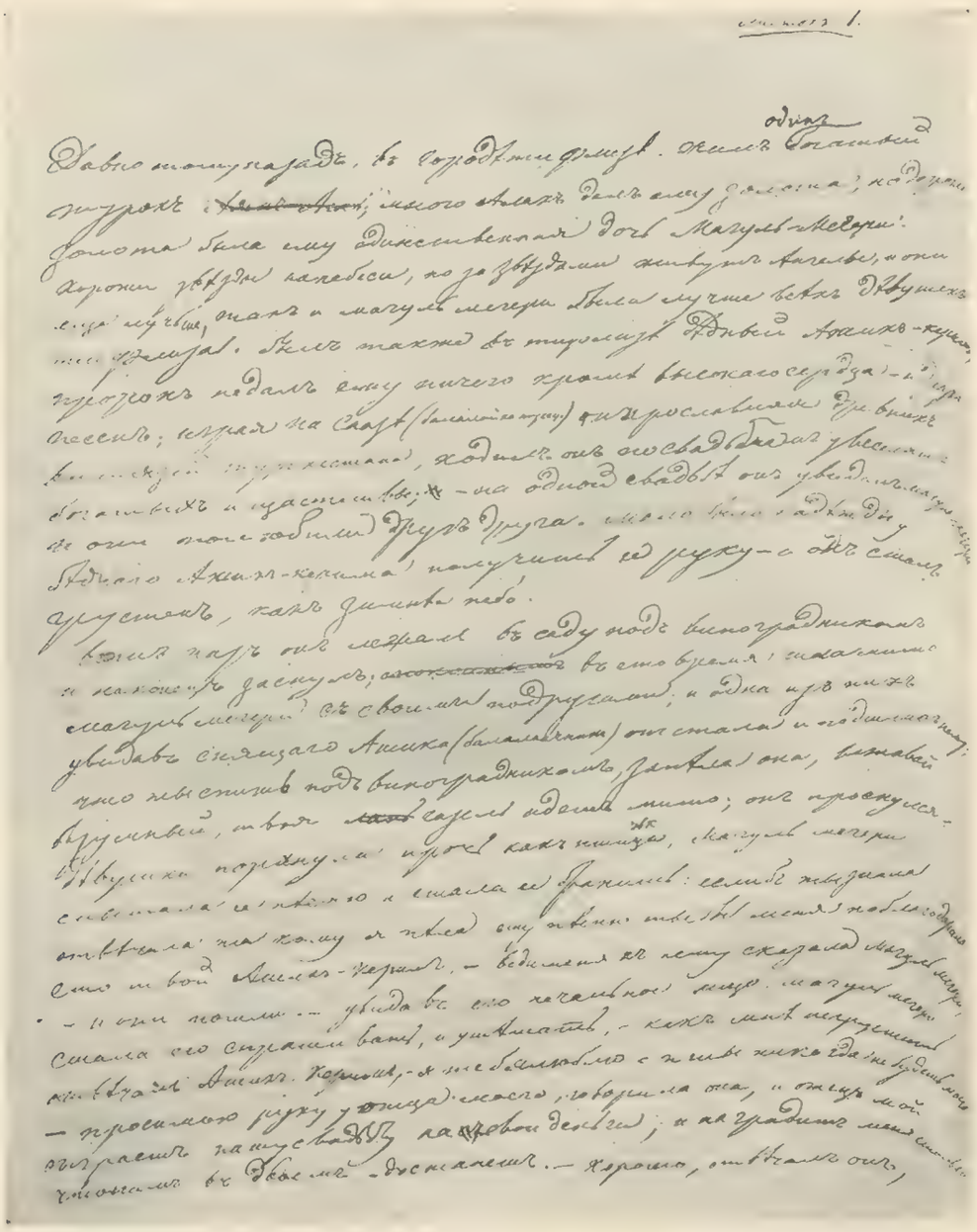
М. Ю. Лермонтов
Автопортрет. 1837 г.

Поэт-декабрист А. И. Одоевский (1802—1839).
Рисунок неизвестного художника. 1830-е годы.

Я знал его — мы странствовали с ним
В горах Востока... и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений...

Он был рожден для них, для тех надежд,
Поэзии и счастья... но, безумный —
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил — и бог не спас!
Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей, и жизнь иную.

«Памяти А. И. Одоевского». 1839 г.



«Ашик-Кериб».
Первая страница черновой рукописи.

Давно тому назад, в городе Тифлизе, жил один богатый турок; много аллах дал ему золота, но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери: хороши звезды на небеси, но за звездами живут ангелы, и они еще лучше, так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиза. Был также в Тифлизе бедный Ашик-Кериб; пророк не дал ему ничего кроме высокого сердца — и дара песен; играя на саазе (балалайка турец.) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых; — на одной свадьбе он увидал Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить ее руку—и он стал грустен, как зимнее небо.

«Ашик-Кериб».
Иллюстрация В. М. Конашевича. 1936 г.

«Ашик-Кериб».
Иллюстрация В. М. Конашевича. 1936 г.

Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую: — так-то ты сдержала свою клятву, сказали ее подруги; стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршуд-бека. — «Вы не узнали, а я узнала милый мне голос», отвечала Магуль-Мегери; и, взяв ножницы, она прорезала чапру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик-Кериба, то вскрикнула; бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств. Брат Куршуд-бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршуд-бек остановил его, примолвив: «Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует».

Перестрелка в горах Кавказа.
Картина Лермонтова.

Черкесы.
Рисунок Лермонтова.

Здесь, кроме войны, службы нету.

Лермонтов. Письмо С. А. Раевскому. 1837 г.

Воспоминания о Кавказе.

Картина Лермонтова. 1838 г.

Кавказский вид.
Картина Лермонтова.

...я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух — бальзам; хандра к чорту, сердце бьется, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту: так сидел бы да смотрел целую жизнь.

Лермонтов. Письмо С. А. Раевскому. 1837 г.

Переводятся.

По Кавалеріи. Нижегородскаго Драгунскаго полка Штабсъ-Капитанъ Жерве, Лейбъ-Гвардіи въ Драгунскій полкъ, Поручикомъ, и Прапорщикъ Лермантовъ, Лейбъ-Гвардіи въ Гродненскій Гусарскій полкъ, Корнетомъ.

Приказ о переводе Лермонтова в Гродненский гусарский полк.

Хотя прапорщик Нижегородского драгунского полка Лермонтов и был назначен корнетом в л. гв. Гродненский гусарский полк высочайшим приказом 11-го октября 1837 года, но прибыл он в Новгород, где стоял полк, только 25 февраля 1838 года. Более 4-х месяцев поэт странствовал. Сначала по нездоровью он жил в Пятигорске, потом в Ставрополе, Елисаветграде и других городах; побывал в Москве и Петербурге и уж затем прибыл на место нового служения.

П. А. Висковатов. «М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество».

М. Ю. Лермонтов.
Портрет работы П. Е. Заболотского. 1837 г.

Я часто видел Лермонтова... Это чрезвычайно артистическая натура, неуловимая и неподдающаяся никакому внешнему влиянию, благодаря своей наблюдательности... Вы еще не успели с ним заговорить, а он вас уже насквозь раскусил, он все замечает... этот человек никогда не слушает то, что вы ему говорите, он вас самих слушает и наблюдает и после того, что он вполне понял вас, вы продолжаете оставаться для него чем-то совершенно внешним.

Ю. Ф. Самарин. Письмо И. С. Гагарину. 19 июня 1840 г.

СНОВА
В ПЕТЕРБУРГЕ

Петербург. Александринский театр в первой половине XIX века.
Литография по рисунку В. Садовникова.

Первые дни после приезда прошли в постоянной беготне: представления, церемонные визиты — вы знаете, да еще каждый день ездил в театр: он хорош, это правда, но мне уж надоел.

Лермонтов. Письмо М. А. Лопухиной. 15 февраля 1838 г.

Петербург. Невский проспект в первой половине XIX века.
Литография по рисунку В. Садовникова.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ
КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ
НА 1838 ГОДЪ.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1838.

«Литературные прибавления» к «Русскому инвалиду» на 1838 год, где была впервые напечатана «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

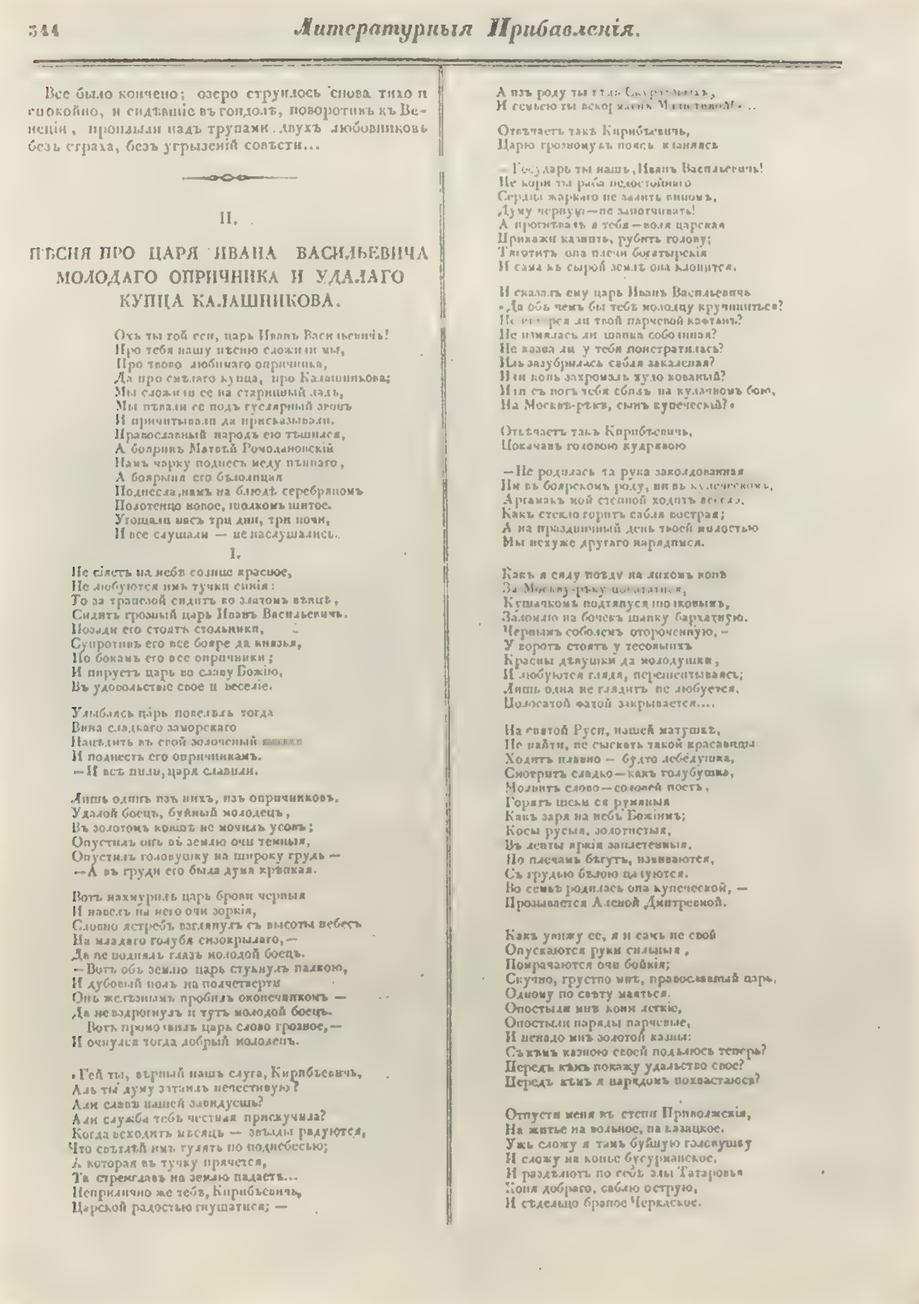
В № 18 «Литературных прибавлений» к «Русскому Инвалиду» мы прочли прекрасное стихотворение «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Не знаем имени автора этой песни, которую можно назвать поэмою в роде поэм Кирши Данилова, но если это первый опыт молодого поэта, то не боимся попасть в лживые предсказатели, сказавши, что наша литература приобретает сильное и самобытное дарование.

...этой песни можно заслушаться, и всё нельзя ее довольно наслушаться: как манием волшебного скипетра воскрешает она прошедшее—и мы не можем насмотреться на него, забываем для него свое настоящее, ни на минуту не сводим с него взоров, боясь, чтоб оно не исчезло от нас.

В. Г. Белинский.

В лермонтовской песне «О купце Калашникове» хотели видеть какую-то гармонию, какое-то примирение, как будто сводившее двадцатисемилетнего поэта к тому же аккорду, который звучал в предсмертные годы Пушкина. Да, конечно, форма «Купца Калашникова» поражает своей зрелостью. В смысле классической законченности это произведение стоит на равной высоте с лучшими творениями Пушкина. Но разве не чувствуется, что в нем есть заряд гигантского мятежа?

А. В. Луначарский. «Лермонтов как революционер».



Все было кончено; озеро струилось снова тихо и спокойно, и сидѣвшіе въ гондолѣ, поворотивъ къ Венеціи, проплыли надъ трупами двухъ любовниковъ безъ страха, безъ угрызеній совѣсти...

II.

ПѢСНЯ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА МОЛОДАГО ОПРИЧНИКА И УДАЛАГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА.

Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичь!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твово любимаго опричника,
Да про смѣлаго купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ
И причитывали да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго,
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенцо новое, шолкомъ шитое.
Угощали насъ три дни, три ночи,
И все слушали — не наслушались.

I.

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любуются имъ тучки синія:
То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичь.
Позади его стоятъ стольники,
Супротивъ его все бояре да князья,
По бокамъ его все опричники;
И пируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Улыбаясь царь повелѣлъ тогда
Вина сладкаго заморскаго
Наливать въ свой золоченый [illegible]
И поднесть его опричникамъ.
— И всѣ пили, царя славили.

Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный молодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь —
— А въ груди его была дума крѣпкая.

Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навелъ на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младаго голубя сизокрылаго, —
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
— Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ —
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ.
Вотъ промолвилъ царь слово грозное, —
И очнулся тогда добрый молодецъ.

«Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичь,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ — звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется,
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично же тебѣ, Кирибѣевичь,
Царской радостью гнушатися; —
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ,
И семьею ты вскормленъ Малютиною!» ..

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичь,
Царю грозному въ поясъ кланяясь

— Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичь!
Не кори ты раба недостойнаго
Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную — не запотчивать!
А прогнѣвался я тебя — воля царская
Прикажи казнить, рубить голову;
Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится.

И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичь
«Да объ чемъ бы тебѣ молодцу кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленая?
Или конь захромалъ худо кованый?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ, сынъ купеческій?»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичь,
Покачавъ головою кудрявою

— Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ,
Аргамакъ мой степной ходитъ весело,
Какъ стекло горитъ сабля вострая;
А на праздничный день твоей милостью
Мы не хуже другаго нарядимся.

Какъ я сяду поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покататися,
Кушачкомъ подтянуся шолковымъ,
Заломлю на бочекъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную, —
У воротъ стоятъ у тесовыхъ
Красны дѣвушки да молодушки,
И любуются глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядитъ не любуется,
Полосатой фатой закрывается....

На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы
Ходитъ плавно — будто лебѣдушка,
Смотритъ сладко — какъ голубушка,
Молвитъ слово — соловей поетъ,
Горятъ щеки ея румяныя
Какъ заря на небѣ Божіимъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цалуются.
Во семьѣ родилась она купеческой, —
Прозывается Аленой Дмитревной.

Какъ увижу ее, я и самъ не свой
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчевые,
И ненадо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?

Отпусти меня въ степи Приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье бусурманское,
И раздѣлютъ по себѣ злы Татаровья
Коня добраго, саблю острую,
И сѣдельцо браное Черкаское.

«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».
Первая страница первопечатного текста.

...это произведение сделало известным имя автора, хотя оно явилось и без подписи этого имени. Спрашивали: кто такой безыменный поэт? кто такой Лермонтов? писал ли он что-нибудь кроме этой поэмы? Но, несмотря на то, эта поэма всё-таки еще не оценена, толпа и не подозревает ее высокого достоинства. Здесь поэт от настоящего мира неудовлетворяющей его русской жизни перенесся в ее историческое прошедшее, подслушал биение его пульса, проник в сокровеннейшие и глубочайшие тайники его духа, сроднился и слился с ним всем существом своим, обвеялся его звуками, усвоил себе склад его старинной речи, простодушную суровость его нравов, богатырскую силу и широкий размет его чувства, и, как будто современник этой эпохи, принял условия ее грубой и дикой общественности, со всеми их оттенками, как будто бы никогда и не знавал о других, — и вынес из нее вымышленную быль, которая достовернее всякой действительности, несомненнее всякой истории.

В. Г. Белинский.

«Песня про купца Калашникова».
Рисунок В. М. Васнецова. 1891 г.

Не сияет на небе солнце красное,
Не любуются им тучки синие:
То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.
Позади его стоят стольники,
Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
И пирует царь во славу божию,
В удовольствие свое и веселие.
Улыбаясь царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Напедить в свой золоченый ковш
И поднесть его опричникам.
— И все пили, царя славили.
Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку грудь —
А в груди его была дума крепкая.

«Песня про купца Калашникова».
Рисунок В. Г. Шварца. 1862 г.

За прилавкою сидит молодой купец
Статный молодец Степан Парамонович,
По прозванию Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает.
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходют мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.

«Песня про купца Калашникова».
Рисунок В. М. Васнецова. 1891 г.

«От вечерни домой шла я нонче
Вдоль по улице одинёшенька.
И послышалось мне, будто снег хрустит;
Оглянулася — человек бежит.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки,
И сказал мне так тихим шопотом:
— Что пужаешься, красная красавица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютиной...
Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная головушка.
И он стал меня цаловать-ласкать,
И цалуя все приговаривал:
— Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней, аль цветной парчи?
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью грешною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!»

«Песня про купца Калашникова».
Рисунок В. М. Васнецова. 1891 г.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мощами из Киева, —
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.
И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.

«Песня про купца Калашникова».
Рисунок В. И. Сурикова. 1891 г.

Как возговорил православный царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нехотя
Ты убил на смерть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?»

— Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что про что — не скажу тебе,
Скажу только богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову,
Да двух братьев моих своей милостью...

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.
Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно,
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное.
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-навострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...»

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит, воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному
Во рубахе красной с яркой запонкой,
С большим топором навостренным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалого бойца дожидается, —
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается...

«Песня про купца Калашникова».
Рисунок В. М. Васнецова. 1891 г.

«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алене Дмитревне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать;
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим товарищам,
Помолитесь сами в церкви божией
Вы за душу мою, душу грешную!»
И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатилася.

«Песня про купца Калашникова».
Лубочная картинка. 1858 г.

...наш поэт вошел в царство народности как ее полный властелин и, проникнувшись ее духом, слившись с нею, он показал только свое родство с нею, а не тождество; даже в минуту творчества он видел ее пред собою, как предмет, и так же по воле своей вышел из нее в другие сферы, как и вошел в нее. Он показал этим только богатство элементов своей поэзии, кровное родство своего духа с духом народности своего отечества.

В. Г. Белинский.

В. А. Жуковский.
Акварель Е. Р. Рейтерна. 1830 г.

В. А. Жуковский хотел видеть Лермонтова, которого ему и представили. Маститый поэт принял молодого дружески и внимательно и подарил ему экземпляр своей «Ундины» с собственноручной надписью.

А. П. Шан-Гирей. «М. Ю. Лермонтов».

Я был у Жуковского и отнес ему, по его просьбе «Тамбовскую казначейшу»; он понес ее к Вяземскому, чтобы прочесть вместе; им очень понравилось, напечатано будет в ближайшем номере «Современника».

Лермонтов. Письмо М. А. Лопухиной.
15 февраля 1838 г.

ОТИХОТВОРНІЯ.

КАЗНАЧЕЙША.

Посвященія

«Казначейша».
Первая страница первопечатного текста.
«Современник», 1838 г., т. XI, кн. 3.

«Казначейша».
Картина В. А. Тропинина. 1841 г.

Я не поведал вам, читатель,
Что казначей мой был женат.
Благословил его создатель,
Послав ему в супруге клад.
Ее ценил он тысяч во сто,
Хотя держал довольно просто
И не выписывал чепцов
Ей из столичных городов.
Предав ей таинства науки,
Как бросить вздох иль томный взор,
Чтоб легче влюбчивый поэтёр
Не разглядел проворной штуки,
Меж тем догадливый старик
С глаз не спускал ее на миг.

«Казначейша».
Рисунок К. Флавицкого. Около 1860 г.

Недолго битва продолжалась;
Улан отчаянно играл;
Над стариком судьба смеялась —
И жребий выпал... час настал...
Тогда Авдотья Николавна,
Встав с кресел, медленно и плавно
К столу в молчаньи подошла —
Но только цвет ее чела
Был страшно бледен; обомлела
Толпа, — все ждут чего-нибудь —
Упреков, жалоб, слез — ничуть!
Она на мужа посмотрела
И бросила ему в лицо
Свое венчальное кольцо —
И в обморок. — Ее в охапку
Схватив — с добычей дорогой,
Забыв расчеты, саблю, шапку,
Улан отправился домой.
Поутру вестию забавной
Смущен был город благонравный.
Неделю целую спустя
Кто очень важно, кто шутя
Об этом все распространялись;
Старик защитников нашел;
Улана проклял милый пол —
За что, мы, право, не дознались;
Не зависть ли!.. Но нет, нет, нет;
Ух! я не выношу клевет!..

Лермонтов в сюртуке Лейб-гвардии гусарского полка.
Акварель А. П. Клюндера. 1839 г.

Я несчастнейший человек; вы поверите мне, когда узнаете, что я каждый день езжу на балы. Я пустился в большой свет. В течение месяца на меня была мода, меня наперерыв отбивали друг у друга. Это, по крайней мере, откровенно. Все те, кого я преследовал в моих стихах, окружают меня теперь лестью. Самые хорошенькие женщины добиваются у меня стихов и хвалятся ими, как триумфом. Тем не менее, я скучаю. Просился на Кавказ — отказали, не хотят даже, чтобы меня убили.

Лермонтов. Письмо М. А. Лопухиной. 1838—1839 гг.

Бал-маскарад в дворянском доме в первой половине XIX века.
Рисунок П. Вдовичева.

Вам, может быть, покажется странным, как можно искать удовольствия для того, чтобы скучать, как можно проводить время в гостиных, раз там не находишь ничего интересного. Ну, что же, я открою вам мои побуждения. Вы знаете, что самый мой большой недостаток это тщеславие и самолюбие; было время, когда я, в качестве новичка, искал доступа в это общество: это мне не удалось, и двери аристократических салонов были закрыты для меня; а теперь в это же самое общество я вхожу уже не как искатель, а как человек, добившийся своих прав. Я возбуждаю любопытство, предо мной заискивают, меня всюду приглашают, а я и вида не подаю, что хочу этого; женщины, желающие, чтобы в их салонах собирались замечательные люди, хотят, чтобы я бывал у них, потому что я ведь тоже лев, да! я, ваш Мишель, добрый малый, у которого вы и не подозревали гривы. Согласитесь, что все это может опьянять; к счастью, моя природная лень берет верх, и мало-помалу я начинаю находить все это несносным. Но этот обретенный мной опыт полезен в том отношении, что дает мне оружие против общества: если оно будет преследовать меня клеветой (а это непременно случится), у меня будет средство отомстить; нигде ведь нет столько пошлого и смешного, как там...

Лермонтов. Письмо М. А. Лопухиной. 1838—1839 гг.

Гусары в гостиной.
Рисунок Я. де-Бальмена. 1830-е гг.

«Дума».
Рисунок Л. О. Пастернака. 1891 г.

Эти стихи писаны кровью; они вышли из глубины оскорбленного духа: это вопль, это стон человека, для которого отсутствие внутренней жизни есть зло, в тысячу раз ужаснейшее физической смерти!.. И кто же из людей нового поколения не найдет в нем разгадки собственного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней, и не откликнется на него своим воплем, своим стоном?..

В. Г. Белинский.

ДУМА.

—

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее иль пусто, иль темно,
Межъ-тѣмъ подъ бременемъ познанья и сомнѣнья
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и поздними ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
. . . . . .
. . . . . .
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты — его паденья часъ!

Мы постигаемъ умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ на-вѣки извлекли.

Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ намъ умъ не шевелятъ,

«Дума».
Первая страница первопечатного текста.
«Отечественные записки», 1839 г., т. I, кн. 1.

«Мцыри».
Рисунок Л. О. Пастернака. 1890 г.

«Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билося живей
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж, и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл; ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил — я также мог бы жить!»

...Что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого мцыри! Это любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности. Во всем, что ни говорит мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственною мощью.

В. Г. Белинский.

«Мцыри».
Рисунок В. Д. Замирайло. 1914 г.

«И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда столпясь, при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад.
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил.
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой
Меж бурным сердцем и грозой?»

«Мцыри».
Рисунок В. Д. Замирайло. 1914 г.

«Бежал я долго, где, куда?
Не знаю! ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов
И только! Много я часов
Бежал, и наконец, устав,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал как дитя,
И гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней,
Но страх не сжал души моей,
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался как змей».

Андрей Николаевич Муравьев (1806—1874).
Портрет работы Лермонтова.

...Песни и поэмы Лермонтова гремели повсюду. Он поступил опять в лейб-гусары. Мне случилось однажды, в Царском Селе, уловить лучшую минуту его вдохновения. В летний вечер я к нему зашел и застал его за письменным столом, с пылающим лицом и с огненными глазами, которые были у него особенно выразительны. «Что с тобою?» спросил я. «Сядьте и слушайте, сказал он, и в ту же минуту, в порыве восторга, прочел мне, от начала до конца, всю свою великолепную поэму «Мцыри» (послушник по-грузински), которая только что вылилась из под его вдохновенного пера. Внимал ему и сам пришел я в невольный восторг: так живо выхватил он, из ребр Кавказа, одну из его разительных сцен, и облек ее в живые образы перед очарованным взором. Никогда никакая повесть не производила на меня столь сильного впечатления.

А. Н. Муравьев. «Знакомство с русскими поэтами».

«Демон».
Рисунок М. А. Врубеля. 1890 г.

Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью. —
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг:
Средь игр и песен их досуг
Проходит. — Дальними горами
Уж спрятан солнца полукруг;
В ладони мерно ударя,
Они поют — и бубен свой
Берет невеста молодая, —
И вот она одной рукой
Кружа его над головой,
То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, — глядит —
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка;
И улыбается она
Веселья детского полна. —
Но луч луны, по влаге зыбкой
Слегка играющий порой,
Едва ль сравнится с той улыбкой
Как жизнь, как молодость, живой.

«Демон».
Рисунок М. А. Врубеля. 1890 г.

Затихло всё; теснясь толпой,
На трупы всадников порой
Верблюды с ужасом глядели;
И глухо в тишине степной
Их колокольчики звенели.
Разграблен пышный караван;
И над телами христиан
Чертит круги ночная птица!
Не ждет их мирная гробница
Под слоем монастырских плит,
Где прах отцов их был зарыт;
Не придут сестры с матерями,
Покрыты длинными чадрами,
С тоской, рыданьем и мольбами,
На гроб их из далеких мест!

«Демон».
Рисунок М. А. Врубеля. 1890 г.

Упала на постель свою.
Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой.
Грудь высоко и трудно дышит,
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:
«Не плачь, дитя! не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет:
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет...»

«Демон».
Рисунок В. А. Серова. 1891 г.

«Лишь только ночь своим покровом
Верхи Кавказа осенит,
Лишь только мир, волшебным словом
Завороженный, замолчит;
Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травою,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей;
И под лозою виноградной,
Росу небес глотая жадно,
Цветок распустится ночной;
Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет,
И на тебя украдкой взглянет,
К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы,
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»

«Демон».
Рисунок М. А. Врубеля. 1890 г.

«Я дам тебе всё, всё земное —
Люби меня..!»

«Демон».
Рисунок М. А. Врубеля. 1890 г.

Как пери спящая мила
Она в гробу своем лежала,
Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела.
Навек опущены ресницы...
Но кто, б, о небо! не сказал,
Что взор под ними лишь дремал
И, чудный, только ожидал
Иль поцелуя, иль денницы?
Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой,
Напрасно их в немой печали
Уста родные целовали...
Нет! смерти вечную печать
Ничто не в силах уж сорвать!

«Демон».
Рисунок В. Д. Замирайло. 1914 г.

Внутренний существенный пафос его есть отрицание всяческой патриархальности, авторитета, предания, существующих общественных условий и связей. Пафос его есть «с небом гордая вражда». Другими словами, отрицание духа и миросозерцания, выработанного средними веками, или, другими словами, пребывающего общественного устройства. Дух анализа, сомнения и отрицания, составляющий характер современного движения, есть не что иное, как тот диавол, демон — образ, в котором религиозное чувство воплотило различных врагов своей непосредственности. Фантазия Лермонтова с любовью лелеяла этот могучий образ. Лермонтов смело взглянул ему прямо в глаза, сдружился с ним и сделал его царем своей фантазии...

В. П. Боткин. Письмо В. Г. Белинскому. 1842 г.

БЭЛА.

(Изъ записокъ офицера о Кавказѣ.)

—

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла изъ одного небольшаго чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Большая часть изъ нихъ, кечастію для васъ, потеряна, а чемоданъ, съ остальными вещами, кечастію для меня, остался цѣлъ.

Ужь солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую Долину. Осетинъ-извощикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую Гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшенныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ высоко-высоко, золотая бахрама снѣговъ, а внизу Арагва, обнявшись съ другой безъименной рѣчкой, шумно-вырывающейся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ какъ змѣя своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской Горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпилось шумно десятка два Грузинъ и Горцевъ, по близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ втащить мою тележку на эту

«Бэла».
Первая страница первопечатного текста.
«Отечественные записки», 1839 г., т. II, кн. 3.

Простота и безыскусственность этого рассказа невыразимы, и каждое слово в нем также на своем месте, как богато значением. Вот такие рассказы о Кавказе, о диких горцах и отношениях к ним наших войск мы готовы читать, потому что такие рассказы знакомят с предметом, а не клевещут на него. Чтение прекрасной повести Лермонтова многим может быть полезно еще и как противоядие повестей Марлинского.

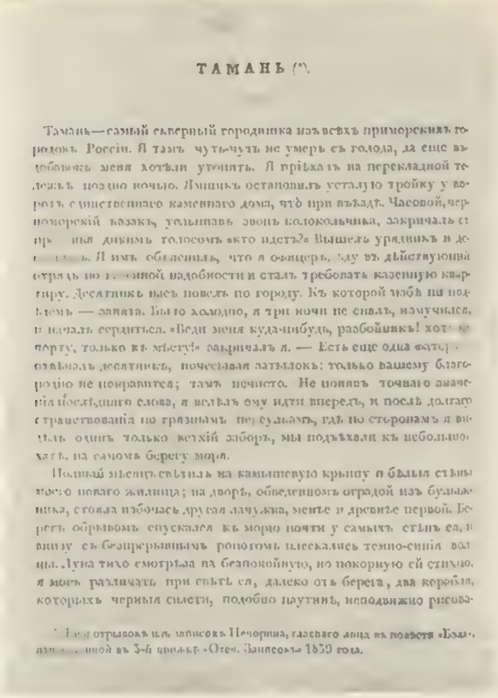
В. Г. Белинский.

«Бэла».
Рисунок В. А. Серова. 1890 г.

«Бэла».
Рисунок И. Е. Репина. 1887 г.

Мы не решились делать выписок из этой повести, потому что она решительно не допускает их; это словно какое-то лирическое стихотворение, вся прелесть которого уничтожается одним выпущенным, или измененным не рукою самого поэта стихом; она вся в форме; если выписывать, то должно бы ее выписать всю от слова до слова; пересказывание ее содержания даст о ней такое же понятие, как рассказ, хотя бы и восторженный, о красоте женщины, которой вы сами не видели.

В. Г. Белинский.



ТАМАНЬ (*).

Тамань—самый скверный городишка изъ всѣхъ приморскихъ городовъ Россіи. Я тамъ чуть-чуть не умеръ съ голода, да еще въ добавокъ меня хотѣли утопить. Я пріѣхалъ на перекладной тележкѣ поздно ночью. Ямщикъ остановилъ усталую тройку у воротъ единственнаго каменнаго дома, что при въѣздѣ. Часовой, черноморскій казакъ, услышавъ звонъ колокольчика, закричалъ спросонья дикимъ голосомъ «кто идетъ?» Вышелъ урядникъ и [illegible]. Я имъ объяснилъ, что я офицеръ, ѣду въ дѣйствующій отрядъ по [illegible]ной надобности и сталъ требовать казенную квартиру. Десятникъ насъ повелъ по городу. Къ которой избѣ ни подъѣдемъ — занята. Было холодно, я три ночи не спалъ, измучился и началъ сердиться. «Веди меня куда-нибудь, разбойникъ! хоть [illegible] чорту, только къ мѣсту!» закричалъ я. — Есть еще одна фатера, [illegible] отвѣчалъ десятникъ, почесывая затылокъ: только вашему благородію не понравится; тамъ нечисто. Не понявъ точнаго значенія послѣдняго слова, я велѣлъ ему идти впередъ, и послѣ долгаго странствованія по грязнымъ переулкамъ, гдѣ по сторонамъ я видѣлъ одинъ только ветхій заборъ, мы подъѣхали къ небольшой хатѣ, на самомъ берегу моря.

Полный мѣсяцъ свѣтилъ на камышевую крышу и бѣлыя стѣны моего новаго жилища; на дворѣ, обведенномъ оградой изъ булыжника, стояла избочась другая лачужка, менѣе и древнѣе первой. Берегъ обрывомъ спускался къ морю почти у самыхъ стѣнъ ея, и внизу съ безпрерывнымъ ропотомъ плескались темно-синія волны. Луна тихо смотрѣла на безпокойную, но покорную ей стихію, и я могъ различать при свѣтѣ ея, далеко отъ берега, два корабля, которыхъ черныя снасти, подобно паутинѣ, неподвижно рисова-

(*) [illegible] отрывокъ изъ записокъ Печорина, главнаго лица въ повѣсти «Бэла», [illegible]ной въ 3-й книжкѣ «Отеч. Записокъ» 1839 года.

«Тамань».
Первая страница первопечатного текста.
«Отечественные записки», 1840 г., т. VIII, кн. 2.

«Тамань».
Рисунок К. А. Савицкого. 1891 г.

«Княжна Мери».
Рисунок М. А. Врубеля. 1890 г.

...Грушницкий уронил свой стакан на песок и усиливался нагнуться, чтоб его поднять: больная нога ему мешала. Бедняжка! как он ухитрялся, опираясь на костыль, и всё напрасно. Выразительное лицо его в самом деле изображало страдание.

Княжна Мери видела всё это лучше меня.

Легче птички она к нему подскочила, нагнулась, подняла стакан и подала ему с телодвижением, исполненным невыразимой прелести; потом ужасно покраснела, оглянулась на галлерею и, убедившись, что ее маменька ничего не видала, кажется, тотчас же успокоилась. Когда Грушницкий открыл рот, чтобы поблагодарить ее, она была уже далеко.

«Княжна Мери».
Рисунок М. А. Врубеля. 1890 г.

Вот мы взобрались на вершину выдавшейся скалы; площадка была покрыта мелким песком, будто нарочно для поединка. Кругом, теряясь в золотом тумане утра, теснились вершины гор, как бесчисленное стадо, и Эльборус на юге вставал белою громадой, замыкая цепь льдистых вершин, между которых уж бродили волокнистые облака, набежавшие с востока. Я подошел к краю площадки и посмотрел вниз, голова чуть-чуть у меня не закружилась: там внизу казалось темно и холодно, как в гробе; мшистые зубцы скал, сброшенных грозою и временем, ожидали своей добычи.

Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный треугольник. От выдавшегося угла отмерили шесть шагов и решили, что тот, кому придется первому встретить неприятельский огонь, станет на самом углу спиною к пропасти; если он не будет убит, то противники поменяются местами.

«Княжна Мери».
Рисунок В. А. Серова. 1891 г.

Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочил, подал ей руку и довел ее до кресел.

Я стоял против нее. Мы долго молчали; ее большие глаза, исполненные неизъяснимой грусти, казалось, искали в моих что-нибудь похожее на надежду; ее бледные губы напрасно старались улыбнуться; ее нежные руки, сложенные на коленях, были так худы и прозрачны, что мне стало жаль ее.

— Княжна, — сказал я: — вы знаете, что я над вами смеялся?.. Вы должны презирать меня.

На ее щеках показался болезненный румянец.

Я продолжал: — Следственно, вы меня любить не можете...

Она отвернулась, облокотилась на стол, закрыла глаза рукою, и мне показалось, что в них блеснули слезы.

— Боже мой! — произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо: еще минута, и я бы упал к ногам ее.

— Итак, вы сами видите,—сказал я сколько мог твердым голосом и с принужденной усмешкою: — вы сами видите, что я не могу на вас жениться. Если б вы даже этого теперь хотели, то скоро бы раскаялись. Мой разговор с вашей матушкой принудил меня объясниться с вами так откровенно и так грубо; я надеюсь, что она в заблуждении: вам легко ее разуверить. Вы видите, я играю в ваших глазах самую жалкую и гадкую роль, и даже в этом признаюсь; вот всё, что я могу для вас сделать. Какое бы вы дурное мнение обо мне ни имели, я ему покоряюсь... Видите ли, я перед вами низок... Не правда ли, если даже вы меня и любили, то с этой минуты презираете?..

Она обернулась ко мне бледная, как мрамор, только глаза ее чудесно сверкали.

— Я вас ненавижу... — сказала она.

Я поблагодарил, поклонился почтительно и вышел.

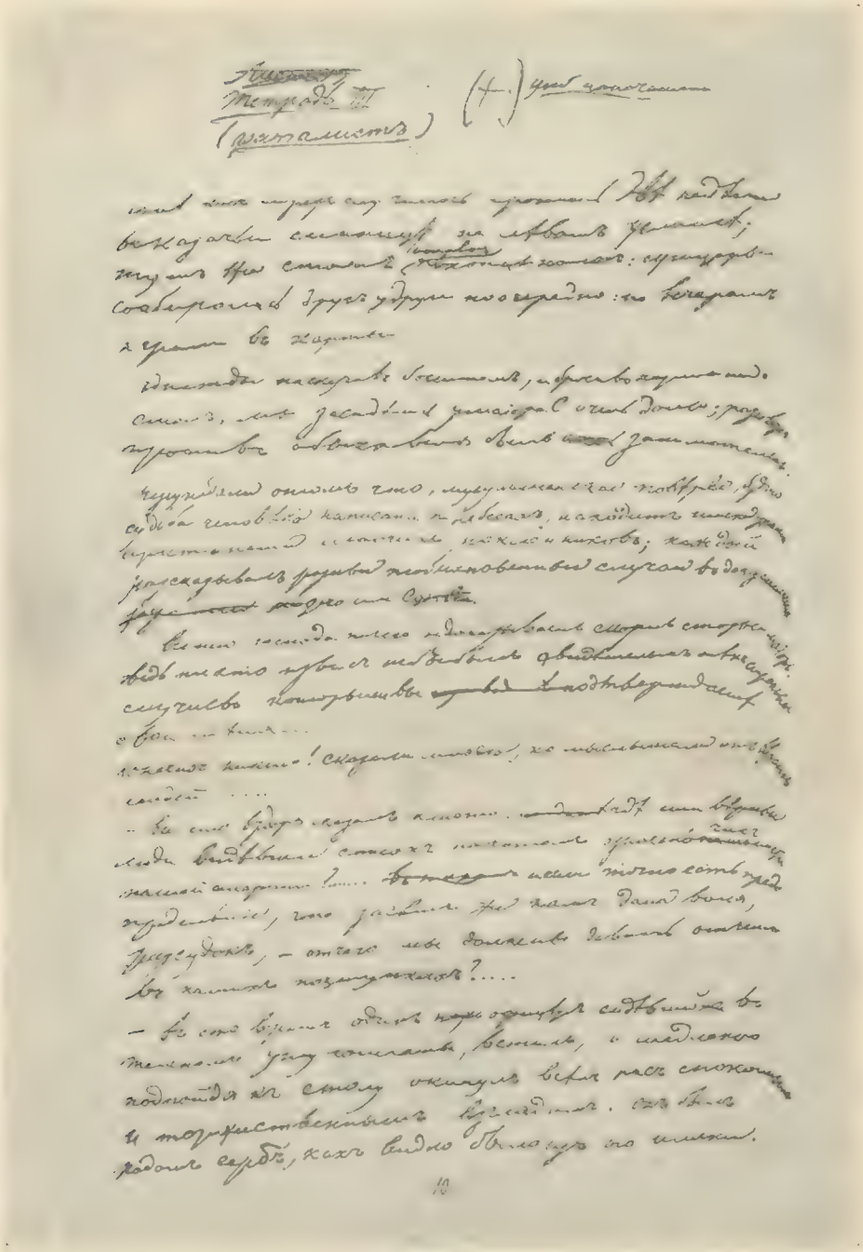
Через час курьерская тройка мчала меня из Кисловодска.

Бульвар в Пятигорске.
Рисунок М. А. Зичи. 1881 г.

Ресторация в Пятигорске.
Рисунок М. А. Зичи. 1881 г.

Дом в Пятигорске, где жила княгиня Лиговская.
Рисунок М. А. Зичи. 1881 г.

Крыльцо ресторации в Кисловодске.
Рисунок М. А. Зичи. 1881 г.



«ФАТАЛИСТ».
Первая страница рукописи.

«Фаталист».
Рисунок К. А. Савицкого. 1891 г.

— Господа, я вас прошу не трогаться с места!—сказал Вулич, приставив дуло пистолета ко лбу. Все будто окаменели.

— Господин Печорин, — прибавил он: — возьмите карту и бросьте вверх.

Я взял со стола, как теперь помню, червонного туза и бросил кверху: дыхание у всех остановилось; все глаза, выражая страх и какое-то неопределенное любопытство, бегали от пистолета к роковому тузу, который, трепеща на воздухе, опускался медленно: в ту минуту, как он коснулся стола, Вулич спустил курок... осечка!

— Слава богу, — вскрикнули многие: — не заряжен...

— Посмотрим, однако ж, — сказал Вулич. Он взвел опять курок, прицелился в фуражку, висевшую над окном; выстрел раздался—дым наполнил комнату; когда он рассеялся, сняли фуражку, она была пробита в самой середине, и пуля глубоко засела в стене.

Минуты три никто не мог слова вымолвить; Вулич преспокойно пересыпал в свой кошелек мои червонцы.

ГЕРОЙ

НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

СОЧИНЕНІЕ

М. Лермонтова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ:

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА И К°.

1840.

«Герой нашего времени».
Титульный лист первого издания. 1840 г.

Вот книга, которой суждено никогда не стареться, потому что, при самом рождении ее, она была вспрыснута живою водою поэзии! Эта старая книга всегда будет нова. Мы было взяли первое издание ее, чтоб справиться о его годе, — взгляд наш упал на первую страницу — и страницы начали одна за другою переворачиваться под рукою. Сколько раз читали мы эту книгу — пора бы уж было ей и надоесть; ничуть не бывало: всё старое в ней так ново, так свежо, как будто мы читаем ее в первый раз. И предшествовавшие чтения не только не ослабили эффекта нового, но еще как будто усилили его. Так доброе вино от лет становится все крепче и букетистее!

В. Г. Белинский.

Печорин.
Рисунок М. А. Врубеля. 1890 г.

Этот человек не равнодушно, не апатически несет свое страдание: бешено гоняется он за жизнью, ища ее повсюду; горько обвиняет он себя в своих заблуждениях. В нем неумолчно раздаются внутренние вопросы, тревожат его, мучат, и он в рефлексии ищет их разрешения: подсматривает каждое движение своего сердца, рассматривает каждую мысль свою. Он сделал из себя самый любопытный предмет своих наблюдений, и, стараясь быть как можно искреннее в своей исповеди, не только откровенно признается в своих истинных недостатках, но еще и выдумывает небывалые или ложно истолковывает самые естественные свои движения. Как в характеристике современного человека, сделанной Пушкиным, выражается весь Онегин, так Печорин весь в этих стихах Лермонтова:

И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.

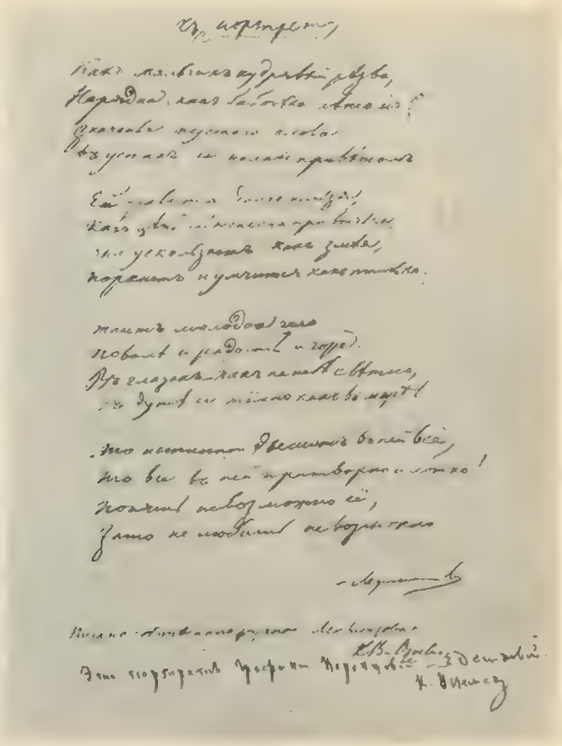
«Герой нашего времени» — это грустная дума о нашем времени, как и та, которою так благородно, так энергически возобновил поэт свое поэтическое поприще, и из которой мы взяли эти четыре стиха...

В. Г. Белинский.

Герой нашего времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..

Предисловие к «Герою нашего времени».

А. К. Воронцова-Дашкова.
Литография Граведона. 1840 г.



«К портрету».
Автограф.

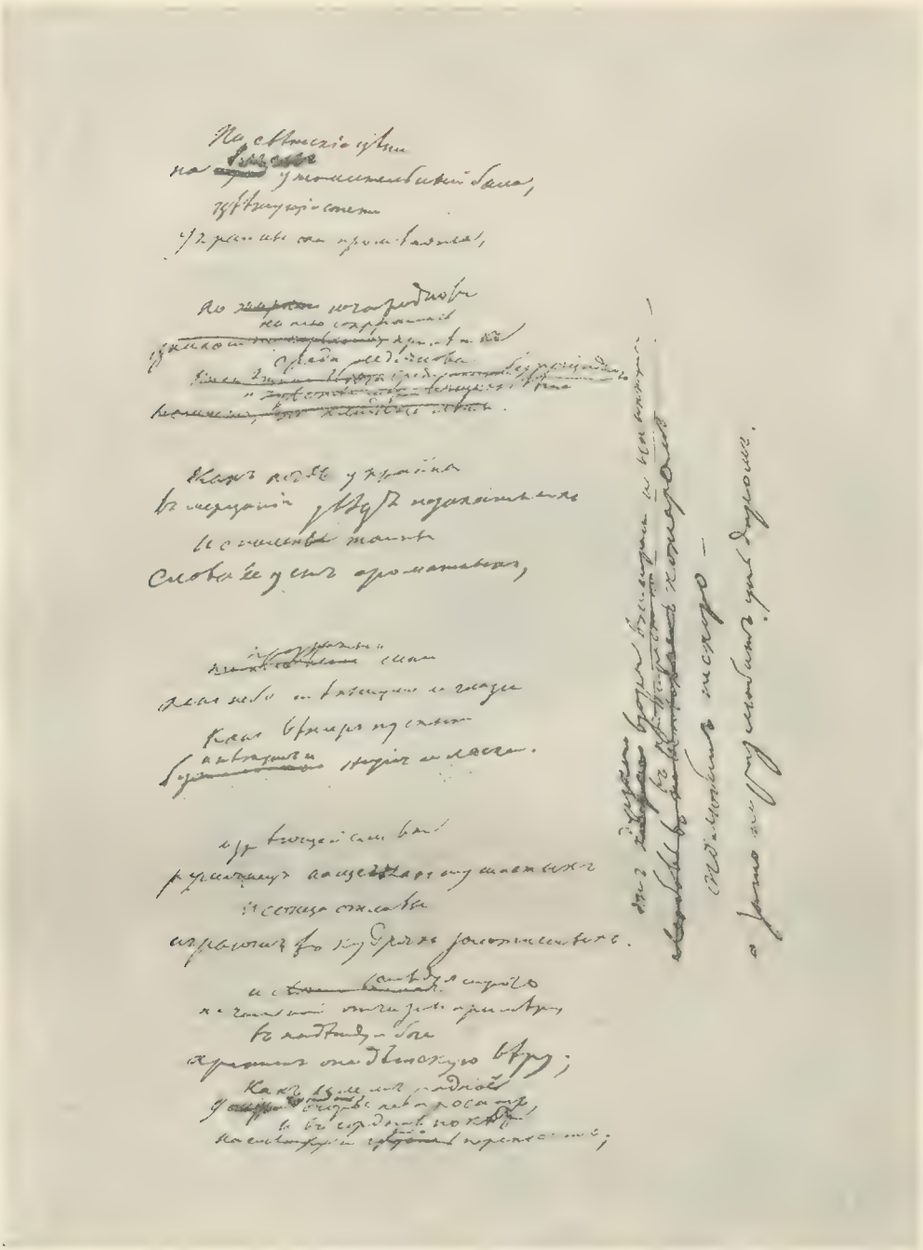
Как мальчик кудрявый резва,
Нарядна, как бабочка летом;
Значенья пустого слова
В устах ее полны приветом.

Ей нравиться долго нельзя:
Как цепь ей несносна привычка,
Она ускользнет, как змея,
Порхнет и умчится, как птичка.

Таит молодое чело
Но воле — и радость и горе.
В глазах — как на небе светло,
В душе ее тёмно, как в море!

То истиной дышит в ней всё,
То всё в ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.

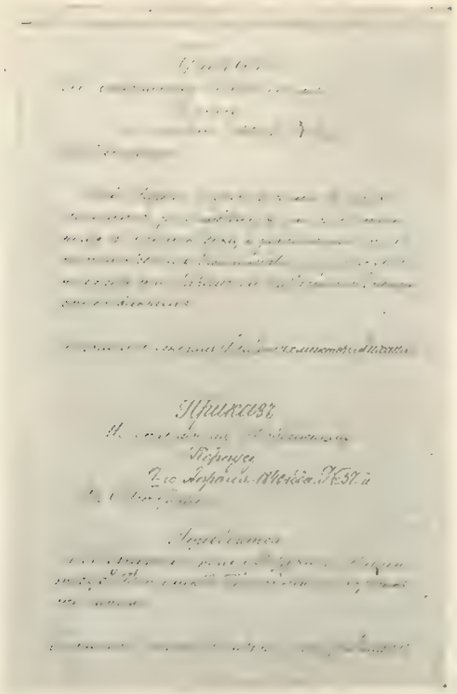
«К портрету». 1840 г.



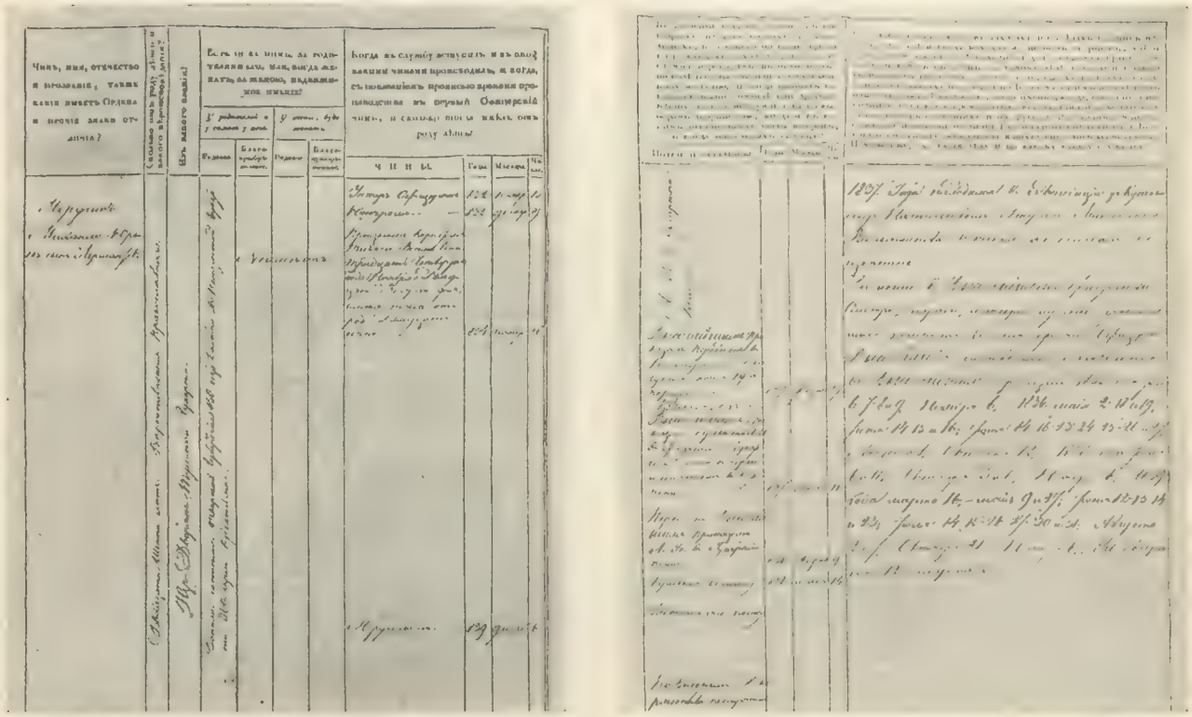
«На светские цепи».
Черновик стихотворения, посвященного М. А. Щербатовой.

Зимой 1839 года Лермонтов был сильно заинтересован кн. Щербатовой (к ней относится пьеса: «На светские цепи»). Мне ни разу не случалось ее видеть, знаю только, что она была молодая вдова, а от него слышал, что такая, что ни в сказке сказать, ни пером написать. То же самое, как видно из последующего, думал про нее и г. де-Барант, сын тогдашнего французского посланника в Петербурге. Немножко слишком явное предпочтение, оказанное на бале счастливому сопернику, взорвало Баранта, он подошел к Лермонтову и сказал запальчиво: «Вы слишком пользуетесь тем, что мы в стране, где дуэль воспрещена». — «Это ничего не значит, я к вашим услугам», и на завтра назначена была встреча; это случилось в середу на масленице 1840 года.

А. И. Шан-Гирей. «М. Ю. Лермонтов».



Приказы об аресте Лермонтова за дуэль с де-Барантом и о переводе его в Тенгинский пехотный полк.



Послужной список Лермонтова (из дела о дуэли с де-Барантом).

«Журналист, читатель и писатель».
Рисунок М. А. Врубеля. 1891 г.

Когда он сидел в ордонанс-гаузе после дуэли с Барантом, Белинский навестил его; он провел с ним часа четыре глаз на глаз и от него прямо пришел ко мне.

Я взглянул на Белинского и тотчас увидел, что он в необыкновенно приятном настроении духа. Белинский, как я замечал уже, не мог скрывать своих ощущений и впечатлений и никогда не драпировался. В этом отношении, он был совершенный контраст Лермонтову.

— Знаете ли, откуда я? — спросил Белинский.

— Откуда?

— Я был в ордонанс-гаузе у Лермонтова и попал очень удачно. У него никого не было. Ну, батюшка, в первый раз я видел этого человека настоящим человеком... Вы знаете мою светскость и ловкость; я взошел к нему и сконфузился, по обыкновению. Думаю себе: ну, зачем меня принесла к нему нелегкая? Мы едва знакомы, общих интересов у нас никаких, я буду его женировать, он меня... Что еще связывает нас немного, так это любовь к искусству, но он не поддается на серьезные разговоры... Я, признаюсь, досадовал на себя и решился пробыть у него не больше четверти часа. Первые минуты мне было неловко, но потом у нас завязался как-то разговор об английской литературе и Вальтер-Скотте... «Я не люблю Вальтер-Скотта, — сказал мне Лермонтов, — в нем мало поэзии. Он сух». И он начал развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрел на него — и не верил ни глазам, ни ушам своим. Лицо его приняло натуральное выражение, он был в эту минуту самим собою... В словах его было столько истины, глубины и простоты. Я в первый раз видел настоящего Лермонтова, каким я всегда желал его видеть. И он перешел от Вальтер-Скотта к Куперу и говорил о нем с жаром, доказывал, что в Купере несравненно более поэзии, чем в Вальтер-Скотте, и доказывал это с тонкостью, с умом и — что удивило меня — даже с увлечением. Боже мой! Сколько эстетического чутья в этом человеке! Какая нежная и тонкая поэтическая душа в нем!.. Не даром же меня тянуло к нему. Мне наконец удалось-таки его видеть в настоящем свете...

И. И. Панаев. «Литературные воспоминания».

В. Г. Белинский.
Портрет работы И. А. Астафьева. 1881 г.

...вышли повести Лермонтова. Дьявольский талант! Молодо-зелено, но художественный элемент так и пробивается сквозь пену молодой поэзии, сквозь ограниченность субъективно-салонного взгляда на жизнь. Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус пятящего! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура! Я был без памяти рад, когда он сказал мне, что Купер выше Вальтер-Скотта, что в его романах больше глубины и больше художественной целости. Я давно так думал и еще первого человека встретил, думающего так же. Перед Пушкиным он благоговеет и больше всего любит «Онегина»...

...Я с ним спорил, и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: дай бог! Боже мой, как он ниже меня по своим понятиям и как я бесконечно ниже его в моем перед ним превосходстве. Каждое его слово — он сам, вся его натура, во всей глубине и целости своей. Я с ним робок, — меня давят такие целостные, полные натуры...

В. Г. Белинский. Письмо В. П. Боткину. 16 апреля 1840 г.

ВТОРАЯ
ССЫЛКА

Лермонтов в 1840 году.
Зарисовка с натуры Д. П. Палена.

Я хорошо помню Лермонтова, и как сейчас вижу его перед собою то в красной канаусовой рубашке, то в офицерском сюртуке без эполет, с откинутым назад воротником и переброшенною через плечо черкесской шапкой, как обыкновенно рисуют его на портретах. Он был среднего роста, с смуглым или загорелым лицом и большими карими глазами. Натуру его постичь было трудно. В кругу своих товарищей, гвардейских офицеров, участвовавших вместе с ним в экспедиции, он был всегда весел, любил острить, но его остроты часто переходили в меткие и злые сарказмы, не доставлявшие особого удовольствия тем, на кого были направлены.

Когда он оставался один или с людьми, которых любил, он становился задумчив, и тогда лицо его принимало необыкновенно выразительное, серьезное и даже грустное выражение: но стоило появиться хотя одному гвардейцу, как он тотчас же возвращался к своей банальной веселости, точно стараясь выдвинуть вперед одну пустоту светской петербургской жизни, которую он презирал глубоко. В эти минуты трудно было узнать, что происходило в тайниках его великой души.

К. Х. Мамацев. «Кавказ», 1897, № 235.

При Валерике 11 июля 1840 г.
Акварель Лермонтова. 1840 г.

Раз — это было под Гихами,
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстилался облаками;
И оживился леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось;
Чу! в арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов выносят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей;
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки; —
И градом пуль с вершин дерев
Отряд осыпан. Впереди же
Всё тихо — там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблистало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь всё спряталось в траве. —
То было грозное молчанье,
Не долго длилося оно,
Но в этом страшном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп... Глядим: лежат рядами.
Что нужды? Здешние полки
Народ испытанный... В штыки,
Дружнее! раздалось за нами.
Кровь загорелася в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня...
Ура! — и смолкло. — Вон кинжалы,
В приклады! — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

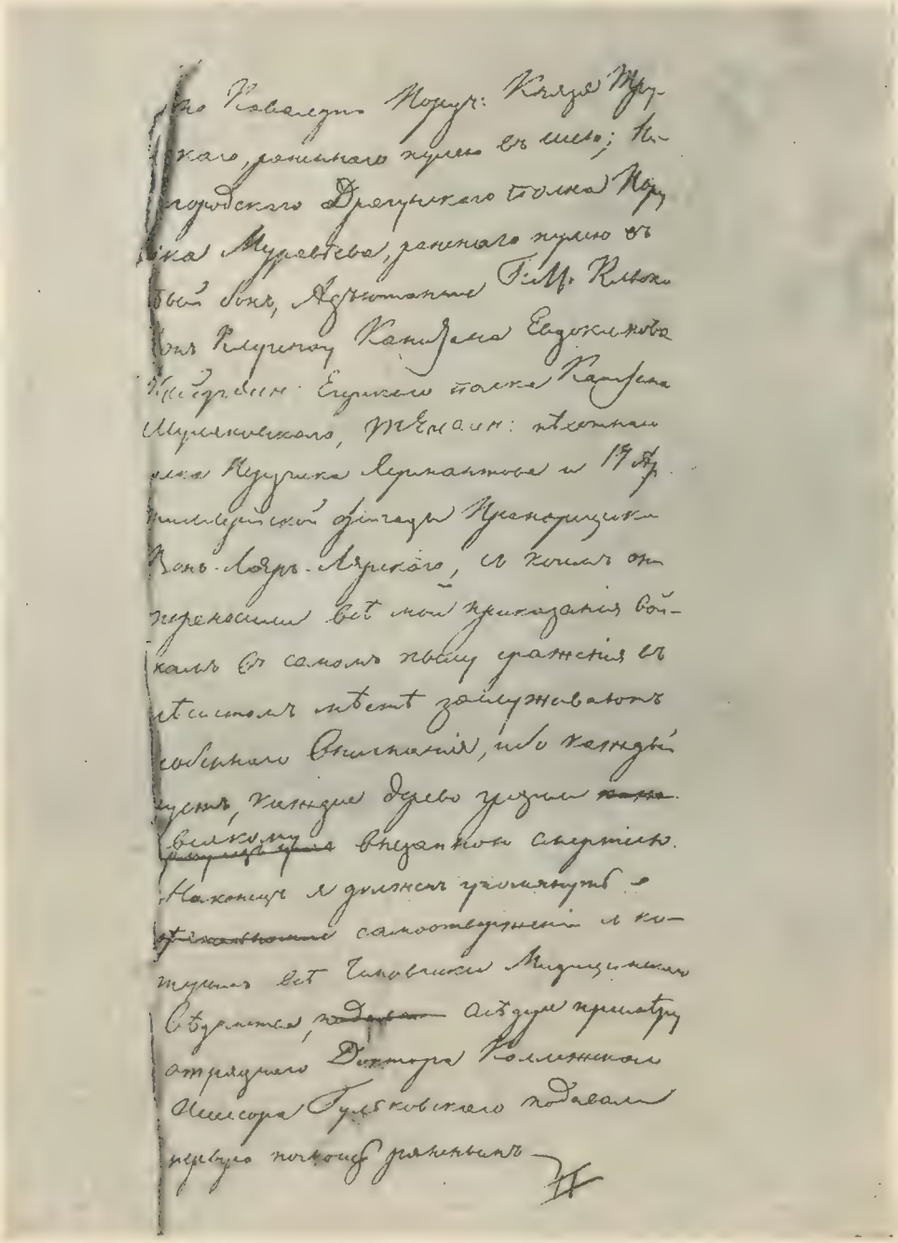
«Я к вам пишу, случайно! право...»

Эпизод сражения при Валерике.
Акварель Г. Г. Гагарина по эскизу Лермонтова. 1840 г.

Испрашивается о награде... состоящему при начальнике отряда Тенгинского пехотного полка поручику Лермонтову... Во время штурма неприятельских завалов на реке Валерике имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника об ее успехах, что было сопряжено с величайшею для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами, но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отличным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы.

Подписал:

Командующий отрядом на левом фланге Кавказской линии,
генерал-лейтенант *Галафеев*.



Страница из «Журнала военных действий».

Государь император, по рассмотрении доставленного о сем офицере списка, не изволил изъявить монаршего соизволения на испрашиваемую ему награду. — При сем его величество, заметив, что поручик Лермонтов при своем полку не находился, но был употреблен в экспедиции с особо порученною ему казачьею командою, повелеть соизволил сообщить вам, милостивый государь, о подтверждении, дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку.

Граф Клейнмихель — командиру Отдельного Кавказского корпуса ген. *Е. А. Головину.*

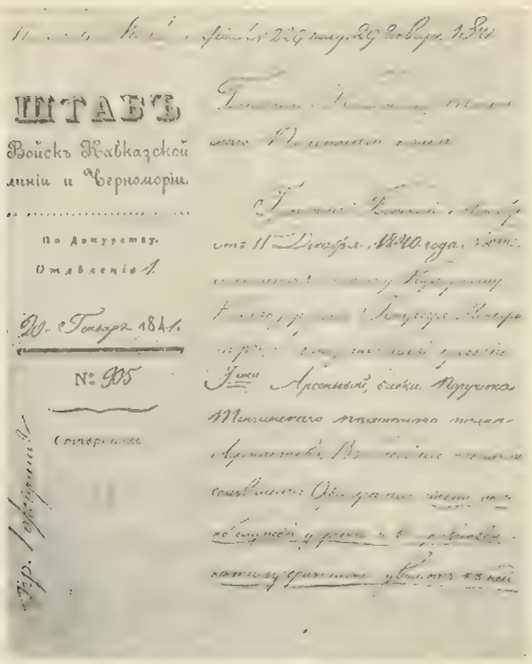
Из военной жизни.
Рисунок Г. Г. Гагарина по эскизу Лермонтова.

Милый Алеша.

Пишу тебе из крепости Грозной, в которую мы, т. е. отряд, возвратился после 20-дневной экспедиции в Чечне. Не знаю, что будет дальше, а пока судьба меня не очень обижает: я получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников, состоящую из ста казаков — разный сброд, волонтеры, татары и проч., это нечто в роде партизанского отряда, и если мне случится с ним удачно действовать, то, авось, что-нибудь дадут; я ими только четыре дня в деле командовал и не знаю еще хорошенько, до какой степени они надежны; но так как, вероятно, мы будем еще воевать целую зиму, то я успею их раскусить. Вот тебе обо мне самое интересное.

Писем я ни от тебя, ни от кого другого уж месяца три не получал. Бог знает, что с вами сделалось; забыли, что ли? или пропадают? Я махнул рукой. Мне тебе нечего много писать: жизнь наша здесь вне войны однообразна; а описывать экспедиции не велят. Ты видишь, как я покорен законам. Может быть когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетелем. Варвара Александровна будет зевать за пяльцами и, наконец, уснет от моего рассказа, а тебя вызовет в другую комнату управитель, и я останусь один и буду доканчивать свою историю твоему сыну...

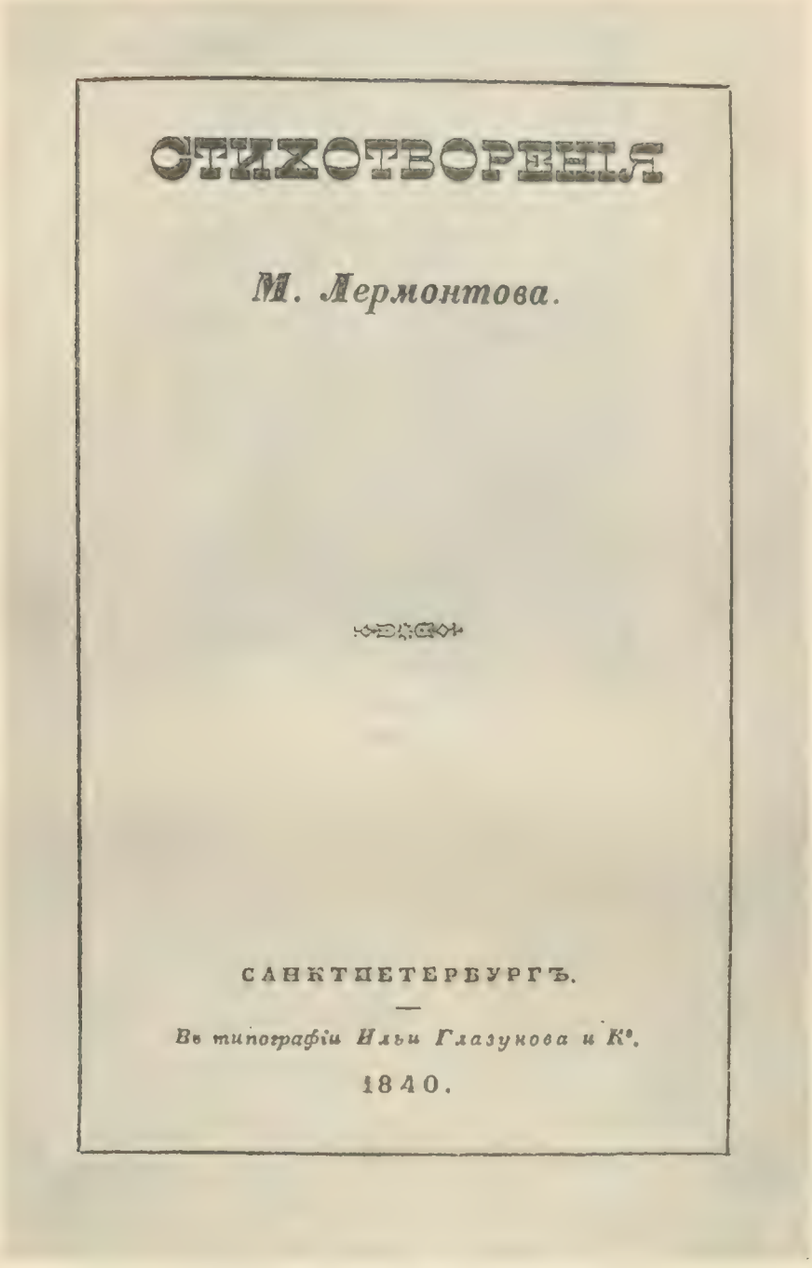
Лермонтов. Письмо А. А. Лопухину. Ноябрь 1840 г.



ШТАБЪ
Войскъ Кавказской
линіи и Черноморія.
По Департаменту.
Отдѣленіе 1
20. Генваря 1841.
№ 905

Отношение Штаба войск Кавказской линии командиру Тенгинского пехотного полка об увольнении Лермонтова в отпуск.

Друзья Лермонтова в Кисловодске в 1840 г. (Кружок шестнадцати.)
Рисунок Г. Г. Гагарина. 1840 г.


СТИХОТВОРЕНІЯ

М. Лермонтова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

Въ типографіи Ильи Глазунова и К°.

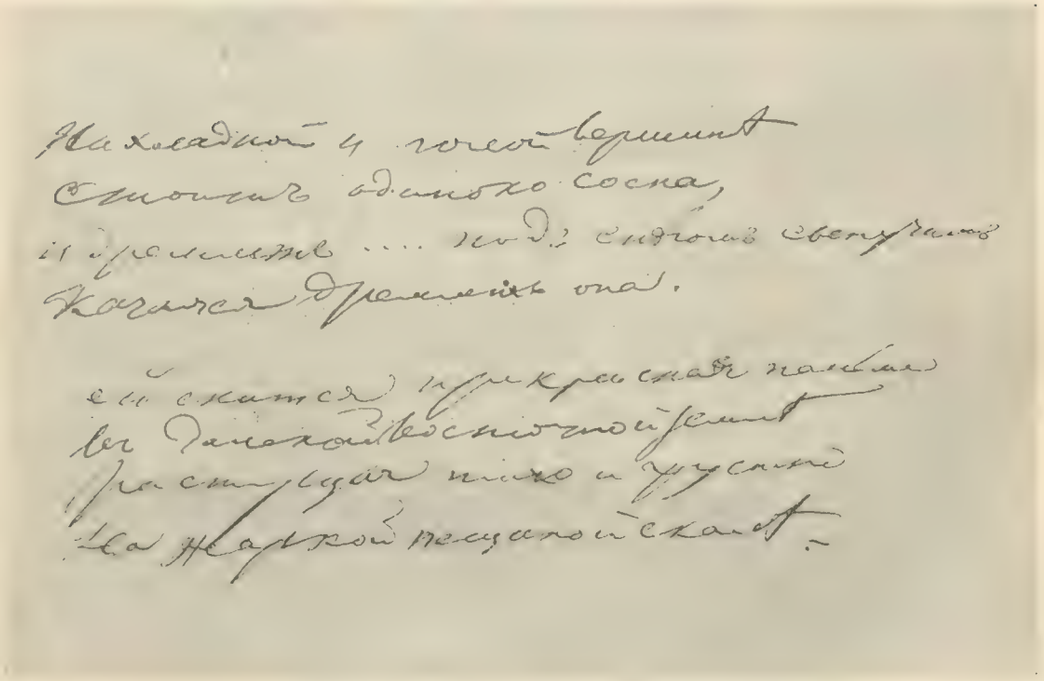
1840.

«Стихотворения М. Лермонтова».
Титульный лист первого издания. 1840 г.

...всё, всё в поэзии Лермонтова: и небо и земля, и рай и ад... По глубине мысли, роскоши поэтических образов, увлекательной, неотразимой силе поэтического обаяния, полноте жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненным фонтаном, его создания напоминают собою создания великих поэтов. Его поприще еще только начато, и уже как много им сделано, какое неистощимое богатство элементов обнаружено им: чего же должно ожидать от него в будущем?.. Пока еще не назовем мы его ни Байроном, ни Гете, ни Пушкиным, и не скажем, чтобы из него со временем вышел Байрон, Гете или Пушкин: ибо мы убеждены, что из него выйдет ни тот, ни другой, ни третий, а выйдет — *Лермонтов*...

В. Г. Белинский.

«Сосна».
Рисунок И. И. Шишкина. 1890 г.



«Сосна».
Автограф первой редакции.

«Три пальмы».
Рисунок В. Д. Поленова. 1891 г.

«Три пальмы».
Рисунок В. Д. Поленова. 1891 г.

«Утес».
Рисунок И. Дубовского. 1890 г.

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.

«Воздушный корабль».
Рисунок Л. О. Пастернака. 1891 г.

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И, молча, в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы и тайные мели,
И бури ему нипочем.

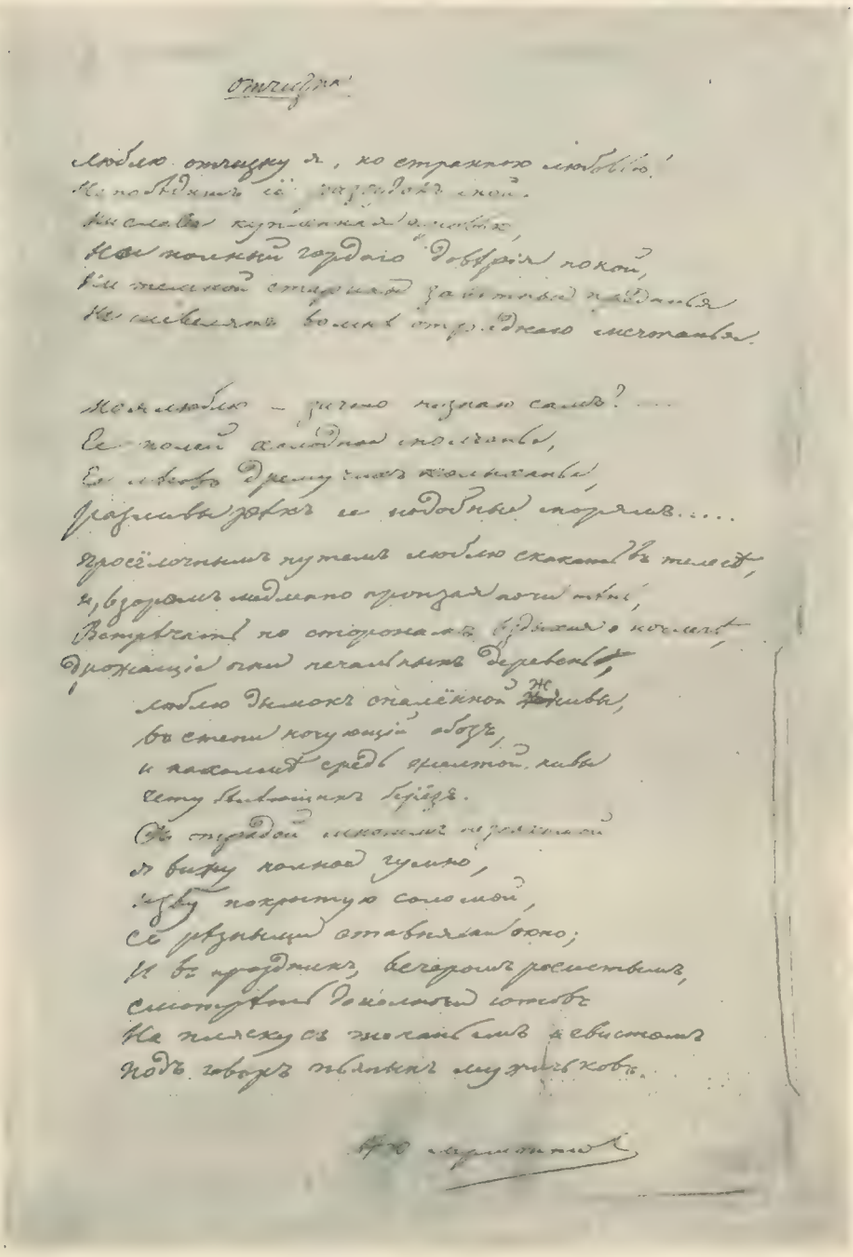
Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристает.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь...



«Отчизна» («Родина»).
Автограф.

Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его «Родина» — то, аллах-керим, — что за вещь — пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских...

В. Г. Белинский. Письмо В. П. Боткину. 13 марта 1841 г.

РОДИНА.

—

Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю самъ —
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телегѣ
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спалённой жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь жолтой нивы
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

«Родина».
Первопечатный текст. «Отечественные записки», 1841 г., т. XV, кн. 4.

...Умевши рано постичь недостатки современного общества, [Лермонтов] умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит его удивительное стихотворение «Родина», в котором он становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно.

Н. А. Добролюбов. «О степени участия народности в развитии русской литературы».

Березы.
Рисунок Лермонтова.

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.
Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.
Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор.

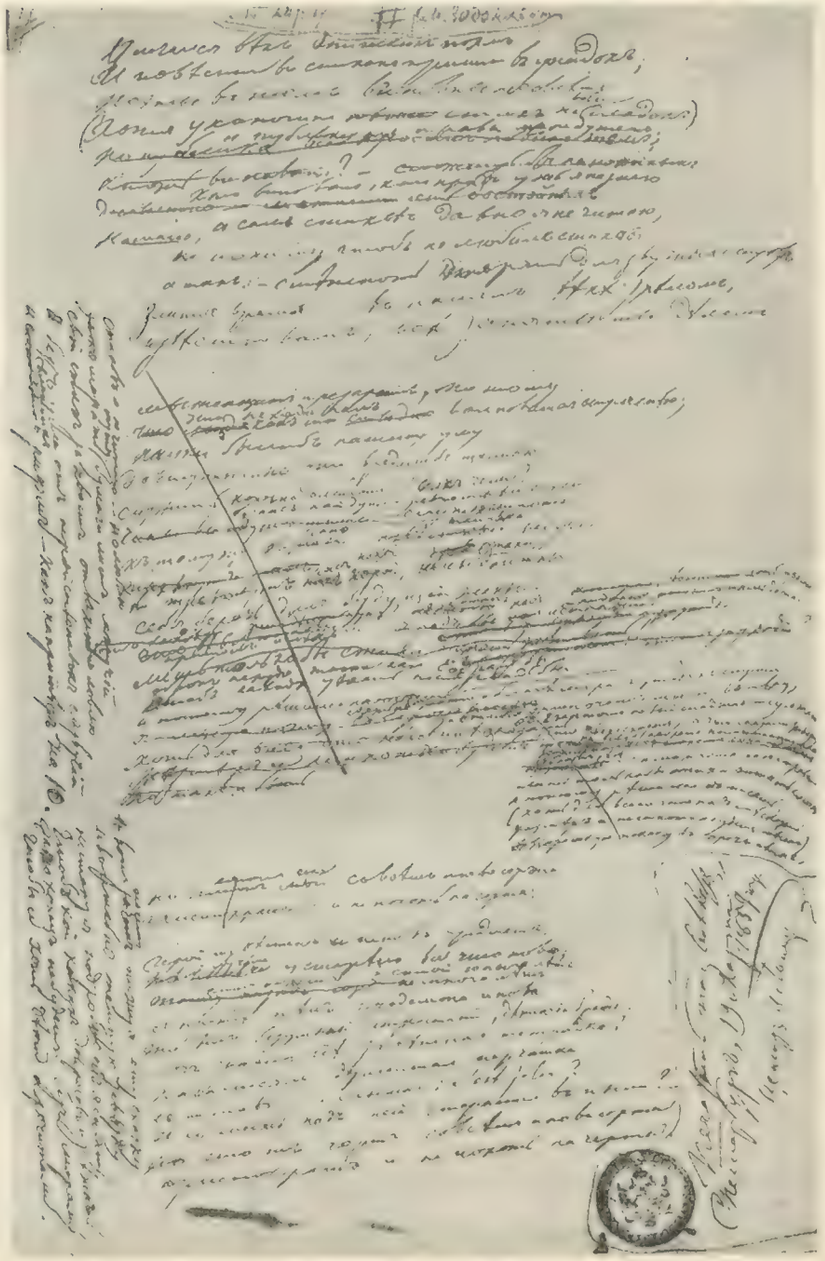
«В альбом С. Н. Карамзиной».

ПОСЛЕДНИЙ ГОД

М. Ю. Лермонтов.
Акварель К. А. Горбунова. 1841 г.

Он всецело принадлежит к нашему поколению. Все мы были слишком юны, чтобы принимать участие в 14 декабря. Разбуженные этим великим днем, мы увидели только казни и изгнания. Принужденные к молчанию, сдерживая слезы, мы выучились сосредоточиваться, скрывать свои думы — и какие думы! То не были уже идеи просвещающего либерализма, идеи прогресса, то были сомнения, отрицания, злобные мысли. Привыкший к этим чувствам, Лермонтов не мог спастись в лиризме, как Пушкин. Он влачил тяжесть скептицизма во всех своих фантазиях и наслаждениях. Мужественная, грустная мысль никогда не покидала его чела, — она пробивается во всех его стихотворениях. То была не отвлеченная мысль, стремившаяся украситься цветами поэзии, нет, размышления Лермонтова — это его поэзия, его мучение, его сила...

А. И. Герцен. «О развитии революционных идей в России».

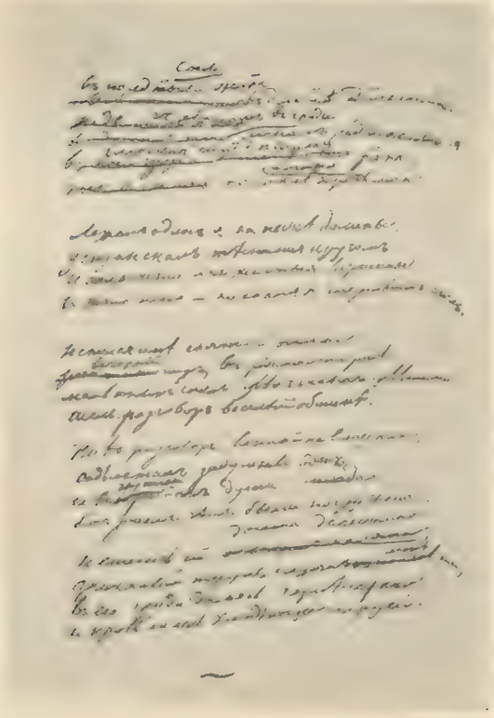


«Сказка для детей».
Черновик поэмы.

После Пушкина ни у кого из русских поэтов не было такого стиха, как у Лермонтова, и конечно, Лермонтов обязан им Пушкину; но тем не менее у Лермонтова свой стих. В «Сказке для детей» этот стих возвышается до удивительной художественности; но в большей части стихотворений Лермонтова он отличается какою-то стальной прозаичностью и простотою выражения.

В. Г. Белинский.

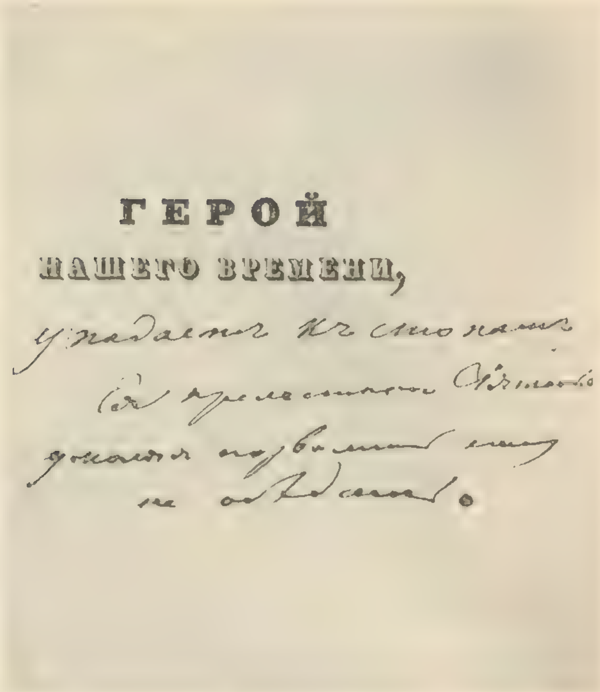
«Сон».
Рисунок Г. Г. Гагарина.



«Сон».
Черновой автограф.

ГЕРОЙ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ.
сочиненіе
М. Лермонтова.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
Изданіе второе.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
въ типографіи Ильи Глазунова и Кº.
1841.

«Герой нашего времени».
Титульный лист второго издания.



ГЕРОЙ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ,

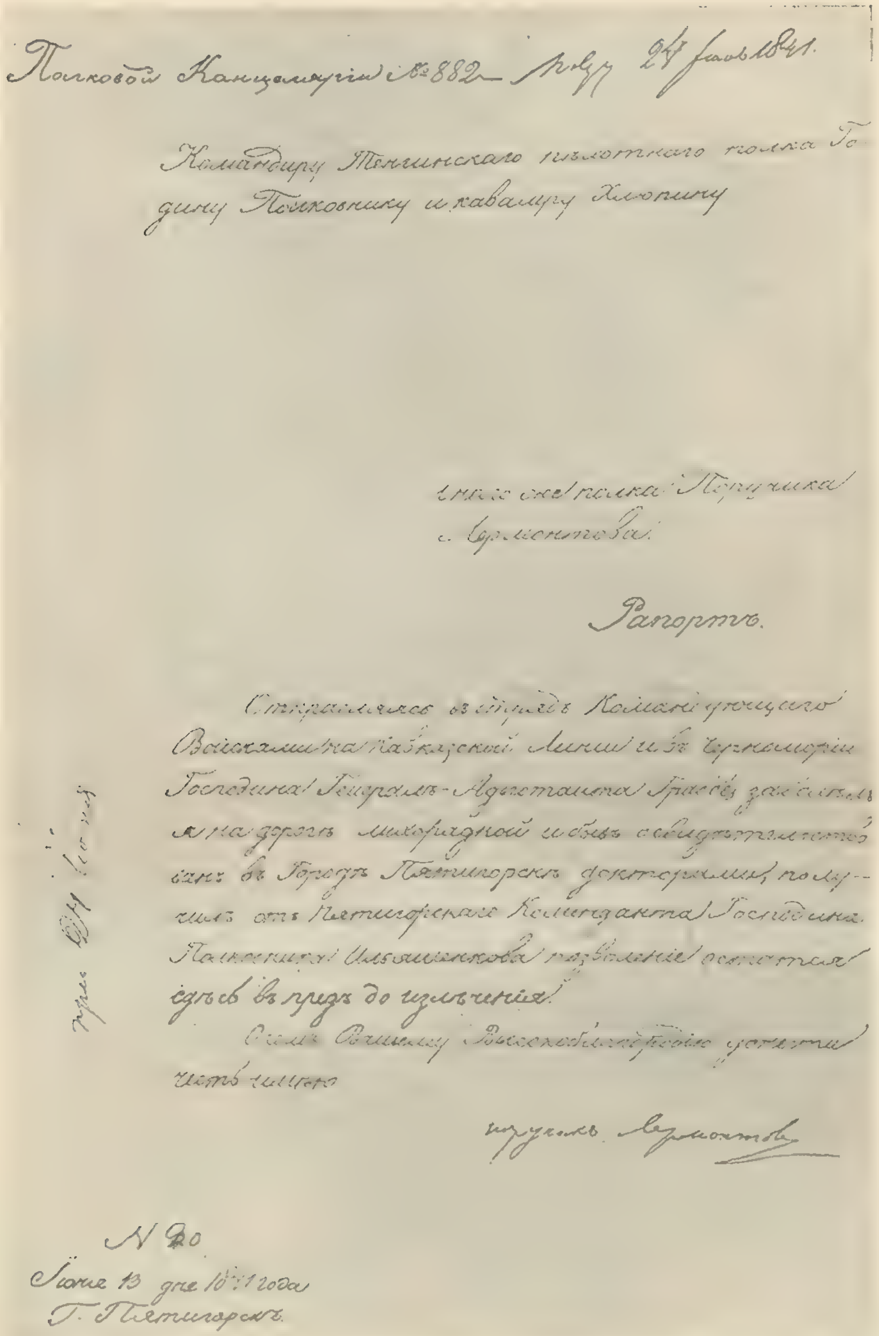
«Герой нашего времени».
Шмуцтитул второго издания с надписью Лермонтова, адресованной О. С. Одоевской.

К несчастью слишком большой проницательности он прибавил другое — смелость многое высказывать без прикрас и без пощады. Существа слабые, оскорбленные никогда не прощают такой искренности. О Лермонтове говорили, как о баловне из аристократической семьи, как о каком-нибудь бездельнике, погибающем от скуки и пресыщения. Никто не хотел видеть, сколько боролся этот человек, сколько он выстрадал, прежде чем решился высказать свои мысли. Люди переносят ругательства и ненависть с гораздо большей снисходительностью, чем известную зрелость мысли, чем отдаление от них, не желающее разделять с ними ни их надежд, ни их опасений и осмеливающееся заявлять об этом разрыве. Когда Лермонтов уезжал из Петербурга на Кавказ во вторую ссылку, он чувствовал себя усталым и говорил друзьям, что постарается скорее умереть. Он сдержал свое слово...

А. И. Герцен. «О развитии революционных идей в России».

«Пророк».
Рисунок М. А. Врубеля. 1904 г.

«Пророк».
Рисунок И. Е. Репина. 1890 г.



Полковой Канцелярiи № 882 — 24 Iюня 1841.

Командиру Тенгинскаго пѣхотнаго полка Господину Полковнику и кавалеру Хлюпину

того же полка Поручика Лермонтова.

Рапортъ.

Отправляясь въ отрядъ Командующаго Войсками на Кавказской Линiи и въ Черноморiи Господина Генералъ-Адъютанта Граббе, заболѣлъ я на дорогѣ лихорадкою и бывъ освидѣтельствованъ въ Городѣ Пятигорскѣ докторами, получилъ отъ Пятигорскаго Коменданта Господина Полковника Ильяшенкова позволенiе остаться здѣсь впредь до излѣченiя.

О чемъ Вашему Высокоблагородiю честь имѣю донести.

поручикъ Лермонтовъ

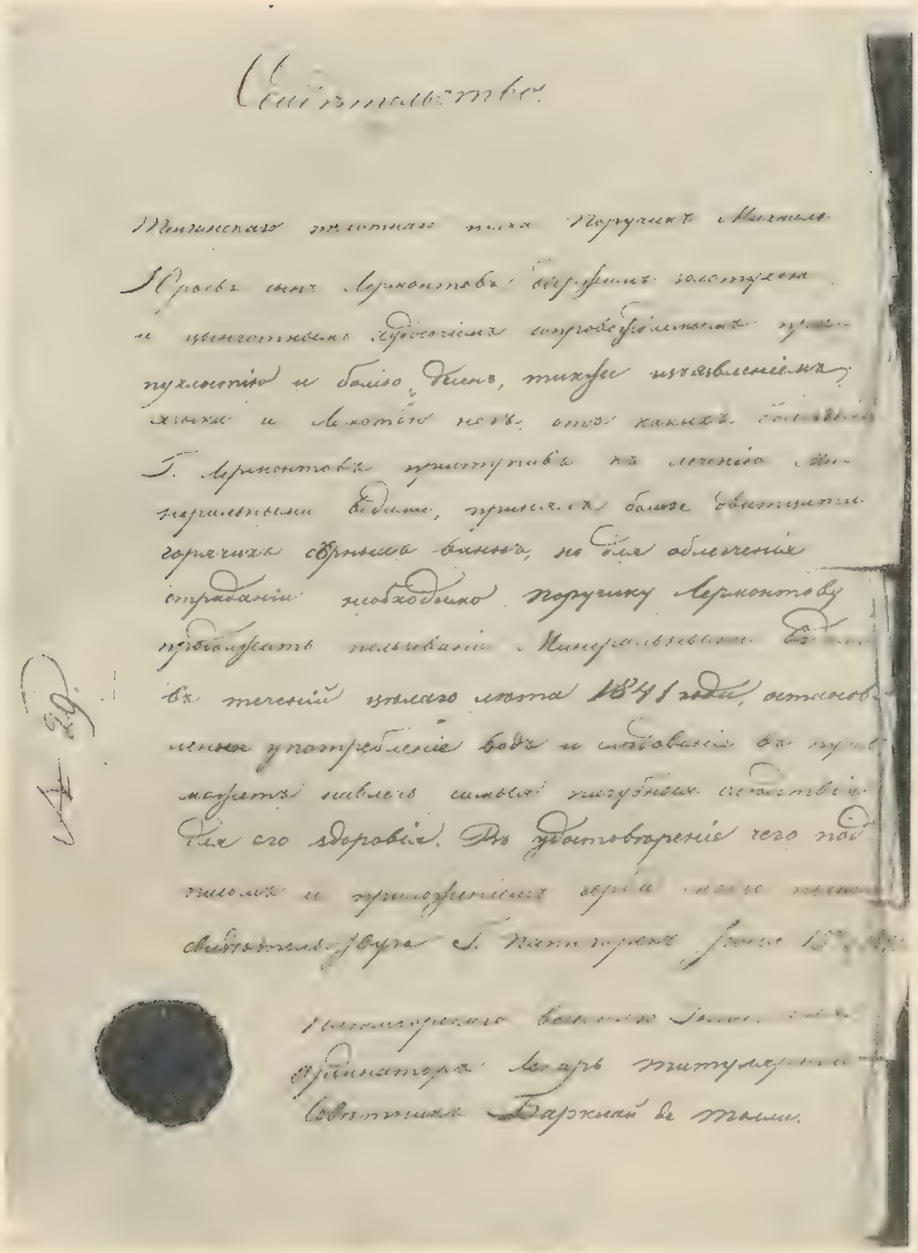
№ 20.
Iюня 13 дня 1841 года
Г. Пятигорскъ.

Рапорт Лермонтова командиру Тенгинского пехотного полка о болезни.

Я только что приехал в Ставрополь, дорогая M-lle Sophie, и отправляюсь в тот же день в экспедицию с Столыпиным Монго. Пожелайте мне счастья и легкого ранения, это самое лучшее, что только можно мне пожелать. Надеюсь, что это письмо застанет вас еще в С.-Петерб. и что в тот момент, когда вы будете его читать, я буду штурмовать Черкей. Так как вы обладаете глубокими познаниями в географии, то я не предлагаю вам смотреть на карту, чтобы знать, где это; но, чтобы помочь вашей памяти, скажу вам, что это находится между Каспийским и Черным морем, немного к югу от Москвы и немного к северу от Египта, а главное, довольно близко от Астрахани, которую вы так хорошо знаете.

Я не знаю, будет ли это продолжаться; но во время моего путешествия мной овладел демон поэзии, или — стихов. Я заполнил половину книжки, которую мне подарил Одоевский, что вероятно принесло мне счастье. Я дошел до того, что стал сочинять французские стихи...

Лермонтов. Письмо С. Н. Карамзиной. 10 мая 1841 г.



Свидетельство, выданное Лермонтову лекарем Барклаем де Толли о болезни.

Милая бабушка.

Пишу к Вам из Пятигорска, куды я опять заехал и где пробуду несколько времени для отдыху... Напрасно вы мне не послали книгу графини Растопчиной; пожалуйста тотчас по получении моего письма пошлите мне ее сюда в Пятигорск. Прошу вас также, милая бабушка, купите мне полное собрание сочинений Жуковского последнего издания и пришлите также сюда тотчас. Я бы просил также полного Шекспира, по-английски, да не знаю, можно ли найти в Петербурге...

То, что вы мне пишете о словах Г. Клейнмихеля, я полагаю, еще не значит, что мне откажут отставку, если я подам; он только просто не советует; а чего мне здесь еще ждать? Вы бы хорошенько спросили только, выпустят ли, если я подам.

Лермонтов. Письмо Е. А. Арсеньевой. 28 июня 1841 г.

Дом в Пятигорске, где жил Лермонтов в 1841 г.
Картина Б. Р. Овсянникова.

Гвардейские офицеры, после экспедиции, нахлынули в Пятигорск, и общество еще более оживилось. Молодежь эта здорова, сильна, весела, как подобает молодежи; вод не пьет, конечно, и широко пользуется свободой после экспедиции. Они бывают у источников, но без стаканов; их заменяют лорнеты, хлыстики...

У Лермонтова я познакомился со многими из них и с удовольствием вспоминаю теперь имена их. Алексей Столыпин (Монго), товарищ Лермонтова по школе и полку в гвардии; Глебов, конногвардеец, с подвязанной рукой, тяжело раненый в ключицу; Тиран, лейб-гусар; А. Васильчиков, чиновник при Гане, присланном для ревизии Кавказского края, сын моего бывшего корпусного командира в гвардии; Сергей Трубецкой, Манзей и другие. Вся эта молодежь чрезвычайно любила декабристов вообще и мы легко сошлись с ними на короткую ногу.

Из записок декабриста *И. И. Лорера.*

Нет никакого сомнения, что г. Мартынова подстрекали со стороны лица, давно желавшие вызвать столкновение между поэтом и кем-либо из невмеру щекотливых или малоразвитых личностей. Полагали, что «обуздание» тем или другим способом «неудобного» юнопши-писателя, будет принято не без тайного удовольствия некоторыми влиятельными сферами в Петербурге. Мы находим много общего между интригами, доведшеми до гроба Пушкина и до кровавой кончины Лермонтова. Хотя обе интриги никогда разъяснены не будут, потому что велись потаенными средствами, но их главная пружина кроется в условиях жизни и деятелях характера графа Бенкендорфа.

П. А. Висковатов. «М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество».

Дорога к месту дуэли Лермонтова.
Фотография.

Мы отмерили с Глебовым 30 шагов; последний барьер поставили на 10-ти и, разведя противников на крайние дистанции, положили им сходиться каждому на 10 шагов по команде: «марш». Зарядили пистолеты. Глебов подал один Мартынову, я другой Лермонтову и скомандовали: «сходись». Лермонтов остался неподвижен, и, взведя курок, поднял пистолет дулом вверх, заслоняясь рукой и локтем по всем правилам опытного дуэлиста. В эту минуту, и в последний раз, я взглянул на него и никогда не забуду того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице поэта перед дулом пистолета, уже направленного на него. Мартынов быстрыми шагами подошел к барьеру и выстрелил. Лермонтов упал, как будто его скосило на месте, не сделав движения ни взад ни вперед, не успев даже захватить больное место, как это обыкновенно делают люди, раненные или ушибленные.

...он был, вообще, не любим в кругу своих знакомых в гвардии и в петербургских салонах; при Дворе его считали вредным, неблагонамеренным и при том, по фрунту, дурным офицером, и когда его убили, то одна высокопоставленная особа изволила выразиться, «что туда ему и дорога». Все петербургское великосветское общество, махнув рукой, повторило это надгробное слово над храбрым офицером и великим поэтом.

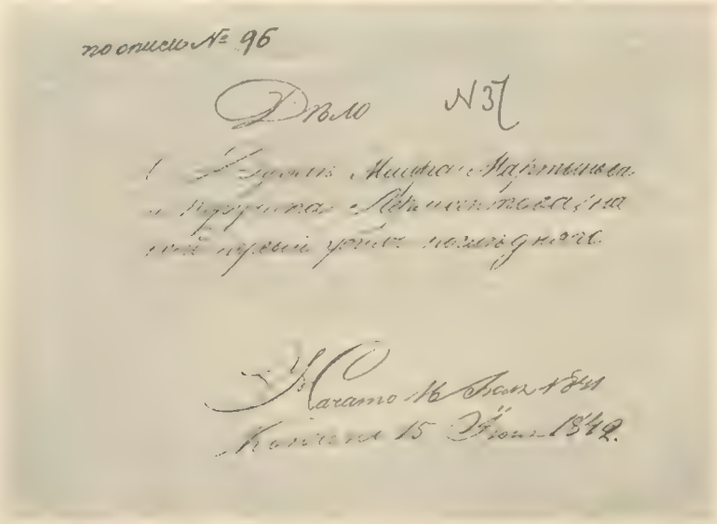
А. И. Васильчиков. «Дуэль и кончина Лермонтова».

Мы все под грустным впечатлением известия о смерти бедного Лермонтова. Большая потеря для нашей словесности. Он уже многое исполнил, а еще более обещал. В нашу поэзию стреляют удачнее нежели в Людвига Филиппа. Второй раз не дают промаха. Грустно! — ...

...Сейчас получаю и письмо твое. Да, сердечно жаль Лермонтова, особенно узнавши, что он был так бесчеловечно убит. На Пушкина целила по крайней мере французская рука, а русской руке грешно было целить в Лермонтова.

П. А. Вяземский. Письмо А. Я. Булгакову. 4 августа 1841 г.

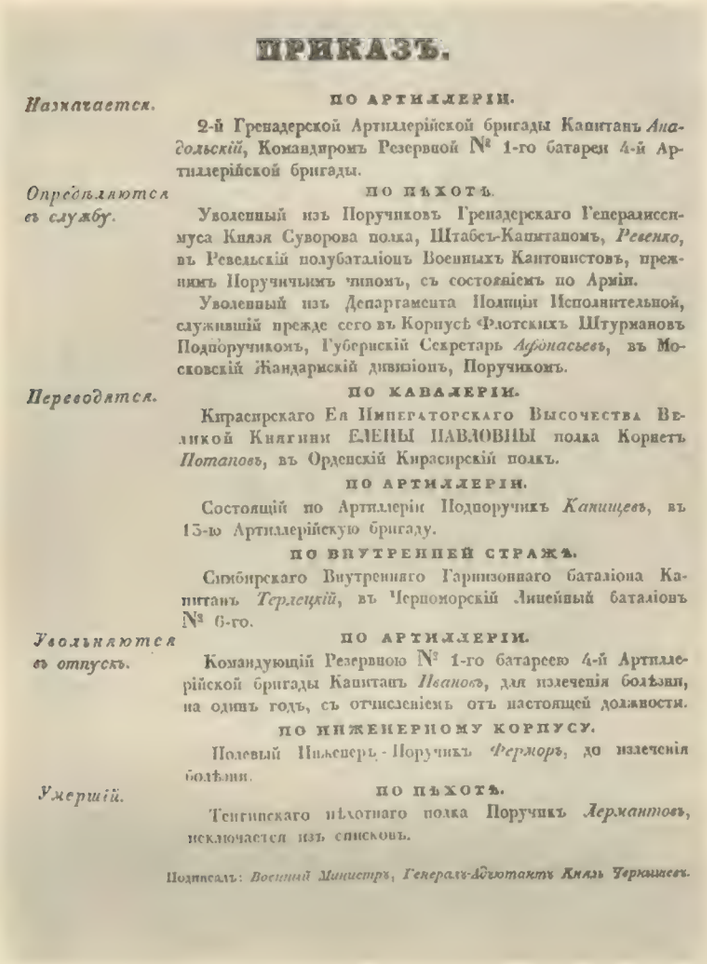
Место дуэли Лермонтова, в 1850-х годах.
Фотография.



Обложка дела о дуэли Лермонтова с Мартыновым.

Государь император... в третий день сего Генваря [1842 г.] высочайше повелеть соизволил: майора Мартынова посадить в крепость на гоубтвахту на три месяца и предать церковному покаянию, а титулярного советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить...

Военный министр *Чернышев* — командиру Отдельного кавказского корпуса.



ПРИКАЗЪ.

Назначается.

ПО АРТИЛЛЕРІИ.

2-й Гренадерской Артиллерійской бригады Капитанъ *Анадольскій*, Командиромъ Резервной № 1-го батареи 4-й Артиллерійской бригады.

Опредѣляются въ службу.

ПО ПѢХОТѢ.

Уволенный изъ Поручиковъ Гренадерскаго Генералиссимуса Князя Суворова полка, Штабсъ-Капитаномъ, *Ревенко*, въ Ревельскій полубатальонъ Военныхъ Кантонистовъ, прежнимъ Поручичьимъ чиномъ, съ состояніемъ по Арміи.

Уволенный изъ Департамента Полиціи Исполнительной, служившій прежде сего въ Корпусѣ Флотскихъ Штурмановъ Подпоручикомъ, Губернскій Секретарь *Афонасьевъ*, въ Московскій Жандармскій дивизіонъ, Поручикомъ.

Переводятся.

ПО КАВАЛЕРІИ.

Кирасирскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ полка Корнетъ *Потаповъ*, въ Орденскій Кирасирскій полкъ.

ПО АРТИЛЛЕРІИ.

Состоящій по Артиллеріи Подпоручикъ *Капищевъ*, въ 15-ю Артиллерійскую бригаду.

ПО ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖѢ.

Сибирскаго Внутренняго Гарнизоннаго баталіона Капитанъ *Терлецкій*, въ Черноморскій Линейный баталіонъ № 6-го.

Увольняются въ отпускъ.

ПО АРТИЛЛЕРІИ.

Командующій Резервною № 1-го батареею 4-й Артиллерійской бригады Капитанъ *Ивановъ*, для излеченія болѣзни, на одинъ годъ, съ отчисленіемъ отъ настоящей должности.

ПО ИНЖЕНЕРНОМУ КОРПУСУ.

Полевый Инженеръ-Поручикъ *Ферморъ*, до излеченія болѣзни.

Умершій.

ПО ПѢХОТѢ.

Тенгинскаго пѣхотнаго полка Поручикъ *Лермантовъ*, исключается изъ списковъ.

Подписалъ: *Военный Министръ, Генералъ-Адъютантъ Князь Чернышевъ.*

Приказ об исключении Лермонтова из полковых списков.

В его последний приезд в Москву я много с ним виделся. Я никогда не забуду нашей последней встречи, одного получаса перед его отъездом. Произнося слова прощания, он оставил мне одно стихотворение — последнее свое произведение. Все это встает в моей памяти с невероятной яркостью. Он сидел на том самом месте, где я вам пишу. Он говорил мне о своем будущем, о своих литературных проектах, и между прочим бросил несколько слов о своем близком конце, к которым я отнесся, как к обычной шутке. Я был последним, кто пожал ему руку в Москве.

Будут опубликовывать теперь его посмертные произведения. Мы снова встретим его имя там, где мы любили его отыскивать, у нас будет еще несколько его вдохновений, всегда искренних, но как печальны эти последние всплески поэзии, какую боль испытываешь от этого нового, когда вспоминаешь, что источник уже иссяк.

Ю. Ф. Самарин. Письмо И. С. Гагарину. 3 августа 1841 г.

ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА.

Пускай холодною землею
Засыпанъ я.
О другъ! всегда, вездѣ съ тобою
Душа моя.
Любви безумнаго томленья,
Жилецъ могилъ,
Въ странѣ покоя и забвенья,
Я не забылъ.

Безъ страха, въ часъ послѣдней муки,
Покинувъ свѣтъ,
Отрады ждалъ я отъ разлуки —
Разлуки нѣтъ.

«Любовь мертвеца».
Первая публикация в альманахе «Утренняя заря» на 1842 год.

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть! —

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь...

«Выхожу один я на дорогу». 1841 г.

Памятник Лермонтову в Пятигорске.
Скульптура А. М. Опекушина. 1889 г.

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «Он любил отчизну».

«Великий муж...» 1856 г.

Музей «Домик Лермонтова» в Пятигорске.
Фото. 1939 г.

Комната Лермонтова в Пятигорском музее.
Фото. 1939 г.

Памятник Лермонтову в Ленинграде.
Скульптура Б. М. Микешина. 1914 г.

Лермонтов и Гоголь доказывают, что пришло России время действовать на умственном поприще, как действовали раньше ее Франция, Германия, Англия, Италия.

Н. Г. Чернышевский. Запись в дневнике 23 сентября 1848 г.

М. Ю. Лермонтов.
Скульптура М. Д. Рындзюнской. 1939 г.

...В стихах Лермонтова начинают громко звучать ноты, почти незаметные у Пушкина — это жадное желание дела, активного вмешательства в жизнь. Жажда дела, тоска сильного человека, который не находит почвы для приложения своих сил, — была вообще свойственна людям тех годов.

А. М. Горький.

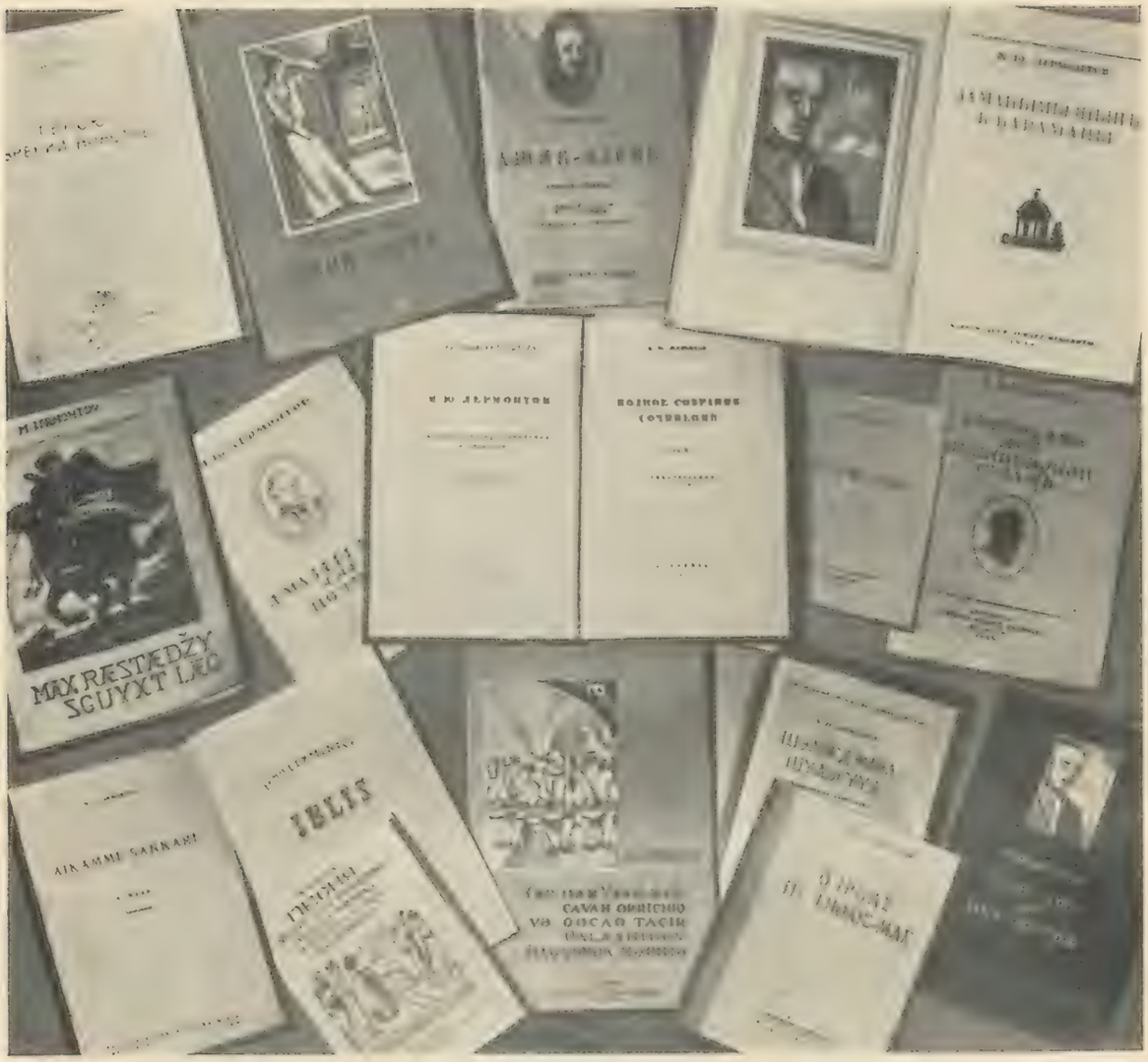
Место дуэли Лермонтова, в настоящее время.
Фото. 1939 г.

Наша молодежь должна знать подлинного Лермонтова и должна чтить его, ибо он ее родной старший брат; он всю жизнь был молод, но молодость его кипела страстью, протестом и тоской. Группа комсомольцев с глубоким волнением прочла на памятнике Пушкина в Остафьеве слова: «Здравствуй, племя младое, незнакомое». Лермонтов своими революционными стихами также за целое столетие шлет свой привет продолжателям русской революционной поэзии.

А. В. Луначарский. «Лермонтов как революционер».

Поэт мечтал о других поколениях, — тех, которые наполнят мир великим шумом борьбы и творчества, бросят векам плодовитую мысль и передадут начатый гением труд. Лермонтов верил, что придут эти счастливые поколения, вера питала страстью его поэзию, рождала любовь к своему народу, который создавал и создает гениев. И эти поколения пришли. Нет мысли более плодовитой, чем социалистическая мысль. Гениями человечества начат всемирно-исторический труд построения коммунистического общества. Лермонтов, строгий судья и гражданин своего времени, становится близким, понятным, родственным нашему времени.

Созданные им художественные образы живут, привлекают, вдохновляют советского читателя, влияют плодотворно на советскую поэзию и литературу. У Лермонтова, который был учеником и продолжателем Пушкина, учились Некрасов, Достоевский, Толстой, Чехов, Горький. Он остается великим учителем советских писателей и поэтов, как один из мировых мастеров стиха и художественной прозы.

«Правда», 1939 г., 14 октября.

Лермонтов на языках народов Советского Союза.

Советский читатель любит, знает, ценит великого поэта. За годы социалистической революции (до 1938 г.) его произведения вышли в четырех с половиной миллионах экземпляров — вдвое больше, чем за 20 дореволюционных лет. Они переведены на 26 языков народов СССР. — Лермонтов нужен нам, нужен советской литературе. Как и лермонтовский стих, советская литература обуреваема пламенной страстью, без которой нет великого творчества.

«Правда», 1939 г., 14 октября.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр.

1. *М. Ю. Лермонтов.* Портрет работы К. А. Горбунова. 1883 г. (вклейка).
2. *Лермонтов и его предки.* Схема 17
3. *Юрий Петрович Лермонтов — прадед поэта.* Портрет работы неизвестного художника . . 18
4. *Петр Юрьевич Лермонтов — дед поэта.* Портрет работы неизвестного художника 18
5. *Юрий Петрович Лермонтов — отец поэта.* Портрет работы неизвестного художника . . . 19
6. *Елизавета Алексеевна Арсеньева, рожденная Столыпина — бабушка поэта.* Портрет работы неизвестного художника 20
7. *Мария Михайловна Лермонтова, рожденная Арсеньева — мать поэта.* Портрет работы неизвестного художника 21
8. *Москва. Красная площадь в начале XIX в.* Гравюра 22
9. *Москва. Площадь у Красных ворот в первой половине XIX в.* Гравюра 23
10. *Лермонтов в раннем детстве.* Портрет работы неизвестного художника 24
11. *Дом в Тарханах со стороны сада.* Фото. 1934 г. 25
12. *Горячеводск в 1825 г.* Рисунок Лермонтова . . 26
13. *Горячеводск в 1825 г.* Гравюра 26
14. *Лермонтов в детстве.* Портрет работы неизвестного художника 27
15. *Альманах «Полярная звезда» на 1825 г.* Титульный лист 28
16. *Альманах «Северные цветы» на 1825 г.* Титульный лист 28
17. *14 декабря 1825 г. в Петербурге.* Акварель Кольмана (первая половина XIX в.) 28
18. *Московский Кремль.* Литография начала XIX в. 29
19. *Большой Петровский театр в Москве.* Гравюра 1829 г. 29
20. *Тетрадь Лермонтова 1826 г.* Обложка 30
21. *Тетрадь Лермонтова 1827 г.* Титульный лист 30
22. *Московский Университетский благородный пансион.* С гравюры на дереве 1810-х гг. . . . 31
23. *Поэма Пушкина «Кавказский пленник».* Титульный лист первого издания 32
24. *Рукопись поэмы Лермонтова «Кавказский пленник».* Титульный лист 32
25. *Рукопись поэмы Лермонтова «Кавказский пленник».* Фронтиспис и первая страница 32
26. *Рукопись поэмы «Черкесы».* Титульный лист. 33
27. *«Черкес».* Рисунок В. А. Серова. 1891 г. 33
28. *«Черкес и линейный казак».* Лубок первой половины XIX в. 33
29. *«Сочинения» Байрона издания 1825 г.* Фронтиспис и титульный лист 34
30. *Книга Т. Мура «Письма и дневники Байрона».* Титульный лист 34

Стр.

31. *Круг чтения юного Лермонтова* 35
32. *А. С. Пушкин.* Портрет работы В. А. Тропинина. 1827 г. 36
33. *В. А. Жуковский.* Гравюра 36
34. *К. Ф. Рылеев.* Миниатюра 1820-х гг. 36
35. *И. И. Козлов.* Литография 1830-х гг. 36
36. *Ж. Ж. Руссо.* Гравюра XVIII в. 37
37. *Г. Лессинг.* Гравюра Лейна 37
38. *Р. Шатобриан.* Гравюра начала XIX в. 37
39. *Ф. Шиллер.* Портрет начала XIX в. 37
40. *«Menschen und Leidenschaften».* Обложка рукописи 38
41. *«Menschen und Leidenschaften».* Автограф посвящения к драме 38
42. *«Демон» (первая редакция).* Черновик первой страницы 38
43. *«Демон» (вторая редакция).* Черновик первой страницы 38
44. *Наполеон I Бонапарт.* Гравюра 39
45. *Запись лекций по всеобщей истории.* Автограф 39
46. *«Наполеон».* Черновик стихотворения 39
47. *Средниково. Садовый фасад главного дома.* Фото. 1939 г. 40
48. *Средниково. Пандус с видом на пруд.* Фото. 1939 г. 40
49. *Средниково. Мост в парке.* Фото. 1939 г. . . . 40
50. *Е. А. Сушкова.* Миниатюра 41
51. *«К С⟨ушковой⟩».* Черновик стихотворения. 1830 г. 41
52. *Лермонтов в юности.* Копия с неизвестного портрета работы П. Е. Заболотского. 1840 г. 42
53. *Московский университет.* Гравюра 1829 г. . . . 43
54. *Прошение Лермонтова о принятии его в Московский университет* 43
55. *Донесение профессоров Московского университета, экзаменовавших Лермонтова* 43
56. *Объявление о мерах борьбы с холерой в Москве* 44
57. *Лица и фигуры крестьян.* Рисунок Лермонтова 44
58. *«Предсказание».* Автограф 45
59. *Восстание в Париже 30 июля 1830 г.* Литография 1830-х гг. 46
60. *«30 июля (Париж) 1830 года».* Автограф 46
61. *Вильям Шекспир.* Гравюра М. Друсхоута. 1623 г. 47
62. *«Драматические сочинения» Шекспира издания 1821 г.* Обложка 47
63. *И. С. Мочалов.* Литография Г. Митрейтера . . 47
64. *«Странный человек».* Обложка рукописи . . . 48
65. *«Странный человек».* Автограф предисловия . 48
66. *И. Ф. Иванова.* Портрет работы Бинемана . . 49

Стр.

67. *«И. Ф. И(вано)вой».* Автограф 49
68. *Юрий Петрович Лермонтов в последние годы жизни* 50
69. *«Эпитафия».* Автограф 50
70. *Лерма, легендарный предок поэта.* Портрет работы Лермонтова. 1832 г. 51
71. *Испанец с фонарем.* Рисунок Лермонтова 1831 г. 51
72. *Прошение Лермонтова об увольнении из Московского университета* 52
73. *Петербург. Вид на Петропавловскую крепость.* Гравюра С. Галактионова по рис. Свиньина. 1818 г. 53
74. *Петербург. Марсово поле.* Литография 1820-х гг. 55
75. *Невский проспект в начале 1830-х годов.* Литография по рисунку В. Садовникова 56
76. *У канала ночью.* Рисунок Е. Е. Лансере. 1910 г. 56
77. *Бал в дворянском доме в первой половине XIX в.* Рисунок Я. де-Бальмена 57
78. *Строевые занятия в Школе гвардейских подпрапорщиков.* Рисунок А. И. Шан-Гирея. 1830-е гг. 58
79. *Юнкер И. С. Мартынов* 59
80. *Юнкер Л. И. Хомутов.* Рисунок Лермонтова. 59
81. *Портрет неизвестного.* Рисунок Лермонтова. 59
82. *Портрет неизвестного.* Рисунок Лермонтова. 59
83. *Рисунок Лермонтова к повести Марлинского «Амалат-бек»* 60
84. *Штаб-ротмистр В. И. Киорин.* Рисунок Лермонтова 60
85. *Прогулка верхом.* Рисунок Лермонтова 61
86. *Всадник.* Рисунок Лермонтова 61
87. *Сцена из жизни юнкеров.* Рисунок из лермонтовской тетради 1834 г. 62
88. *Сцена из жизни юнкеров.* Рисунок П. П. Поливанова 62
89. *Перед карцером. Сцена из жизни юнкеров.* Рисунок А. И. Шан-Гирея 63
90. *Лермонтов среди юнкеров на ученье.* Карикатурный рисунок П. П. Поливанова. 1834 г. 63
91. *Лермонтов в палатке в час отдыха.* Акварель П. П. Поливанова. 1834 г. 64
92. *Маневры в Красном селе.* Рисунок Лермонтова 65
93. *Юнкера на рекогносцировке.* Рисунок П. П. Поливанова 65
94. *«Вадим».* Первая страница. Автограф 66
95. *«Вадим».* Обложка рукописи с рисунками Лермонтова 67
96. *«Измаил-Бей».* Акварель Т. А. Мавриной. 1939 г. 68
97. *«Измаил-Бей».* Акварель Т. А. Мавриной. 1939 г. 69
98. *«Измаил-Бей».* Акварель Т. А. Мавриной. 1939 г. 70
99. *«Измаил-Бей».* Акварель Т. А. Мавриной. 1939 г. 71
100. *Лермонтов в конце 1834 г.* Гравюра на стали 1865 г. с портрета работы Ф. Будкина 72
101. *А. А. Столыпин.* Акварель работы А. Клюндера. 1838—1839 гг. 73
102. *Екатерининский парк в Царском селе.* Литография 1830-х годов 74
103. *П. П. Бухаров.* С портрета неизвестного художника 75
104. *«Библиотека для чтения».* Титульный лист . 76
105. *«Хаджи Абрек».* Первая страница первопечатного текста 76
106. *«Хаджи Абрек».* Рисунок Л. О. Пастернака. 1891 г. 77
107. *Рисунок Лермонтова (Предположительно — портрет В. А. Лопухиной)* 78
108. *«Княгиня Лиговская».* Первая страница черновика романа 79
109. *«Княгиня Лиговская».* Рисунок Д. П. Кардовского. 1914 г. 80
110. *«Княгиня Лиговская».* Рисунок Д. П. Кардовского. 1914 г. 81
111. *«Маскарад».* Обложка списка с цензурной пометкой о запрещении 82
112. *«Маскарад».* Рисунок Л. О. Пастернака. 1890 г. 83
113. *«Маскарад». Арбенин и Нина.* Силуэт работы В. В. Гельмерсена. Около 1920 г. 83
114. *«Маскарад». Нина Арбенина.* Рисунок Л. О. Пастернака. 1890 г. 84
115. *«Маскарад». Эскиз главного занавеса.* Работа А. Я. Головина. 1916 г. 85
116. *«Маскарад». Эскиз декорации III действия.* Работа А. Я. Головина. 1916 г. 86
117. *«Маскарад». Эскиз костюма Арбенина.* Работа А. Я. Головина. 1916 г. 86
118. *«Маскарад». Эскиз костюма Нины.* Работа А. Я. Головина. 1916 г. 86
119. *«Маскарад». Эскиз костюма Неизвестного.* Работа А. Я. Головина. 1916 г. 87
120. *«Маскарад». Эскиз костюма Шприха.* Работа А. Я. Головина. 1916 г. 87
121. *«Маскарад». Эскиз декорации IV действия.* Работа А. Я. Головина. 1916 г. 87
122. *П. Я. Чаадаев.* Рисунок неизвестного художника. 1820-е гг. 88
123. *«Философические письма» Чаадаева. «Телескоп».* 1836 г. 89
124. *«Боярин Орша».* Рисунок С. Иванова. 1891 г. . 89
125. *Сражение при Бородине 26 августа 1812 года.* Гравюра Федорова по рисунку Скотти. 1814 г. 90
126. *«Бородино».* Первая страница первопечатного текста 90
127. *Солдаты у костра.* Литография 1830-х годов. 91
128. *«Умирающий гладиатор».* Рисунок Л. О. Пастернака. 1891 г. 92
129. *Дом, в котором умер Пушкин.* Гравюра. . . . 95
130. *Извещение о смерти Пушкина* 95
131. *Пушкин в гробу.* Рисунок Ф. А. Бруни. 1837 г. 96
132. *«Смерть поэта».* Первая страница черновика 97
133. *Отношение военного министра шефу жандармов о переводе Лермонтова в Нижегородский драгунский полк* 98
134. *В дороге.* Рисунок Лермонтова 99
135. *Городская застава.* Гравюра середины XIX в. 99
136. *Кавказский пейзаж.* Картина Лермонтова . . . 100
137. *Вид Пятигорска.* Картина Лермонтова 100
138. *Военно-Грузинская дорога.* Рисунок Лермонтова 101
139. *Воспоминание о Кавказе.* Акварель Лермонтова 101
140. *Главная квартира Нижегородского драгунского полка.* Картина Г. Г. Гагарина. 1840-е гг. 102
141. *На тифлисских террасах.* Акварель Г. Г. Гагарина. 1840-е гг. 102
142. *Лезгинка.* Акварель Г. Г. Гагарина. 1840-е гг. . 103
143. *Панорама Тифлиса.* Гравюра середины XIX в. . 103
144. *Старый Тифлис.* Рисунок В. Бебутовой-Габуния. 1929 г. 104
145. *Старый Тифлис.* Рисунок В. Бебутовой-Габуния. 1929 г. 104
146. *Старый Тифлис. Серные бани кн. Орбелиани.* Рисунок В. Бебутовой-Габуния. 1929 г. 104
М. Ю. Лермонтов. Автопортрет. 1837 г. (вклейка)
147. *А. И. Одоевский* 105
148. *«Ашик-Кериб».* Первая страница черновой рукописи 106
149. *«Ашик-Кериб».* Иллюстрация В. М. Конашевича. 1936 г. 107
150. *«Ашик-Кериб».* Иллюстрация В. М. Конашевича. 1936 г. 107
151. *Перестрелка в горах Кавказа.* Картина Лермонтова 108
152. *Черкесы.* Рисунок Лермонтова 108
153. *Воспоминание о Кавказе.* Картина Лермонтова (вклейка).
154. *Приказ о переводе Лермонтова в Гродненский гусарский полк* 109

Стр.

155. *Кавказский вид.* Картина Лермонтова 109
156. *М. Ю. Лермонтов.* Портрет работы П. Е. Заболотского. 1837 г. 110
157. *Петербург. Александринский театр в первой половине XIX в.* Литография по рисунку В. Садовникова 113
158. *Петербург. Невский проспект в первой половине XIX в.* Литография по рисунку В. Садовникова 113
159. *«Литературные прибавления» к «Русскому инвалиду» на 1858 г.* 114
160. *«Песня про купца Калашникова».* Первая страница первопечатного текста 115
161. *«Песня про купца Калашникова».* Рисунок В. М. Васнецова. 1891 г. 116
162. *«Песня про купца Калашникова».* Рисунок В. Г. Шварца. 1862 г. 117
163. *«Песня про купца Калашникова».* Рисунок В. М. Васнецова. 1891 г. 118
164. *«Песня про купца Калашникова».* Рисунок В. М. Васнецова. 1891 г. 119
165. *«Песня про купца Калашникова».* Рисунок В. И. Сурикова. 1891 г. 120
166. *«Песня про купца Калашникова».* Рисунок В. М. Васнецова. 1891 г. 121
167. *«Песня про купца Калашникова».* Лубочная картинка. 1858 г. 122
168. *В. А. Жуковский.* Акварель Рейтерна. 1830 г. . 123
169. *«Казначейша».* Первая страница первопечатного текста 123
170. *«Казначейша».* Картина В. А. Тропинина. 1841 г. 124
171. *«Казначейша».* Рисунок К. Флавицкого. Около 1860 г. 125
172. *Лермонтов.* Акварель А. И. Клюндера. 1839 г. 126
173. *Бал-маскарад в дворянском доме в первой половине XIX в.* Рисунок П. Вдовичева 127
174. *Гусары в гостиной.* Рисунок Я. де-Бальмена. 1830-е гг. 127
175. *«Дума».* Рисунок Л. О. Пастернака. 1891 г. . . 128
176. *«Дума».* Первая страница первопечатного текста 128
177. *«Мцыри».* Рисунок Л. О. Пастернака. 1890 г. 129
178. *«Мцыри».* Рисунок В. Д. Замирайло. 1914 г. . 130
179. *«Мцыри».* Рисунок В. Д. Замирайло. 1914 г. . 131
180. *А. Н. Муравьев.* Портрет работы Лермонтова. 132
181. *«Демон».* Рисунок М. А. Врубеля. 1890 г. . . . 133
182. *«Демон».* Рисунок М. А. Врубеля. 1890 г. . . . 134
183. *«Демон».* Рисунок М. А. Врубеля. 1890 г. . . . 135
184. *«Демон».* Рисунок В. А. Серова. 1891 г. 136
185. *«Демон».* Рисунок М. А. Врубеля. 1890 г. . . . 137
186. *«Демон».* Рисунок М. А. Врубеля. 1890 г. . . . 138
187. *«Демон».* Рисунок В. Д. Замирайло. 1914 г. . 139
188. *«Бэла».* Первая страница первопечатного текста 140
189. *«Бэла».* Рисунок В. А. Серова. 1890 г. 141
190. *«Бэла».* Рисунок И. Е. Репина. 1887 г. 141
191. *«Тамань».* Первая страница первопечатного текста 142
192. *«Тамань».* Рисунок К. А. Савицкого. 1891 г. . 142
193. *«Княжна Мери».* Рисунок М. А. Врубеля. 1890 г. 143
194. *«Княжна Мери».* Рисунок М. А. Врубеля. 1890 г. 144
195. *«Княжна Мери».* Акварель В. А. Серова. 1891 г. 145
196. *Бульвар в Пятигорске.* Рисунок М. А. Зичи. 1881 г. 146
197. *Ресторация в Пятигорске.* Рисунок М. А. Зичи. 1881 г. 146
198. *Дом в Пятигорске, где жила княгиня Лиговская.* Рисунок М. А. Зичи. 1881 г. 147
199. *Крыльцо ресторации в Кисловодске.* Рисунок М. А. Зичи. 1881 г. 147
200. *«Фаталист».* Первая страница рукописи . . . 148
201. *«Фаталист».* Рисунок К. А. Савицкого. 1891 г. 149
202. *«Герой нашего времени».* Титульный лист первого издания. 1840 г. 150

Стр.

203. *«Печорин».* Рисунок М. А. Врубеля. 1890 г. . . 151
204. *А. К. Воронцова-Дашкова.* Литография Граведона. 1840 г. 152
205. *«К портрету».* Автограф 152
206. *«На светские цепи».* Черновик 153
207. *Приказы об аресте Лермонтова за дуэль и о переводе его в Тенгинский пехотный полк* . . . 154
208. *Послужной список Лермонтова (из дела о дуэли с де-Барантом)* 154
209. *«Журналист, читатель и писатель».* Рисунок М. А. Врубеля. 1891 г. 155
210. *В. Г. Белинский.* Портрет работы И. А. Астафьева. 1881 г. 156
211. *Лермонтов в 1840 г.* Зарисовка с натуры Д. И. Палена 159
212. *При Валерике 11 июля 1840 г.* Акварель Лермонтова. 1840 г. 160
213. *Эпизод сражения при Валерике.* Акварель Г. Г. Гагарина по эскизу Лермонтова. 1840 г. . . . 161
214. *Страница из «Журнала военных действий».* . 162
215. *Из военной жизни.* Рисунок Г. Г. Гагарина по эскизу Лермонтова 163
216. *Отношение Штаба войск Кавказской линии командиру Тенгинского полка об увольнении Лермонтова в отпуск* 164
217. *Друзья Лермонтова в Кисловодске в 1840 г. (кружок шестнадцати).* Рисунок Г. Г. Гагарина. 1840 г. 164
218. *«Стихотворения М. Лермонтова».* Титульный лист 1-го издания. 1840 г. 165
219. *«Сосна».* Рисунок И. И. Шишкина. 1890 г. . . 166
220. *«Сосна».* Автограф 166
221. *«Три пальмы».* Рисунок В. Д. Поленова. 1891 г. 167
222. *«Три пальмы».* Рисунок В. Д. Поленова. 1891 г. 167
223. *«Утес».* Рисунок П. Дубовского. 1890 г. . . . 168
224. *«Воздушный корабль».* Рисунок Л. О. Пастернака. 1891 г. 169
225. *«Отчизна».* Автограф 170
226. *«Родина».* Первопечатный текст 171
227. *«Березы».* Рисунок Лермонтова 172
228. *М. Ю. Лермонтов.* Акварель К. А. Горбунова. 1841 г. 175
229. *«Сказка для детей».* Черновик поэмы 176
230. *«Сон».* Рисунок Г. Г. Гагарина 177
231. *«Сон».* Черновик 177
232. *«Герой нашего времени».* Титульный лист II изд. 178
233. *«Герой нашего времени».* Шмуцтитул II изд. с автографом Лермонтова 178
234. *«Пророк».* Рисунок М. А. Врубеля. 1904 г. . . 179
235. *«Пророк».* Рисунок И. Е. Репина. 1890 г. . . . 179
236. *Рапорт Лермонтова командиру Тенгинского полка о болезни* 180
237. *Свидетельство, выданное Лермонтову лекарем Барклаем де Толли о болезни* 181
238. *Дом в Пятигорске, где жил Лермонтов в 1841 г.* Картина Б. Р. Овсянникова 182
239. *Дорога к месту дуэли Лермонтова.* Фото. . . 183
240. *Место дуэли Лермонтова в 1850-х гг.* Фото. . 184
241. *Обложка дела о дуэли Лермонтова с Мартыновым* 184
242. *Приказ об исключении Лермонтова из полковых списков* 185
243. *«Любовь мертвеца».* Первая публикация . . . 186
244. *Памятник Лермонтову в Пятигорске.* Фото . 187
245. *Музей «Домик Лермонтова» в Пятигорске.* Фото. 1939 г. 188
246. *Комната Лермонтова в Пятигорском музее.* Фото. 1939 г. 188
247. *Памятник Лермонтову в Ленинграде* 189
248. *М. Ю. Лермонтов.* Скульптура М. Д. Рындзюнской. 1939 г. 190
249. *Место дуэли Лермонтова в настоящее время.* Фото. 1939 г. 191
250. *Лермонтов на языках народов СССР.* 192

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. *В. Мануйлов* . 3

Иллюстрации:

Детство, отрочество, юность 15
В Петербурге 53
Первая ссылка 93
Снова в Петербурге 111
Вторая ссылка 157
Последний год 173

Список иллюстраций 193

Редактор *А. М. Гордин.*

* * *

Подписано к печати 28/V 1941 г. М 30264. Печ. л. 24½ + вклейки ¾ л. Уч.-изд. л. 18,43 + вклейки 0,28. Тираж 10 тыс. Тип. зн. в 1 печ. л. 60800. Заказ № 855.

* * *

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

175

1814

1841

Читайгород